

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В КОНЦЕ XX В.

СБОРНИК ОБЗОРОВ

Москва
2000

ББК 81
Л 59

Серия
“Теория и история языкознания”

Редакционная коллегия:

Ф.М.Березин – д-р филол.наук (ответственный редактор),
С.А.Ромашко – канд. филол. наук,
Н.Н.Трошина – канд. филол. наук,
А.М.Кузнецов – д-р филол. наук

Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб.
обзоров / исслед. Отдел языкознания, Редколл.: Березин
Л 59 Ф.М., отв. ред. и др. – М., 2000. – 216 с. (Сер.: “Теория и
история языкознания”).
ISBN 5-248-01339-9.

В обзорных статьях сборника подводятся итоги развития той или иной области языкознания, достигнутых в XX в., а также намечаются пути и тенденции в их дальнейшей разработке. Рассматриваются такие темы, как парадигмы в истории языкознания XX в., сравнительно-историческое языкознание и типология языков, прикладная лингвистика, итоги и перспективы развития фонетико-фонологических исследований, лингвокультурология, морфология и др. Издание предназначено для лингвистов широкого профиля, преподавателей языковедческих дисциплин в высших учебных заведениях.

ББК 81

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
<i>Ф.М.Березин.</i> О парадигмах в истории языкознания XX в	9
<i>И.Г.Ольшанский.</i> Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы	26
<i>Н.Н.Трошина.</i> Лингвистический аспект межкультурной коммуникации	56
<i>С.А.Ромашко.</i> Сравнительно-историческое языкознание и типология: Реконструкция индоевропейской фонологии.....	69
<i>Ю.Н.Марчук.</i> Прикладная лингвистика в конце XX в	85
<i>М.Б.Раренко.</i> Развитие перевода в XX в. в России и США	112
<i>Р.К.Потапова, В.В.Потапов.</i> Итоги и перспективы развития фонетико-фонологических изысканий в конце XX в	123
<i>О.К.Клименко.</i> Слово как объект грамматического изучения	156
<i>А.М.Кузнецов.</i> Некоторые теоретические проблемы семантики последних десятилетий.....	173
<i>Е.О.Опарина.</i> Исследование метафоры в последней трети XX в	186
<i>Л.Г.Лузина.</i> Основные направления развития современной стилистики.....	205

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистики как наука, возникшая в начале XIX в., существует уже около 200 лет. За это время в ней выявились различные теоретические точки зрения, разные методологические процедуры, которые составляют ее важнейший компонент. Если в течение XIX в. лингвистика была ориентирована не столько на теорию, сколько на собирание языкового материала с точки зрения установления родственных связей между различными языками, то в течение XX в. наблюдается явный крен в сторону теоретического осмысления собранного материала, результатом чего явилось появление различных теорий, которые навряд ли могли быть оценены в лингвистических дебатах века. В XX в. лингвистика становилась все более точной наукой в плане выработки методологических проблем и приемов лингвистического анализа, которые были невозможны в XIX в.

Более молодой по возрасту является история языкознания, насчитывающая около 125 лет. В конце XIX в. не стоял остро вопрос о подведении итогов развития лингвистики за предшествующий период и в силу еще не зрелого состояния историографии языкознания как части общей теории языка, так и малого количества обобщающих теоретических работ. В конце XX в. перед лингвистами стоит другая задача – задача переосмысления уже достигнутого в свете современного состояния науки о языке. Лингвистика XX в. явила разные образы языка: язык как язык индивида, язык как социальный факт, язык как система, язык как структура и т.д., показав тем самым, что она в отличие от лингвистики XIX в. имеет много предметов исследования. Существование разных теорий языка свидетельствует не о монолитности лингвистики, а о существовании

теории частного порядка, оценка которых не может быть беспристрастной, что затрудняет объективную оценку этих теорий. Особенно важная роль в оценке этих теорий принадлежит историографии языкознания, ибо она может предостеречь против преувеличенных претензий на новизну, оригинальность, революционные открытия в области лингвистики, которых много выдвигалось в XX в., уменьшить полемический задор научных дискуссий и привести к определенной сдержанности в оценке новых лингвистических теорий.

Рассмотрение той или иной области языкознания в определенной исторической перспективе за известный временной отрезок с точки зрения достигнутых успехов или недостатков побуждает лингвиста к сдержанности в оценке, казалось бы, новых идей, которые вряд ли следует переоценивать в нынешних лингвистических спорах.

С этой точки зрения полезно бросить беглый взгляд на те лингвистические теории, которые были выдвинуты в XX в. и которые получили неоднозначную оценку. Чтобы обеспечить внутреннее единство многообразия различных взглядов, гипотез, идей в конце 50-х годов XX в., было выдвинуто понятие научной парадигмы. В обзорной статье Ф.М.Березина "Понятие научной парадигмы в истории языкознания XX в." проводится мысль о том, что связываемая с именем Ф. де Соссюра структуралистическая парадигма не представляет чего-то нового, ибо в ней не содержатся приписываемые Соссюру оригинальные идеи и положения. Гениальность Соссюра заключается в том, что он обобщил уже высказанные в конце XIX в. различными учеными лингвистические идеи, которые и составили структуралистическую парадигму. Аналогичную мысль можно высказать и в отношении генеративистской парадигмы, основоположником которой считается Н.Хомский. Хомский также аккумулировал идеи, высказываемые американскими лингвистами в середине 50-х годов, а сама генеративистская парадигма получила неоднозначную оценку в американском языкознании. Период становления переживает, и парадигма когнитивной лингвистики, переход на которую стимулировал быстрое развитие междисциплинарных исследований, к которым относится лингвокультурология.

В обзоре И.Г.Ольшанского "Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы" прослеживается становление

этой науки, ее связь с этнолингвистикой, лингвострановедением, взаимоотношения с текстом, сверхтекстом, выявляются различные направления в лингвокультурологии, ее тенденциях и перспективах развития.

Достиженные в XX в. успехи в области сравнительно-исторического языкознания и типологии на примере реконструкции индоевропейской фонетики рассматриваются в обзоре С.А.Ромашко “Сравнительно-историческое языкознание и типология: Реконструкция индоевропейской фонологии”. Автор приходит к выводу, что индоевропейистика в определенном смысле возвращается к своим истокам, вновь возвращается к выделению ключевых признаков, определяющих свойства системы в период ее праязыкового состояния.

“Прикладная лингвистика в конце XX в.” – тема обзора Ю.Н.Марчука. Он полагает, что исследования и разработки в области прикладной лингвистики в конце XX в. и связанных с ней областей – компьютерной, структурной, математической, инженерной, статистической и других лингвистик – в значительной мере стимулируются возросшими потребностями коммуникаций в современном коммуникационном обществе.

В обзоре Н.Н.Трошиной “Лингвистический аспект межкультурной коммуникации” указывается, что важной характеристикой социального и экономического развития общества в конце XX в. стала глобализация. В связи с этим масса людей вовлекается в процессы межкультурной коммуникации, которая предъявляет специфические требования к коммуникативной компетенции участников общения, что предполагает знание коммуникантами особенностей языкового и культурного кода друг друга.

А.М.Кузнецов в обзоре “Некоторые теоретические проблемы семантики последних десятилетий” прослеживает изменение статуса семантики в кругу лингвистических дисциплин, подчеркивая возрастание к концу XX в. роли и места таких направлений, которые внедряются в области креативной деятельности человека, так или иначе связанные с языковой активностью (когнитивистика, компьютерология и т.д.).

Р.К.Потапова и В.В.Потапов в обзоре “Итоги и перспективы развития фонетико-фонологических изысканий в конце XX в.” утверждают, что фонетика и фонология на стыке веков могут быть

охарактеризованы как науки, далекие от процесса затухания и ухода в небытие. Наоборот, они обрели “второе дыхание”, черпая силу из источника идей и новых теоретических и прикладных задач, стоящих перед языкознанием.

В обзоре М.Б.Паренко “Развитие перевода в XX в. в России и США” рассматриваются тенденции развития относительно молодой науки переводоведения, сформировавшейся на стыке лингвистики с другими дисциплинами.

В обзоре Е.О.Опариной “Исследование метафоры в последней трети XX в.” анализируются исследования по метафоре в последние десятилетия XX в. Этот период отмечен не только значительным интересом к проблемам природы и функционирования метафоры, но и изменением парадигмы исследования. Ведущей стала когнитивная парадигма, в которой метафора рассматривается как необходимый элемент языка, связанный с определенными когнитивными структурами и способный оказывать воздействие на мышление, мировосприятие и поведение человека. В обзоре анализируются различия между направлениями исследования метафоры, существующими между западной и российской лингвистикой.

В обзоре О.К.Клименко “Слово как объект грамматического изучения” рассматриваются проблемы тождества слова, критерия разграничения форм одного и того же слова, объема парадигм различных частей речи. Определяются морфема как наименьшая значимая часть слова, типы морфем и роль каждого из них в организации структуры слова.

В обзоре Л.Г.Лузиной “Основные направления развития современной стилистики” основные направления выделяются в связи с наиболее влиятельными парадигмами современного языкознания – коммуникативной и когнитивной. Отмечается широкое распространение и перспективность дальнейшего применения когнитивного и когнитивно-дискурсивного подходов.

Ф.М.Березин

Ф.М.Березин

**О ПАРАДИГМАХ
В ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ XX В.**

Акад. Вл.Ив.Вернадский (1863-1945) писал: “История науки... должна критически составляться каждым научным поколением и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются документы или находятся новые приемы восстановления былого. Нет! Необходимо вновь перерабатывать историю науки, вновь исторически уходить в прошлое, потому что благодаря развитию современного знания в прошлом получает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории отражение научных теорий своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но неизбежно переоценивает старое, пережитое” (2, с.112).

Эти слова великого ученого следует помнить, когда мы пытаемся подвести итоги развития науки, в частности лингвистики, в XX в. При подведении этих итогов в известной мере трудно избежать субъективности и некоторой односторонности, потому что многие теории, гипотезы, взгляды, предположения, выдвинутые лингвистами даже за сравнительно короткий (в рамках исторического времени) столетний период, нередко оказывались дискуссионными, спорными, получали неоднозначную оценку. И для современной лингвистики характерно множество выдвинутых концепций, сопоставление которых с концепциями начала XX в. показывает, что лингвистика конца XX в. переживает становление новой системы идей и представлений. Чтобы обеспечить внутреннее единство многообразия различных взглядов, гипотез и идей в конце 50-х годов XX в., было выдвинуто понятие научной парадигмы.

Книга американского историка науки Т.Куна (1922-1996) “Структура научных революций” (1961, русск. перевод 1975), анализирующая понятия “парадигмы”, “нормальной науки”, “научной революции”, “научного сообщества”, вызвала не только огромный интерес среди ученых, но и различные интерпретации этих понятий (ср. определение парадигмы у Куна: “Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу”, “парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму” (8, с.11, 221). Речь идет о заданном в определенный исторический отрезок времени определенным кругом ученых методологическом направлении научных исследований, новой парадигмы знаний, покоящихся на определенной философской основе.

Если с этой точки зрения посмотреть на парадигмы в истории языкознания, то за последнее столетие можно выделить три таких парадигмы – младограмматическую, представленную К.Бругманом (1849-1919) и Г.Остхофом (1847-1909) в предисловии к “Морфологическим исследованиям в области индоевропейских языков” (1878) (философская основа – позитивизм), структуралистскую, изложенную в “Курсе общей лингвистики” (1916) Ф. де Соссюра (1857-1913) (философская основа – позитивизм), и генеративистскую, более или менее четко представленную работой американского лингвиста Н.Хомского (р. 1928) “Аспекты теории синтаксиса” (1965). Каждую из этих работ отделяет друг от друга примерно 50 лет. И если младограмматическая парадигма является более или менее общепринятой, хотя и не бесспорной, поскольку в ней можно заметить противоречия между теоретическими результатами, что привело к тупику, выход из которого и предполагалось найти в соссюровской парадигме, которая также имеет ряд спорных моментов. “Печальная ирония заключается в том, что Соссюр должен бы быть известен как “отец структурализма”, притом что ни в одной из работ Соссюра слово “структура” никогда не употреблялось; оно редко встречается либо в “Курсе”, либо в “Мемуаре”, которые можно было бы рассматривать как структуралистские в смысле некоторых современных лингвистических школ” (24, с.197). Так, в “Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках” (1878)

Соссюр только один раз говорит о “структуре, рассматриваемой в самой себе”, в то время как термин “система” в “Курсе общей лингвистики” встречается 138 раз. Соссюр определял систему языка следующим образом: “Язык есть система, все элементы которой образуют целое” (11, с.147). К.Кёрнер в статье “Авторы идеи о языке как *“système où tout se tient”* (“где все взаимосвязано”)) высказывает предположение, что не Соссюр является автором этого определения языка, что это определение ему приписывают. Впервые мысль о приписывании Соссюру определения языка как системы высказал в 1971 г. американский лингвист У.Моултон (р. 1914), который в одной из рецензий писал, что при тщательном прочтении “Курса” Соссюра ему не удалось найти там обычно приписываемое Соссюру это определение.

По мнению К.Кёрнера, исследовавшего вопрос об авторстве вышеприведенного определения языка как системы, и другие ученые, кроме Моултона, например Дж.Лепски (р. 1935), склоняются к мысли, что автором определения языка как системы, в которой все взаимосвязано, является А.Мейе, который в первом издании “Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков” (1903) писал, что язык есть *“un ensemble où tout se tient”*. Сам Мейе использовал это определение еще раньше, в 1893 г., и не исключено, что он услышал его во время парижских лекций Соссюра в 1880-х годах.

Не являются собственно оригинальными и ряд других идей и положений, приписываемых Соссюру. Так, в совершенно забытой книге Г. фон дер Габеленца (1840-1893) “Языкознание” (1891), которая не сыграла сколько-нибудь существенной роли в истории языкознания, уже была выдвинута идея о трехчастном делении на язык / речь / речевую деятельность (*Einzelnsprache / Rede / Sprachvermögen*). Габеленц определил язык как “систему, части которой органически взаимозависимы и взаимосвязаны” (19, с.381). Английский психолог У.Джеймс (1842-1910) в книге “Принципы психологии” (1890) дал определение языка как “системы знаков, отличающихся от обозначаемых предметов, но способных предполагать (*suggest*) их” (20, с.356).

Важным компонентом соссюровской теории является и понятие произвольного характера связи между понятием и его акустическим образом. О понятии произвольности упоминал уже У.Уитни в своей книге “Язык и изучение языка: Двенадцать лекций

о принципах лингвистической науки” (1867), на которые в своем “Курсе” ссылался Соссюр.

Все эти лингвистические идеи уже витали в воздухе и нужно было одно случайное обстоятельство, которое подтолкнуло Соссюра к изложению своих взглядов. Ведь он с самого начала своей научной карьеры в Женевском университете был занят чтением лекций по индоевропеистике, курсов по санскриту, древнегреческому и различным германским диалектам. Он отнюдь не испытывал желания читать лекции по общему языкознанию. “Чтение “Курса” было случайным эпизодом в жизни Соссюра” (14, с.667). И его идеи оказались бы никому не известными, не попроси его университетское начальство прочитать лекции по общему языкознанию в 1907-1911 гг. взамен ушедшего в отставку Ж.Вертгеймера, который с 1873 г. читал этот курс. Интеллектуальный климат эпохи требовал более систематического изучения языка и неповторимая оригинальность Соссюра заключалась в том, что он создал свою собственную полную и всеобъемлющую систему независимо от вдохновлявших его источников.

Нельзя сказать, что выраженные в “Курсе общей лингвистики” идеи Соссюра вызвали восторженный прием у европейских лингвистов. Так, К.Кёрнер отмечает, что известный датский лингвист О.Есперсен (1860-1943) полагал, что Соссюр навряд ли выдвинул какие-то новые идеи о природе языка. Есперсен весьма критически относился и к соссюрговскому разграничению языка и речи, синхронии и диахронии (24, с.124-126). В разные периоды своей деятельности и по разным поводам антисоссюрианцем выступал и известный английский лингвист Дж.Фёрс (1890-1960). Он не видел проблемы в разграничении синхронии и диахронии, выступал против трихотомии “язык / речь / речевая деятельность”. Мимо его внимания прошла и соссюрговская идея языкового знака, и учение Соссюра о семиологии, и многие другие идеи Соссюра (24, с.151-166). Да и в России идеи Соссюра нашли не слишком много поклонников. Сам Бодуэн де Куртенэ ни разу не обмолвился о “Курсе” Соссюра, а ведь он в 1922-1923 гг. совершил поездку по Европе, где “Курс” в это время был широко известен. “Когда в 1923 г. мы получили в Ленинграде Cours de linguistique générale de Saussur’a... то были поражены многочисленными совпадениями Соссюра с привычными нам положениями” (15, с.94) “Относительно прошумевшей посмертной книги де Соссюра можно уверенно утверждать, что в ней

нет никаких новых положений, которые не были бы нам уже известны из учения Бодуэна де Куртенэ” (9, с.185).

Р.О.Якобсон (1896-1982) также без энтузиазма воспринимал идеи Соссюра. Ознакомившись впервые с “Курсом” Соссюра весной 1920 г. в Праге, Якобсон признавал, что Соссюр и его школа проложили новый путь в статической лингвистике, но что касается области истории языка они оставались на младограмматической колее; учение Соссюра, что звуковые законы обладают разрушительной силой, Якобсон считал случайным и слепым. Неприемлемой для Якобсона была и идея Соссюра об антиномии синхронии и диахронии (16, с.2). В восьмитомном собрании сочинений Якобсона (1962-1982) содержится 177 ссылок на Соссюра, но эти количественные данные ни о чем не говорят. Кёрнер (24, с.147), видимо, соглашается с точкой зрения американского лингвиста Дж.Джозефа (р. 1956), который писал, что навряд ли будет преувеличением сказать, что все лингвистические работы Якобсона, вышедшие после второй мировой войны, да и предшествующие, представляют критику Соссюра. Н.С.Трубецкой тоже несколько опасался, что его взгляды могут каким-то образом связываться с идеями Соссюра. Во время посещения Англии он был просто ошеломлен, когда узнал, что английские лингвисты отождествляют его (и Якобсона) непосредственно со школой де Соссюра. По этому поводу он заметил: “Это несколько вредит нам” (письмо Якобсону, написанное в мае 1934 (26, с.299).

Некоторые современные российские лингвисты также не склонны принимать на веру ряд положений Соссюра. Так, О.Н.Трубачев заметил: “Кто знает, не сочтут ли в свою очередь наши потомки великой ересью нашего XX века эту *обременительную* (выделено нами. – Ф.Б.) дихотомию синхронии / диахронии” (13, с.28), поскольку в основе сравнительно-исторического языкознания лежит сравнение, а не противопоставление одного состояния языка другому.

Ряд противоречивых положений в “Курсе” Соссюра объясняется тем, что это не классический текст (*exemplar*), просмотренный и отредактированный автором, а запись курса лекций, сделанных его студентами Ш.Балли (1865-1947) и А.Сеше (1870-1946). На отношениях Соссюра со студентами не мог, видимо, не сказаться и его характер. Кёрнер характеризует Соссюра следующим образом: “Соссюр был гораздо более несостоявшийся

(frustrated) и более агрессивный человек, чем это мог себе представить читатель общепринятого текста” (22, с.96).

В 1933 г. появился первый русский перевод “Курса” Соссюра (перевод А.М.Сухотина, под ред. Р.М.Шор), хотя попытки перевода делались уже в 1922 г. А.И.Роммом (1898-1943). При обсуждении книги Соссюра на заседании Московского лингвистического кружка 5 марта 1923 г. ряд советских лингвистов также выступили с критикой некоторых положений Соссюра. Так, Л.И.Жирков (1885-1963) нашел, что центральный пункт учения Соссюра – понимание языка как системы – слабо обоснован. Н.И.Жинкин (1893-1979) заметил, что у Соссюра не дано описания и дифференциации систем. По мнению М.Н.Петерсона (1885-1962), указание Соссюра на системность языка находит свою аналогию в фортунатовской школе при рассмотрении ряда категорий русского и других славянских языков (более подробно см. 12, с.242-245).

В работах советских лингвистов предвоенного периода содержатся единичные ссылки на “Курс общей лингвистики” Соссюра. Чем же все-таки объясняется, что структуральная теория нашла свое первое выражение в тезисах Пражского лингвистического кружка и начала триумфальное шествие по всему миру “расплывчатая совокупность, именуемая структуриализмом” (10, с.323).

Чтобы ответить на этот вопрос, следует иметь в виду, что на смену одной парадигмы другой большое влияние оказывают и экстралингвистические факторы (социальные и политические), а также личностные, играющие большую роль в принятии или отклонении той или иной парадигмы. При определении причин смены парадигм необходимо знать и интеллектуальную историю той эпохи, в которой формулировалась та или иная парадигма, тот интеллектуальный климат, который повлиял на становление этой парадигмы. С учетом интеллектуального климата необходимо учитывать даже менталитет ученого, участвующего в формировании парадигмы. “Сам характер мышления у славянских ученых... – пишет В.В.Колесов, – отличался от мышления немецких или французских. Им не свойственна была чисто аналитическая работа с ориентацией на конкретные частности. Ни А.Востоков, ни И.Добровский, никто из их последователей не создает компендиумов полного типа (ср. компендиумы К.Бругмана или Б.Дельбрюка. – Ф.Б.): они обращают внимание, выражаясь современным языком, только на доминантные стороны развивающейся языковой системы” (6, с.171).

Младограмматическая парадигма ориентируется на сбор конкретных данных. Этому способствовал тот факт, что повышение роли среднего образования в Германии после франко-прусской войны 1870 г. и усиленное преподавание латыни и древнегреческого языка в германских гимназиях стимулировало интерес к сравнительно-исторической проблематике. Преподавание классических языков в гимназиях Российской империи также способствовало развитию компаративистики в России во второй половине XIX в.

Широкое распространение структуралистской парадигмы, видимо, можно объяснить резко негативным отношением французских и славянских лингвистов, как и вообще ученых, к кайзеровской Германии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне.

Переход от структуралистской парадигмы к новой, генеративистской стал именоваться в лингвистике 60-х годов “хомскианской революцией”, поскольку идеи генеративизма были высказаны Н.Хомским в его работах “Синтаксические структуры” (1957) и “Аспекты теории синтаксиса” (1965). Самые главные моменты в теории Хомского Е.С.Кубрякова видит в следующем:

“1) провозглашение приоритета гипотетико-дедуктивного подхода к языку взамен эмпирического, дедуктивного;

2) перемещение в центр грамматики уже не фонологии и морфологии, а синтаксиса и синтаксических отношений;

3) положение о творческом, креативном характере деятельности с языком и необходимости изучать именно эту сторону деятельности говорящих;

4) признание семантического компонента как неотъемлемого компонента грамматики и грамматического описания языка;

5) рассмотрение языка как феномена ментального, феномена психики человека” (7, с.175).

В какой мере взгляды Хомского можно считать “революционными” и в какой мере они являются оригинальными? Термин “революция” не использовался в лингвистической практике XIX в. и первой половины XX в. Его впервые употребил Ч.Вёглин (1906-1986) в рецензии на книгу Хомского “Синтаксические структуры”, да и то скорее иронически, чем серьезно. По мнению Кёрнера, термин “революционный” применительно к работам Хомского использовали исключительно журналисты, а не лингвисты, а преданный сторонник теории Хомского М.Бирвиш (р. 1930) в

1966 г. полагал, что “Синтаксические структуры” знаменуют определенный этап в структурной лингвистике (24, с.92). Кёрнер склоняется к мнению, что в данном случае уместнее говорить не о революции, а о прорыве (breakthrough), об определенном этапе в развитии языкознания, и термин “революция” совершенно не применим к трансформационной грамматике, а М.Джус (1907-1978) охарактеризовал хомскианскую революцию “как ересь в рамках неососсюрианской традиции, а не конкуренцию этой традиции” (18, с.17). В последнее время выявилась тенденция трактовать все успехи современной лингвистики как связанные с порождающей грамматикой. Особенно это проявилось в четырехтомном издании Ф.Ньюмейера (р. 1944) “Лингвистика” (1988-1989). Кёрнер же полагает, что подход Хомского к синтаксису в “Синтаксических структурах” во многом напоминает положения З.Хэрриса (1909-1992), изложенные в книге последнего “Методы структурной лингвистики” (1951). Хэррис в этой книге уже определяет грамматику как набор инструкций, которые порождают предложения языка, говорит о синтаксисе, на который лингвисты не обращали внимания до Хомского. У Хэрриса уже проявляется склонность к математическим формулам и алгебраическому выражению. Хомский сам признавал, что, “когда я начал несколько лет спустя серьезно исследовать генеративный синтаксис, мне удалось применить для этой цели выработанную З.Хэррисом и его учениками новую концепцию, а именно концепцию “грамматической трансформации”. Быстро стало ясно, что с помощью этой новой концепции можно было преодолеть многие из заблуждений той модели, которой я пользовался прежде” (17, с.40-41). “Несомненно, Хомский был важнейшим продолжателем (the most important developer) основных идей, впервые сформулированных Хэррисом” (22, с.123). Хомский был знаком и с работой Хэрриса об анализе дискурса, которая проложила путь к изучению синтаксиса у Хомского. Всякие попытки Ньюмейера установить превосходство Хомского над Хэррисом, по мнению Кёрнера, не выдерживают никакой критики. И если Хомский со своим учением о глубинных и поверхностных структурах занимался порождениями высказывания в рамках только одного языка, то Хэррис выдвинул идею о порождении высказываний одного языка из высказываний другого языка, в частности трансформацию предложений из английского языка в современный еврейский. Кёрнер полагает также, что на

формирование взглядов Хомского большое влияние оказала статья Ч.Хоккета (р. 1916) “Две модели грамматического описания” (1954), в которой он вводит понятия “производной формы” и “глубинных форм”, занявшие значительное место в теоретических взглядах Хомского. В целом же Вёглин признает, что “применение принципа трансформации к грамматике (у Хомского), конечно, не было новым” (27, с.230).

Поскольку лингвистические идеи не могут распространяться в вакууме, целесообразно рассмотреть интеллектуальную и социальную атмосферу в США в конце 50-х и начале 60-х годов, когда формировалась генеративистская парадигма, изложенная Хомским в его работах. Обстоятельный ответ на анализ состояния лингвистики того времени в США можно найти в статье Кёрнера “Хомскианская “революция” и ее историография: Заметки свидетеля” (22, с.101-146). Он отмечает, что многие студенты, приехав в США в середине или в конце 60-х годов, обычно после получения европейского диплома стремились понять суть новой теории. Их уже не могли удовлетворять модели языкового анализа, разработанные Б.Блохом (1909-1967), З.Хэррисом, Дж.Трейджером (1909-1992), Г.Смитом (1913-1974) и другими. Они были готовы к восприятию идей, на первый взгляд восходящих к идеям Р.Декарта (1596-1650), грамматике Пор-Рояля, В.Гумбольдту (1767-1835). Кёрнер высказывает сильное сомнение в том, что эти молодые европейские лингвисты рассматривали трансформационно-генеративную грамматику (ТГГ) как революционную. Многие из них вскоре обнаружили, что для практических целей так называемая “менталистская” точка зрения на язык никак не связана с практикой исследования языков. Через несколько лет после возвращения в Европу они отказались от положений ТГГ. На широкое распространение ТГГ в США оказали влияние социально-экономические и социальные факторы. Движение за гражданские права при президентах Дж.Кеннеди и Джонсоне, американская интервенция во Вьетнаме поляризовали разные точки зрения среди ученых старшего и младшего поколений, особенно среди представителей общественных наук. Немаловажное влияние на развитие лингвистики в США оказал и принятый в конце 1958 г. Закон о защите национального образования, согласно которому в университетских программах по лингвистике большое внимание уделялось ТГГ. По мнению Кёрнера, нельзя не учитывать и влияние моды (fashion), особенно со стороны молодых студентов-

лингвистов, хлынувших в университеты в 60-х и начале 70-х годов, после окончания которых они в массовом порядке вступали в Американское лингвистическое общество (АЛО). Любопытна приводимая статистика: в 1950 г. в АЛО было 829 членов, в 1960 г. – 1768, в 1971 г. – 4383. Ньюмейер объясняет это не столько ростом влияния ТГГ, сколько результатом мрачной перспективы найти работу по специальности: членство в АЛО давало хоть какую-то надежду получить работу.

Очевидный успех ТГГ объяснялся еще и тем, что она больше была связана с идеологией, чем с попыткой некоторых ученых разработать адекватную теорию языка, а не теорию лингвистики. “Я придерживался (и до сих пор придерживаюсь) мнения, что с Хомским и его кружком связан определенный сдвиг ударения в целях лингвистической теории, который только на первый взгляд довольно драматически напоминает концепции Куна о “парадигме” и “революции”. Эти изменения в общем подходе к языку и, соответственно, к философии науки, были, вероятно, не во всех отношениях благотворны для лингвистических исследований в целом... Возрождение интереса к анализу дискурса, прагматике речи, к различным социолингвистическим подходам (к языку) не были бы столь четко выражены, не сосредоточься односторонне “хомскианская парадигма” на абстрактных данных (обычно выдвигаемых аналитиком для поддержки теоретического аргумента), весьма далеких от действительной речи” (22; с.109-110).

Молодые лингвисты 60-70-х годов действительно полагали, что они являются свидетелями революции в своей области и, кажется, то широко распространенное убеждение в связи со свойственным молодежи энтузиазмом и лежало в основе хомскианской “революции”.

Нельзя забывать и о финансовой подоплеке в распространении ТГГ. Небезынтересно приводимое Кёрнером высказывание Р.Мехты, который, в свою очередь, приводит слова Хомского о том, что последний получал деньги за работу, невидимо связанную с военными интересами из министерства обороны США через Массачусетский технологический институт, где Хомский был преподавателем на полной ставке. Было бы несправедливо утверждать, что только одни деньги способствовали успеху ТГГ.

Немаловажную роль в продвижении Хомского и распространении его теорий в конце 50-х – начале 60-х годов сыграл

Б.Блох (1909-1967), бывший в то время редактором журнала "Language", основного органа АЛО с 1941 по 1965 г.

В 1962 г. в Массачусетсе состоялся IX Международный конгресс лингвистов, на котором Р.Якобсон представил Хомского как "восходящую звезду". На этом конгрессе Хомский впервые в своем докладе говорил о Соссюре, Гумбольдте и грамматике Пор-Рояля, все время пытаясь доказать, как много общего его теория имеет с почитаемыми традициями европейской лингвистики XVIII-XIX вв. "Я полагаю, — замечает Кёрнер, — что на этом хорошо отрежиссированном конгрессе призыв Хомского к рационалистической традиции, лежащей в основе лингвистических идей, привлёк внимание многих европейцев к его работе" (22, с.117). Только одна статья Хомского была отвергнута тогдашним редактором журнала Word А.Мартине (1908-1999). Но ни журнал, ни редактор не примкнули к блумфилдианскому структурализму, который лежал в основе статьи Хомского. Дескриптивисты блумфилдианского толка были благожелательно расположены не только к Хомскому как человеку, но и к его теории: они считали его одним из своих.

Состояние языкознания в США к середине 60-х годов С.Лэмб (р. 1929) характеризовал следующим образом: "Господствовало два различных мнения. Лингвисты старшего поколения, встречаясь с некоторыми положениями на страницах работ Хомского, скептически и не без некоторой доли возмущения смотрели на искажения и непонимание своих идей и практики своих коллег, в то время как студенты, которые никогда не знали, что в действительности представляла из себя необлумфилдианская лингвистика, и люди, не связанные с лингвистикой, руководствовались ложным впечатлением, что все лингвисты до Хомского (за исключением, конечно, Гумбольдта, Сэпира и некоторых других кандидатов на причисление к лику святых) были обманутыми путаниками, от чьих глупых тисков Хомский героически спас лингвистику" (25, с.414).

Со ссылкой на Кёрнера (21, с.195-204) В.З.Демьянков пишет, что "как ни парадоксально, успех этой (хомскианской. — Ф.Б.) революции совершенно не проявился в завоевании административных высот сторонниками Хомского" (4, с.248). Что это не так, свидетельствует сам Кёрнер в вышеупомянутой статье. Успех и распространение ТГГ именно в значительной мере объясняется административным нажимом со стороны сторонников ТГГ,

занимавших и занимающих крупные административные посты в АЛО, крупнейшей профессиональной организации лингвистов в мире. Кёрнер опровергает мнение Ньюмейера, что влияние администраторов – сторонников ТГГ было непропорционально мало. Поль Чапин, директор лингвистического фонда социальных наук, бывший аспирант Хомского, в течение 15 лет занимал указанную должность и через него текли миллионные суммы долларов на поддержку лингвистических программ в Массачусетском технологическом институте. Первый докторант Хомского Д.Лангендоен с 1984 г. был секретарем-казначеем АЛО. Президентами АЛО были сторонники Хомского В.Фромкин (1985), Б.Патри (1986), Э.Троггт (1987). Через них же распределялись гранты, членства в важных комитетах АЛО, выдвижение кандидатов и т.п. “Интересно было бы узнать, – пишет Кёрнер, – какое количество организаций, связанных с выдвижением членов и оказывающих влияние на назначение приглашенных ученых, эффективно контролируется людьми, которые в широком смысле слова принадлежат этому движению (ТГГ. – Ф.Б.); хотелось бы также знать, какое количество их обладает политической властью в университетах в качестве ректоров, деканов и т.д. Кроме того, если бы не было этого административного давления, можно ли было утверждать, что эта “революция” состоялась? И все же это только один аспект (вероятно, самый решающий), который требует основательного изучения” (22, с.137). Хомскианская “революция” совершалась не в вакууме, и недостаточно перечитать лингвистическую литературу, предшествующую появлению “Синтаксических структур” (1957) Хомского. Необходимо воссоздать интеллектуальную и социальную атмосферу 50-х годов, перечитать литературу по теории информации, машинному переводу. Воссоздание этой атмосферы позволит понять, что хомскианская “революция” – это отнюдь не революция, а очередной этап в развитии языкознания середины 50-х годов XXв.

Нельзя не согласиться с мнением Е.С.Кубряковой, что “специалисты... выступают против неправомерного отождествления общих теорий языка с генеративизмом” (7, с.148-149) и уже начиная с середины – конца 70-х годов методологи языкознания начинают говорить об эпохе постгенеративизма и престижность ТГГ явно идет на спад и многим европейским специалистам начинает казаться, что эра его влияния завершена (там же, с. 150).

Многие лингвисты отмечают, что генеративистская парадигма закончилась и на смену ей в конце XX в. наступает новая парадигма научного знания – парадигма когнитивной лингвистики, интегрирующей в себе искусственный интеллект, языкознание, психологию и неврологию (теорию мозга), т.е. как науки междисциплинарной. Одной из главных задач когнитивного подхода к языку является “исследование структур представления разных типов знания и способов концептуальной организации знания в процессах порождения и восприятия речи” (7, с.190).

Когнитивная лингвистика, возникшая в США в конце 70-х – начале 80-х годов, естественно, несет на себе и отпечаток некоторых идей ТГГ, в частности представление о языке как порождающем устройстве, ментальной репрезентации грамматики отдельного (идеального) говорящего, моделирования этих ментальных процессов. Когнитивная лингвистика развивает и положение Хомского о том, что она должна быть посвящена изучению языковой способности (компетенции) человека, являющейся одной из самых замечательных, познавательных (когнитивных) способностей. Эти способности формируются и выражаются через язык, через порождение и восприятие речи.

Не рассматривая подробно положений когнитивной лингвистики (см. об этом 7, с.144-238; сб. “Язык и структуры представления знаний” (1992), “Структуры представлений знаний в языке” (1994), В.З.Демьянков “Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода” (В.Я., 1994, №4), нельзя не согласиться с мнением В.З.Демьянкова, что “когнитивная лингвистика сегодня – формирующееся направление, занятое открытием путей, которыми язык использует общие когнитивные механизмы. В то же время предполагают использовать исследование языка с целью понять такие механизмы. В этом глубокое ее отличие от генеративной лингвистики, считающей, что языковая система не зависит от общих когнитивных механизмов” (3, с.57).

Говорить о том, что когнитивная лингвистика занимает сейчас доминирующее положение в языкознании конца XX в., не приходится. В ней также выявляются разные предметные области исследования, своеобразный синтез когнитивного и коммуникативного подходов к явлениям языка. При таком разнообразии представлений о языке современной лингвистике свойственны общие принципиальные установки о языке, к которым

относится экспансионизм – выходы в другие науки, антропоцентризм – изучение языка с целью познания его носителя, функционализм – изучение всего многообразия функций языка и экспланаторность – объяснение языковых явлений. “Лингвистику XX в. можно представить в виде “КАК – лингвистики” (“как устроен язык”), на смену которой придет “ЗАЧЕМ/ПОЧЕМУ – лингвистика, в основе которой будет лежать примат объяснения” (5, с.91).

Многие языковеды сходятся во мнении о том, что в конце XX в. появилось множество дополняющих друг друга лингвистических теорий, пытающихся выработать современную интерпретацию того, что представляет собой естественный язык, поскольку одна какая-либо, даже всеобъемлющая теория не может дать всеохватное описание языка. Между тем попытки создать такую теорию, попытки создать новую парадигму уже начинают сейчас появляться. Так, В.Н.Базылев пишет, что современная лингвистика испытывает потребность в создании целостной интегральной концепции естественного языка. Такую концепцию он видит в разработке синергетического подхода к анализу естественного языка на основе связности, всеединства синтезируемых областей знания. “Энергетическая трактовка природы имени (слова, языка) передается с помощью категорий сущности и энергии. Основной тезис при этом формулируется следующим образом: энергия сущности есть сама сущность, но сущность не есть ее энергия. Слово есть синергия познающего и вещи” (1, с.46). По мнению автора, синергетика во второй половине XX в. становится источником нового – эволюционного и холистического видения мира. И с этой точки зрения он полагает, что проблема синергетики языка и речи станет одной из центральных проблем языкознания XXI в. И одним из первых шагов в рамках формирования синергетического подхода к языку Базылев считает формулирование гипотезы о языке, выявление и введение нового материала (языкового-речевого), находившегося вне сферы лингвистики или занимавшего в лингвистике маргинальные позиции; формулировка проблематики, которая пока не разрешима в рамках иных существующих парадигм. Предлагаемая автором гипотеза, как он утверждает, классически трехчастна: она предполагает наличие методологии, метода и методики. В плане методологии за основу берется философская концепция синергетики. Метод представлен в обсуждаемой парадигме герменевтическим методом и методом динамических систем. А методика в данной

триаде представлена моделированием, представлением, интерпретацией и т.д.

Мы не говорим здесь о том, займет ли предлагаемая парадигма в языкознании по крайней мере начала XXI в. то место, которое ей предписывает автор. Но хотим только подчеркнуть, что языкотворческие тенденции в XX в. буквально пронизывают интеллектуальное творчество, в основе которого лежит выявление и использование функционирования языковой системы, когнитивных возможностей языкового моделирования реальности.

Не заглядывая далеко в XXI в., можно согласиться с мнением Е.С.Кубряковой, что, “несмотря на фактически наблюдаемые процессы интеграции сближения позиций разных школ, каждая из них продолжает свой собственный путь развития, демонстрируя разные предметные области исследования и по существу являя собой отдельную (малую) парадигму научного знания. В таком случае статус современной лингвистики следовало бы охарактеризовать как полипарадигмальный” (7, с.228).

Важно только отметить, что и сейчас появляются новые области исследования, знаменующие собой поворот от изучения языка к исследованию речи, что позволяет говорить о формировании *речеведения* как особой области исследования в дополнение к *языкознанию*, занимавшему господствующее положение в филологии XX в. Будут предлагаться разные пути исследования языка и речи, высказываться разные подходы к выявлению антропоцентрической сущности речемыслительной деятельности. Плодотворность этих подходов будет определяться не громогласными заявлениями, а новизной результатов и тем, насколько эти новые подходы будут стимулом и инструментом непрерывного процесса познания.

Список литературы

1. Базылев В.Н. Синергетика языка: Овнешнение в гадательных практиках. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – 180 с.
2. Вернадский В.И. Очерки и речи. – Петроград, 1922. – Вып. 2 – 123 с.
3. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структура представления знаний. – М., 1992. – С.39-77.
4. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX в. // Язык и наука конца XX в. – М., 1995. – С.239-320.

5. Кибрик А.Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9, Филология. – М., 1995. – №5. – С.84-92.
6. Колесов В.В. Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. – Л.: Наука, – 1984. – С.163-199.
7. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. – М., 1995. – С.144-238.
8. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975. – 300 с.
9. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – 374 с.
10. Серио П. Лингвистика и биология: У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука конца XX в. – М., 1995. – С.321-341.
11. Соссюр Ф. Труды по общему языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
12. Тоддес Е.А., Чудакова М.О. Первый русский перевод "Курса общей лингвистики" Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка // Федоровские чтения, 1978. – М., 1981. – С.229-249.
13. Трубачев О.Н. Славянская филология и сравнительность: От съезда к съезду // Славянское языкознание: Докл. рос. делегации / XII Междунар. съезд славистов. – Краков, 1998. – 623 с.
14. Холодович А.А. Фердинанд де Соссюр: Жизнь и труды // Соссюр Ф. де. Труды по общему языкознанию. – М., 1977. – С.650-671.
15. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 187 с.
16. Якобсон Р.О. О чешском стихе – преимущественно в сопоставлении с русским. – Берлин: М.: ОПОЯЗ – МЛК, 1923. – 120 с.
17. Chomsky N. The logical structure of linguistic theory. – N.-Y.: Plenum, 1975. – 573 p.
18. Joos M. Linguistic prospects in the United States // Trends in European and American linguistics, 1930-1960. – Utrecht; Antwerpen: Spectrum, 1961. – P.11-20.
19. Gabelentz G. von, Der Sprachwissenschaft: Ihre Aufgaben, Methoden u. Bischerigen Ergebnisse. – Leipzig, 1890. – 520 s.
20. James W. The principles of psychology. – N.Y., 1890. – Vol.1/2.
21. Koerner K., Tajima M. N. Chomsky: A personal bibliography, 1951-1986. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1986. – 217 p.
22. Koerner K. Practicing linguistic historiography. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989. – 454 p.
23. Koerner K. Professing linguistic historiography. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1995. – 274 p.
24. Koerner K. Linguistic historiography: Projects a. prospects. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. – 236 p.

25. Lamb S. Review of Chomsky's "The logical basis of linguistic theory" (1964) and "Aspects of the theory of syntax" (1965) // Amer. anthropologist. – N.Y., 1967. – Vol.69. – P.411-415.
26. Trubetzkoy N.S. Letters and notes. – Amsterdam: Mouton, 1985. – 506 p.
27. Voegelin Ch. Review of "Syntactic structures" by N.Chomsky // Intern. j. of amer. linguistics. – N.Y., 1958. – N24. – P.229-231.

И.Г.Ольшанский

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ В КОНЦЕ XX В.: ИТОГИ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Переход лингвистики на антропологическую парадигму, совершившийся в последние десятилетия XX в., стимулировал быстрое развитие междисциплинарных областей гуманитарных исследований, в основе которых лежит триединство “человек – язык – культура”. Это такие дисциплины, как этнолингвистика и социолингвистика, лингвострановедение и лингвокультурология (101; 102) Различные направления антропологической лингвистики восходят, как известно, к концепции В. фон Гумбольдта, который видел в языке воплощение и проявление духа народа, его миропонимания и менталитета (18). “Мы мыслим мир таким, каким нам оформил его сначала наш язык. Различия в философии и духовной жизни стоят в неосознаваемой зависимости от классификации, которую осуществляет язык” (4, с.36). Л.Вайсгербер считает язык “промежуточным миром”, который находится между реальным миром и человеком, его сознанием.

Для языка и культуры характерны общие признаки: это формы сознания, отражающие мировоззрение народа и человека; они ведут между собой постоянный диалог, так как субъект коммуникации – это всегда субъект определенной (суб)культуры; они имеют индивидуальные и общественные формы существования; обоим явлениям свойственны нормативность, историзм, а также взаимная включенность одной сферы в другую (84, с.224-226). Язык – составная часть культуры, основной инструмент ее усвоения, носитель специфических черт национальной ментальности. С другой стороны, “культура включена в язык, так как вся она смоделирована в

тексте” (51, с. 35, 37, 107). В то же время между ними существуют значительные различия: язык как средство коммуникации ориентирован на массового адресата, тогда как в культуре ценится элитарность; в отличие от языка культура не способна к самоорганизации. Это разные семиотические системы, причем культура гомоморфна (структурно подобна) языку (51, с.39). Их взаимная подмена недопустима: “Нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка” (78, с.331).

В общем плане лингвокультурология определяется как “комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании” (11, с.26; 12, с.4). Как часть науки о человеке, лингвокультурология ориентирована, с одной стороны, на человеческий (культурный) фактор в языке, с другой – на языковой фактор в человеке. К многочисленным определениям культуры с указанием на ее онтологические свойства (противопоставленность природе, эволюционный характер и историзм, ценностная ориентация, межпоколенная трансляция) добавляется еще одно: это “мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой” (84, с.222). Культура – часть картины мира, закрепленной в языке.

Одной из базовых наук, служащих теоретической основой и источником лингвокультурологии, является собственно культурология – теория и методология изучения культуры. Эта наука изучает сущность и характер культуры, ее виды, формы, функции, структуру и динамику, моделирует культурные конфигурации различных эпох, народов, социумов, конфессий, сословий, выявляет черты своеобразия культурных миров (36). Впервые термин “культурология” был предложен немецким философом и химиком В.Оствальдом в 1909 г., а в 1939 г. независимо от него к этому термину обращается Лесли А.Уайт в своих антропологических исследованиях. В настоящее время при всей дискуссионности многих проблем и категорий этой области знания происходит процесс “культурологизации” общественных наук, наук о человеке.

Для дальнейшего изложения важно подчеркнуть (наряду с наличием известных признаков) следующие характеристики культуры. Культура – явление: 1) национальное (наряду с языком она признается важнейшим атрибутом нации, этноса);

2) этноцентрическое (каждый этнос считает себя центром мироздания); 3) прототипическое (наряду со стереотипами существуют прототипы культуры, т.е. ее типичные образцы, общезначимые символы, эталоны, мифологемы как выразители коллективного бессознательного). Основной и наиболее продуктивный метод изучения культуры – сопоставление с другими культурами и языками, межкультурный контраст, “кросскультурный анализ”.

С другой стороны, лингвокультурология – лингвистическая дисциплина, второй составляющей которой является лингвистика (шире – филология как наука, изучающая тексты). Она входит в комплекс дисциплин антропологической ориентации, таких, как лингвогносеология (когнитология), лингвосоциология (социолингвистика), лингвопсихология (психолингвистика), лингвоэтнология (этнолингвистика), лингвопалеонтология (66).

Лингвокультурология гумбольдтовской ориентации переживает период проектирования и становления, она находится в стадии “первоначального накопления”. От других, ранее сформировавшихся научных направлений, изучающих взаимосвязь языка и культуры, лингвокультурология отличается предметом, материалом, целью и методами анализа. Лингвокультурология (в одном из своих направлений) вышла из недр этнолингвистики, которая исследует взаимозависимость языка, духовной культуры, менталитета, народного творчества (86). Этнолингвистические исследования осуществляются в исторической ретроспективе, преимущественно на материале славянских языков. Материал этнолингвистики – фольклорные и мифологические тексты, ритуалы религиозного и бытового характера, суеверия, приметы, поверья и т.п. (25). Цель исследований – реконструкция на основе этих данных культуры этноса и языковой картины мира, воплощенной в его языке (61, с.28). Результаты многолетних разысканий в этой области обобщены, например, в этнолингвистическом словаре “Славянская мифология”.

В отличие от этнолингвистики, лингвокультурология ориентирована на современное состояние и функционирование языка и культуры. Новая дисциплина рассматривается как “та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии” (84, с.217). Лингвокультурология исследует “прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них

языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа” (84, с.218). Такое понимание предмета лингвокультурологии способствует развитию идей, высказанных в отечественной науке А.А.Потебней, М.М.Покровским, В.В.Виноградовым, Д.С.Лихачевым, Н.И.Толстым, Ю.М.Лотманом, идей, которые связаны с проявлением культурно-национальной специфики языковых единиц и текстов. Источником фактического материала для лингвокультурологических обобщений послужили многочисленные исследования в области русского и основных западноевропейских языков, содержащие анализ их национально-культурного своеобразия, культурно обусловленных явлений, культурно связанных единиц, идиоэтнических особенностей фразеологии, разного рода “этнореалий” (см. подробную библиографию в обзоре: 58, с.59-65). Развитие лингвокультурологии как науки прошло через этап выделения особого аспекта и метода исследования и привело к оформлению самостоятельной области гуманитарных знаний.

Далее: лингвокультурология отличается от этнолингвистики материалом и целью анализа. Она не направлена только на выявление народных стереотипов, символов, мифологем, формирующих этническую картину мира. Ее цель – описание обыденной картины мира в том виде, как она представлена в повседневной речи носителей языка, в различных дискурсах и разных (вербальных и невербальных) текстах культуры. Ее материалом являются живые коммуникативные процессы, литературный, философский, религиозный, фольклорный дискурсы как источники культурной информации (61, с.28; 102, с.6).

Кроме того, отличие лингвокультурологии от этнолингвистики и лингвострановедения состоит в том, что она не ставит знака равенства между понятиями “культурное в языке” и “этническое, собственно национальное”. Такие источники культурно обусловленных понятий и образов, как Библия, античная мифология, европейская история, имеющие не только региональное, но и мировое значение, присутствуют в языках и культурах многих народов.

Лингвокультурология тесно связана с лингвострановедением, которое может считаться одним из ее источников. Их роднит то, что обе дисциплины имеют не только теоретическую, но и прикладную, лингводидактическую направленность. Известна концепция,

согласно которой лингвокультурология определяется как “аспект лингводидактики, рассматривающий проблемы взаимодействия культуры и языка в процессе его функционирования, а также описания и преподавания” (12, с.102). При таком подходе, как считают некоторые исследователи, лингвокультурология оказывается уже по своему содержанию, чем лингвострановедение, ее объектом является материальная и духовная культура, созданная человеком, а такие предметные области, как природа, животный и растительный мир, географическое положение страны, климат должны остаться за ее пределами (10, с.45). Это положение неоспорно, так как многие понятия, относящиеся к миру природы, окружены мощным ассоциативно-образным ореолом (*земля, небо, гора, лес, река, море, поле, дерево* и т.п.) или выступают как концепты культуры, что делает необходимым их включение в состав лингвокультурологических объектов. В отличие от лингвострановедения, для которого был характерен избирательный, скорее иллюстративный подход к описанию культурных реалий, лингвокультурология ставит перед собой задачу целостного, системного представления единиц языка и культуры в их корреляции и взаимодействии. В настоящее время лингвокультурология в нашей стране ориентируется на новую систему культурных ценностей, выдвинутых современной жизнью общества, на полную и объективную интерпретацию фактов и явлений культурной жизни, не допускающую “купюр” по идеологическим соображениям (10, с.45; 12, с.102).

Смежные научные дисциплины различаются способом представления и толкования культурной информации. Лингвострановедческие словари и страноведчески ориентированные исследования описывают понятия и факты общественной, экономической, культурной жизни страны, культурные реалии, связанные с ее историей, бытом, традициями, литературой, искусством, образованием и т.п. (анализ лингвострановедческих словарей см. 59, с.14-18). Эти лексические и фразеологические единицы, имеющие реальный прототип в пространстве или во времени, несут фоновые знания, с помощью которых единицы языка соотносятся с фактами культуры (8).

Лингвокультурология “работает” на глубинном уровне семантики, с учетом системного и интегративного подходов к явлениям языка и культуры. Соотнося значения культурно детерминированных единиц с концептами (кодами)

общечеловеческой или национальной культуры, лингвокультурологический анализ дает им глубинную и объемную экспликацию. Примером может служить фразеологическая серия со словом “раб” в метафорически связанном значении: “раб страстей”, “раб желаний”, “раб привычек” (ср. также “Раба любви” – название фильма). Заложенная в этих сочетаниях культурная информация восходит к религиозному дискурсу и выражению “раб Божий”. В переносном значении слово “раб” указывает на зависимость человека от особенностей характера и обстоятельств, на его несвободу (пример из: 61, с.29-30). Источником лингвокультурной информации может быть сопоставление языковых систем, в которых и лексические единицы, и концепты предлагают различное членение окружающей действительности: рус. *травы* – нем. *Gras* и *Kraut* (напр., лекарственная т.), *ягоды* (в том числе вишня, черешня) – нем. *Beeren* (но вишня и черешня для немецкого сознания – *Früchte*), *костюм* – нем. *Anzug* и *Kostüm*).

Итак, лингвострановедение, которое изначально определялось как лингводидактический аналог или коррелят социолингвистики, предлагается рассматривать как прикладной аспект лингвокультурологии.

“Текстоцентрическая” концепция лингвокультурологии (Л.Н.Мурзин) позволяет уточнить ее содержание и объект анализа. Стыковка лингвистики и культурологии происходит через текст, который, с одной стороны, является высшим уровнем языка, а с другой стороны, представляет собой одну из форм культуры. В терминах московско-тартуской семиотической школы культура определяется как Текст (с заглавной буквы), т.е. текст высшего порядка (47). Это значит, что культуру можно считать наивысшим уровнем языка, но такая позиция возможна только в лингвокультурологии, которая рассматривает язык как систему воплощения культурных ценностей (56, с.10). Ее объектом является текст как важнейшая единица культуры. При этом текст и объединяет, и в то же время разделяет лингвистику (культура → язык) и лингвокультурологию (язык → культура), которые имеют противоположную направленность. Слово же интересует лингвокультуролога как свернутый текст. Разные подходы к объекту лингвокультурологии можно примирить, полагая, что языковая (повседневная, “наивная”) картина мира выводится из текста (дискурса, коммуникативного поведения), а текст выступает как цель

и средство исследования культуры, как способ проникнуть в ее сущность.

Важен вопрос вхождения текста в культуру. При своем создании он является принадлежностью индивида. Чтобы текст вошел в культуру, его должен присвоить социум. Основным способом такого коллективного присвоения служит многократная интерпретация текста. Как общество присваивает себе продукт творчества индивида, как индивид усваивает культуру – коллективное сознание, как чужой текст делается своим, какие лингвистические механизмы обеспечивают данные процессы – на эти вопросы должна найти ответ лингвокультурология (56, с.11).

Текст и культура имеют ряд общих признаков и черт.

1. В отличие от предложения и слова, текст принципиально ситуативен. В своих конкретных формах культура также ситуативна, она ориентирована на внеязыковую действительность.

2. Культура и текст одновременно и дискретны, и континуальны, целостны.

3. В тексте совмещаются язык и метаязык; любой текст “закодирован дважды”: один язык используется для описания ситуации – кодирования сообщения, а другой – для его толкования (45, с.3-4). Такие термины, как “закон” и “молитва”, принадлежат каждый двум языкам – общему и специальному (юридическому или религиозно-культовому). Текст бисемиотичен, культура также принципиально полисемиотична, она опирается на множество языков.

4. И текст, и культура нуждаются в интерпретации. Путем интерпретации текста происходит процесс его осознания. Вот почему Хайдеггер и другие философы-экзистенциалисты ставят знак равенства между текстом и сознанием. Культура в сознании ее носителей непрерывно видоизменяется, она живет постольку, поскольку ее компоненты – тексты – постоянно прочитываются заново.

5. В тексте и культуре присутствуют элементы объективного и субъективного.

6. В культуре постоянно противоборствуют консервативное и новаторское начала. Для ее нормального функционирования важны и традиции, и новаторство. В концепции К. Леви-Стросса противопоставлены два типа культуры. Холодная культура рассчитана на максимально точное воспроизведение текстов, например

религиозных, сакральных (таковы архаические культуры). Горячая культура настроена не столько на воспроизведение созданных текстов, сколько на их решительное обновление (это характерно для европейской культуры). В тексте также различаются тематическая и рематическая стороны, данное и новое. Культура по своей сути рематична, она самообновляется и самообогащается (55).

В лингвокультурологии может найти применение новое понятие сверттекста как особого культурно-системного речевого образования. “Сверттекст – совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата” (38, с.215). Как целостное образование сверттекст имеет две разновидности: тематическую и модальную. Так, совокупность текстов о Великой Отечественной войне, созданная участниками войны, составляет тематическую целостность. Модальную целостность образуют, например, толкования идеологом в “Словаре русского языка” под ред. Д.Н.Ушакова (а также других словарей советской эпохи), объединенных единой модальной установкой: деформация объективного отношения к реальности в прошлом, настоящем и будущем, продиктованная классовым подходом к социально-политическим явлениям. Близким к сверттексту понятием является “супертекст”; исследуется также “гипертекст”, представляющий собой электронный способ, электронную версию представления информации в компьютерных технологиях.

В лингвокультурологических штудиях важное место занимают проблемы классификации культурно маркированных единиц и явлений, а также вопрос об их источниках. При анализе лингвокультурологической информации может быть использована классификация, предложенная в свое время для дидактической работы с лингвострановедческими источниками (112, с.277). К этнолингвокультурной сфере относятся следующие образования.

1. Единицы вербальной коммуникации: а) слова-этнореалии; б) языковые единицы, вызывающие ассоциации (фразеологизмы, афоризмы, цитаты, прецедентные высказывания – ср. концепты в понимании Д.С.Лихачева (41); в) имена собственные (личные имена, фамилии знаменитых личностей, географические названия, литературные, музыкальные произведения и их герои, названия газет, журналов, музеев, театров и т.д.).

2. Паралингвистические единицы и явления: а) мимика; б) жесты, телодвижения; в) дистанция между партнерами по коммуникации.

3. Вербально-паралингвистические понятия: а) традиции и нравы, обычаи, праздники (народные, коллективные), национальные игры; б) этикет; в) народные приметы, поверья, предания.

Довольно полный перечень типов лингвокультурных единиц и явлений, подлежащих изучению в лингвокультурологии и составляющих ее предмет, приводится в (51). В отличие от школы В.Н.Телия автор указанной работы считает целесообразным расширить объект данной науки за счет включения диахронического аспекта. В некоторых единицах культурно значимая информация остается имплицитной. Она присутствует на уровне подсознания и может быть извлечена только опосредованно, путем ассоциативного эксперимента. Так, на слово-стимул “солнце” испытуемые дают ответы, идущие от семантики мифа: *луна, небо, глаз, голова, Бог* и др.

Предмет исследования в лингвокультурологии составляют девять типов лингвокультурных единиц и явлений (51, с.12-25).

1. Слова и выражения, служащие предметом описания в лингвострановедении (Верещагин, Костомаров 1976; 1980), включая безэквивалентную лексику. В эту категорию входят цитаты из русской классики: *человек в футляре, лишние люди, горе от ума*, а также лозунги и политические дискурсы советской и постсоветской эпох: *путевка в жизнь, борьба за урожай, “прихватизация”* и т.п.

2. Мифологизированные культурно-языковые единицы: обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные во фразеологизмах, пословицах, образно-метафорических единицах. В их основе, как правило, лежит мифологема, или архетип. Мифологема – важный для мифа персонаж или ситуация, его “главный герой”, который может переходить из мифа в миф. В основе мифа лежит архетип (термин К.Г.Юнга) – устойчивый образ, обобщенный символ, присутствующий в индивидуальном сознании и имеющий распространение в культуре. Фразеологизмы и пословицы с компонентом “хлеб” (*есть чужой хлеб, зарабатывать себе на хлеб*) основаны на архетипе хлеба как символа жизни и материального достатка.

3. Паремиологический фонд языка, так как пословицы – это стереотипы народного сознания, обладающие широким прагмати-

ческим спектром. Одна и та же пословица может служить упреком, утешением, советом, нравучением.

4. Символы, стереотипы, эталоны, ритуалы. Человек живет, по мысли Э.Кассирера, в “символической вселенной”. Символ – это вещь, награжденная смыслом, конкретный предмет, выражающий высокую абстракцию (*крест* – символ веры, символ жертвенности; *голубь* – символ мира; *меч* – символ войны, агрессии). Культурные стереотипы – это модели поведения, навязываемые нам культурой и усваиваемые в процессе социализации человека. Стереотипы поведения и целеполагания, восприятия и понимания, стереотипы общей картины мира определяют единство и целостность культуры. При их реализации человек может не осознавать целей, ради которых действие совершается.

Как способ разрешения социальной драмы ритуал имеет условный, конвенциональный характер и совмещает в себе три функции: снятие агрессии, обозначение круга своих и отторжение круга чужих. Действие становится ритуалом, когда оно теряет целесообразность и становится семиотическим знаком (ср. проведение партийных съездов и общественно-политических мероприятий в нашей стране в советскую эпоху).

Эталон – это сущность, измеряющая свойства и качества предметов и явлений, это мера вещей, представленная в образной форме. В языке эталоны существуют в виде устойчивых сравнений или словосочетаний, передающих высокую степень признака: *глух как сибирский валенок; как птичка весела; сыт по горло; влюблен по уши.*

5. Важнейшей языковой сущностью, в которой содержится основная информация о связи слова с культурой, являются образы. Образность, т.е. способность слова или фразеологизма вызывать в нашем сознании наглядные представления, “картинки”, связана с внутренней формой (ВФ) слова, которая выводится из прямых значений составляющих его морфем (при сходном значении слов “*всадник*”, “*конник*”, “*наездник*” они имеют разные ВФ; “*душа*” связана с духом, дыханием; нем. “*Seele*” восходит к слову “*See*” – море; озеро, здесь закреплено мифологическое представление о связи души с водой).

6. Лингвокультурология занимается такими проблемами, как стилистический уклад языков, соотношение между литературным

языком и другими формами его существования (разговорным языком, диалектами).

7. Лингвокультурной спецификой обладает речевое (шире: коммуникативное) поведение. В каждой культуре поведение людей регулируется представлениями о том, как следует вести себя в стереотипных ситуациях, в соответствии с социальными ролями (начальник – подчиненный, муж – жена, отец – сын и т.п.).

8. Область речевого этикета – важный компонент общения, зона “социальных поглаживаний”. Речевой этикет – это социально заданные и культурно-национально-специфические правила речевого поведения в ситуациях установки, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их социальными ролями и отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения (91). По мнению исследователей, коммуникативная истинность (соблюдение правил этикета) выше по ценности для культурной общности людей, чем искренность (истина).

9. Особый интерес представляет взаимодействие религии и языка. “Христианство, в особенности православие, послужило мощным культуроносным источником для русского миропонимания” (84, с.244). Английский этнограф Дж.Фрэзер считает, что вся культура вышла из храма. Христианская культура нашла свое отражение в языке – в словах, культурных концептах, фразеологизмах, пословицах, поговорках, афоризмах.

Первоочередными задачами лингвокультурологии являются уточнение ее методологических предпосылок, разработка ее терминологического аппарата, создание метаязыка лингвокультурологического анализа. Метаязык, общий как для культуры, так и для языка, должен иметь единую методологическую основу, в качестве которой выступает семиотическая презентация данных культурно-языкового взаимодействия (85, с.17). Культура – это особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в процессе его жизнедеятельности. Культура – это своеобразная историческая память народа (84, с.226).

К метаязыку новой науки можно отнести понятия: концепты, константы, установки культуры, а также такие термины, как культурно-языковая идентичность (культурное самосознание), культурно-языковая компетенция, культурная коннотация, культурная интерпретация.

Основные концепты русской культуры представлены в словаре Ю.С.Степанова “Константы. Словарь русской культуры”. „Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека” (79, с.41). Так, концепт “закон” в сознании рядового человека (не юриста) выступает как “пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающий слово “закон”. В отличие от понятий и терминов концепты не только мыслятся, но и переживаются, они – предмет эмоций, симпатий и антипатий. Концепт имеет сложную структуру, в которую входят: исходная форма (этимология, например, “*время*” связано с идеей вращения, нем. *Zeit* происходит от *Gezeiten* – прилив и отлив); история, сжатая до основных признаков содержания; современные ассоциации; оценки. В содержании концепта выделяются три слоя: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительные признаки, являющиеся историческими; 3) внутренняя форма. Концепты существуют по-разному в своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры (79, с.45).

Хотя количество концептов культуры невелико (четыре-пять десятков, в “Словаре” Ю.С.Степанова рассмотрено 37 базовых и 20 производных концептов), духовная культура общества в значительной степени состоит в операциях с этими концептами.

Среди концептов выделяются константы, которые устойчивы и постоянны (но не неизменны). К таким константам, в которых заложены особые ценности культуры, принадлежат концепты “Правда”, “Закон”, “Любовь”, “Душа”, “Знание”, “Интеллигенция”, а также “Мир”, “Время”, “Огонь и вода”, “Хлеб”, “Письмо, алфавит”, “Слово”, “Язык” и др. Их смысл прослеживается через взгляды мыслителей, писателей и рядовых членов общества наших дней.

С константами тесно связаны установки культуры, т.е. ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик, являющиеся продуктом взаимодействия двух и более индивидов (85, с.18). Культурные установки воспроизводятся и в то же время постоянно расшатываются по причине различных предпочтений, что придает культуре известную динамичность. Выступая в роли социальных и духовных ориентиров, культурные установки обнаруживают связи с мифологическими пластами культуры, с религиозным опытом, с рефлексамми художественно-эстетического и научного познания мира. В семиотическом аспекте

культуру можно рассматривать как особый “язык”, знаковое содержание которого представлено в кодах культуры, отраженных в тезаурусах разнообразных текстов. Наслоения этих текстов образуют целостное интертекстуальное культурное пространство (85, с.19). Термины лингвистики приобретают в лингвокультурологии новое содержание.

Текст культуры – это знаковое пространство, в рамках которого имеет место культурно маркированная деятельность, ориентированная на определенные идеологемы и характерные для них способы выражения (например, миф, религия, ритуал, фольклор, романтизм). В тексте культуры выделяются “культуремы” (76).

Тезаурус культуры – таксономическое представление концептуального содержания текста. Это определенные сферы концептуализации, а также средства и способы означивания концептов. Например, миф имеет трихотомическую модель структуры космоса, в которую входят концепты “мир земной”, “мир небесный”, “мир подземный”. Это отражено во фразеологизмах *белый свет, быть на седьмом небе, сквозь землю провалиться*.

Код культуры – таксономический субстрат ее текстов, совокупность окультуренных представлений о картине мира данного социума (природные объекты, артефакты, явления, действия, события, ментофакты и т.п.). Существует космологический или зоологический код мифа, вещный или акциональный код ритуала, код христианства и т.п.

Симболярий культуры – совокупность знаков, у которых означающими являются таксоны того или иного ее кода, а означаемые обладают культурной семантикой (термин предложен Н.И.Толстым и С.М.Толстой). Таксоны могут быть не только вещными, но и представлять собой ментофакты (типа “душа”, “совесть”). Так, в христианской культуре несение креста и распятие на нем Христа понимается как жертвоприношение ради спасения человечества; крест, носимый на груди, – символ исповедования христианства. В инвентарь симболярия культуры входят такие разнородные термины, как архетип, тотем, фетиш, символ, ритуал, оберег, эталон, стереотип, мифологема (51, с.16-18; 87). Симболярий как часть “языка” культуры – наименее разработанное метаязыковое понятие. “Язык” культуры – это разноуровневая знаковая система, образуемая ее текстами, их тезаурусами, кодами и симболярием (85, с.23).

Наряду с упомянутыми выше предложены и другие термины для лингвокультурологических исследований, направленных на то, чтобы выявить в языковых единицах, разнообразных текстах, дискурсах, формах коммуникативного поведения культурную информацию. Она может быть представлена четырьмя способами: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и коннотации (61, с.34-35). Культурные семы выступают как способ отображения элементов культуры в номинативных единицах, фиксирующих этнореалии (“лапти”, “самовар”, “черная изба”, “вологодское масло”). Культурный фон характеризует лексемы и фразеологизмы, связанные с явлениями социальной жизни и важными историческими событиями. Он также локализован в денотативном аспекте значения, но в отличие от культурных сем маркирован идеологически (“серп и молот”, “российский орел”). Абстрактные имена, обозначающие понятия из мира эмоций, состояний, ценностей, относятся к категории культурных концептов, определяющих специфику языковой картины мира. Целый ряд подобных концептов принадлежит к константам культуры (Ю.Степанов: 1997). Такие субстантивы русского языка, как “тоска” (ср. “русская тоска”), “воля”, “правда”, “истина”, “совесть”, “личность”, “интеллигенция”, “милосердие”, “благодать” не имеют точных и полных эквивалентов в западноевропейских языках. Понятийное содержание концептов выстраивается представителями лингвокультурной общности на основе национально-специфических ценностных ориентиров и социально-исторического опыта. Их смысл и ассоциативное поле выявляется через устойчивую сочетаемость с другими словами-понятиями. Наконец, культурная коннотация рассматривается как базовое для лингвокультурологии понятие (в ее фразеологически ориентированной версии). В самом общем плане – это когнитивная по своему характеру интерпретация денотативно или образно мотивированных аспектов значения в терминах и категориях культуры (84, с.214). С ключевым понятием коннотации связана цепочка терминов, относящихся к метаязыку лингвокультурологии. Носители языка и культуры обладают определенным уровнем культурно-языковой компетенции. Они способны опознавать в языковых сущностях культурно значимые установки, соотносить их с тем или иным тезаурусом и симболярием культурных кодов. Культурно-языковая компетенция предопределяет способность к культурной референции (и в ней же она проявляется),

в основе которой лежит соотнесение языковых единиц и фрагментов текста с “языком” культуры (85, с.23). Именно фразеология наиболее ярко передает неповторимую самобытность языка и культуры.

Итак, первое (в настоящее время ведущее и наиболее продуктивное) направление в лингвокультурологических исследованиях – это фразеологически ориентированная лингвокультурология. Представителями школы В.Н.Телия разработан научно-понятийный аппарат лингвокультурологии, собран и проинтерпретирован огромный эмпирический материал из разнообразных источников, созданы и разрабатываются новые типы фразеологических словарей, определены цели и задачи лингвокультурологических исследований. Главная цель лингвокультурологии, материалом которой является живой язык в его функционировании в дискурсах разных типов, – выявление “повседневной” культурно-языковой компетенции субъектов лингвокультурного сообщества на основе описания культурных коннотаций. Достижение этой цели способствует сохранению и укреплению культурно-языковой идентичности народа (85, с.24).

К метаязыку науки относится также лингвокультурологическое поле как совокупность различных видов лингвокультурной информации. Единицей такого поля является “лингвокультурема” – комплексная межуровневая единица, объединяющая форму (знак) и содержание (языковое значение и культурный фон, ореол) (11, с.34-35) (ср. 76). Лингвокультуремы охватывают разноструктурные единицы: от лексемы до целого текста.

В монографии (98) вводятся понятия лингвокультурного универсума и лингвокультурной ситуации (ЛКС). Этнос, социальная группа или индивид моделируют мир не просто на материале языка, а на основе оценочных соответствий – лингвокультурологом и лингвоидеологом, которые у каждого этноса обладают устойчивостью. Лингвокультурная ситуация – это динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах и социальных средах. На примере Восточных Карпат показано, что основным фактором эволюции ЛКС относительно конкретных групп людей здесь является не образование, а страна ориентации, где для них находится источник заработка (Польша, Германия, Россия) (98, с.19).

На основе системы ценностей, закрепленных в языке и культуре, предлагается модель ценностной картины мира, которая

существует в рамках ЯКМ. Ключевым понятием этой системы являются ценностные (культурные) доминанты, совокупность которых образует определенный тип культуры, сохраняемой в языке (29, с.5). Культурные доминанты в языке объективно выделяются, они могут быть измерены и исчислены. Анализ концептов “труд”, “подвиг”, “чудо”, “умный/глупый” выявил следующие ценностные соотношения между концептами трех культур (29, с.15).

Культура Концепт	Английская	Немецкая	Русская
Труд: главное в работе	результат	старательность, прилежание	желание трудиться
Подвиг: герой должен вести себя	благородно	благородно	идти на самопожертвование
Чудо: человек	удивляется чуду	бывает очарован чудом	испытывает восторг перед чудом
Поведение	следует вести себя умно	... умно и уважительно	... красиво
Глупец	достойн осмеяния	достойн сожаления	достойн сожаления

Вторым направлением в лингвокультурологии можно (с определенной долей условности) считать логико-лингвистическое или концептологическое, которое представлено в серии изданий “Логический анализ языка” (1991, 1997, 1999). Исследуются понятия, общие для научных теорий и обыденного сознания: “правда”, “свобода”, “судьба”, “память”, “причина”, “долг”, “человек” и “личность”, “радость” и “удовольствие”, “время” и “случай”. Они актуальны для каждого человека, в них присутствуют личностные и социальные, национально специфичные и общечеловеческие моменты. Они подвергаются не только логико-языковому, но и лингвокультуроведческому анализу, поскольку употребляются в разных контекстах и дискурсах – обыденном, политическом, художественном, научном. В модель описания культурных концептов входят: 1) атрибуты, указывающие на их принадлежность к концептуальному полю; 2) определения, обусловленные системой

ценностей; 3) указания на функции в жизни человека. Концепт “время” рассматривается в славянском мире (в том числе как инструмент магии), в индоевропейских языках, в китайской картине мира, в восточной астрологии (43). На основе комплексного метода исследуется “внутренний человек” (его дух, душа и сердце) и “внешний человек” с его поведением, привычками и качествами. Обрисованы национальные образы человека (индоевропейцы, китайцы, русские – французы – испанцы) (44).

На основе анализа культурных концептов (таких, как “душа”, “тоска”, “судьба”), лингвопрагматических факторов и грамматических категорий А.Вежицкая выявляет характерологические черты русского языка (и, соответственно, этнического менталитета): 1) эмоциональность (богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональный накал русской речи); 2) иррациональность или антирационализм (подчеркивание ограниченности логического мышления; жизнь непостижима и непредсказуема); 3) неагентивность (склонность к фатализму, смирению и покорности); 4) любовь к моральным суждениям (акцент на борьбе добра и зла – в других и в себе) (6, с.33-34). Проведенное на материале текстов массовой культуры исследование русского концепта “любовь” показало, что тиражирование масс-культурных стереотипов не в состоянии разрушить этот эмоциональный концепт, являющийся культурной доминантой национального сознания (31).

Сравнение двух менталитетов – французов и русских – проводится посредством анализа культурных и эмоциональных концептов: “судьба”, “душа”, “ум”, “совесть”, “мысль”, “идея”, “гнев”, “радость”, “страх” (17). Понятия истины, правды, добра – моральные доминанты для русского самосознания. Французское сознание ориентировано на активность, целеустремленность, ответственность, стремление к процветанию и благу – систему ценностей, идущую из античности.

Лексический состав русского языка как отражение “русской души” анализируется в (5). Рассматриваются абстрактные концепты (типа “правда” – “истина”); понятия, специально выделенные в русской ЯКМ (“душа”, “судьба”), уникальные русские концепты “тоска”, “удаль”; “мелкие” слова типа “авось”. На материале фольклорного дискурса изучаются этические концепты русского языка “честь”, “вера”, “правда”, “стыд” (97). Как показал Ю.С.Степанов, в концепте выделяются различные стороны:

понятийно-логическая, лингвокультурологическая (связь понятия с фактом культуры), ценностно-прагматическая, историко-диахроническая.

Третьим аспектом лингвокультурологии, который интенсивно разрабатывается не только в теоретическом, но также и в практическом плане, является лексикографическое направление. В сборнике (57) рассматриваются вопросы о том, как национально-культурное своеобразие языков и общий массив современного знания находят отражение в различных типах словарей.

Разнообразные виды этнокультурной и лингвокультуроведческой информации содержатся в новейших культурологических словарях. В словаре (36) показан процесс формирования культурологии как интегративной дисциплины, имеющей своим предметом исторические формы общественного бытия, аккумулирующие социальный опыт и развиваемые через системы социальной коммуникации. Этнолингвокультурно ориентированную информацию читатель найдет в статьях, посвященных таким понятиям и явлениям, как американоцентризм, вестернизация, евразийство, европоцентризм, Запад и Восток, индихенизм, культура русского зарубежья, нихондзин рон (“Теории о японцах”), фаустовский тип культуры (по О. Шпенглеру), школа “Анналов” и др.

Энциклопедия “Культурология. XX век” (37) является расширенным и углубленным вариантом “Словаря”. В статьях-персоналиях представлены наиболее крупные мыслители XX в., заложившие основы культурологии, внесшие вклад в ее развитие (Н.А.Бердяев, В.И. и Г.В. Вернадские, М.Вебер, Э.Гуссерль, Э.Кассирер, М.М.Бахтин и др., в том числе языковеды, например, Ш.Балли, Э.Бенвенист). Уточняется предметное поле культурологии и ее дефиниция. Благодаря творческой деятельности, через посредство культуры человек создает своей универсум, открывающий перед ним возможность понимать, обобщать и истолковывать человеческий опыт, обретая собственную индивидуальность.

“Словарь культуры XX века” (69) содержит 140 статей, посвященных актуальным понятиям и текстам культуры из таких областей знания, как философия, психоанализ, лингвистика, семиотика, поэтика, литература. В словаре представлены три типа статей: 1) статьи, описывающие специфические явления XX в. (модернизм и постмодернизм, поток сознания, кино, концептуализм); 2) давно известные понятия, которые приобрели

особую актуальность и были переосмыслены (сновидение, событие, текст, тело); 3) краткие монографии, посвященные ключевым художественным произведениям (“Доктор Фаустус” Т.Манна, “Замок” Ф.Кафки, “Пигмалион” Б.Шоу, “Зеркало” – фильм А.Тарковского). Словарь, построенный в виде гипертекста, можно читать двумя способами: по алфавиту и от статьи к статье, обращая внимание на подчеркнутые слова. По мнению автора, изменилась постановка основного вопроса философии. Если в XIX в. в центре внимания стояла проблема “бытие – сознание”, то в XX в. она претерпела модификацию: “реальность – текст как возможная ее интерпретация”.

Словари, непосредственно связанные с задачами и потребностями лингвокультурологии, можно подразделить на четыре группы: 1) культурологические словари философской ориентации (69; 79); 2) лингвострановедческие словари учебно-справочного характера, посвященные отдельным странам и культурам; подготовлен комплексный словарь пяти англоязычных стран (63); 3) специальные лингвострановедческие словари – справочники по сферам деятельности и отраслям знаний (народное образование, художественная культура; фразеология и паремиология); 4) толковые и энциклопедические словари, несущие лингвокультуроведческую информацию. Лингвокультурный материал может быть представлен в словарях по алфавитному принципу с взаимными отсылками (большинство указанных словарей) или же по идеографическому (тематическому) принципу (48а). Словарь “Славянская мифология” (73) содержит толкование фольклорных и сказочных образов, персонажей и символов у восточных славян. Мир описывается системой бинарных оппозиций: *жизнь – смерть, чет – нечет, правый – левый, мужской – женский, свой – чужой* и т.п. В символических функциях предмета обнаруживаются антропоморфные черты и связь с языковым выражением (в статье “Вода”: “*живая*” и “*мертвая*”, способность воды к отражению: “*как в воду смотреть*”, т.е. угадать). Энциклопедия “Русская изба” (70) дает полное представление о крестьянском доме XVIII-XIX вв. Многие элементы дома (*дверь, окно, порог*) и предметы быта (*зеркало, пояс, гребень, кольцо*) выполняли символические функции. Названия многих бытовых реалий имеют десятки региональных вариантов. Некоторые из них закреплены в фамилиях (Балакирев – *балакирь* – глиняный сосуд; Ожегов – *ожег* – кочерга, ухват).

В “Словаре крылатых выражений Пушкина” (54) собраны около 1900 пушкинских цитат (“окно в Европу”, “любви все возрасты покорны”), многие из которых служат основой контекстуальных преобразований. По их модели строятся газетные заголовки (“Что год /век/ съезд /цирк/ чек грядущий нам готовит?”). Модели и модификации – источник для анализа интертекста и интертекстуальности.

Описанию старомосковского быта посвящен словарь “Язык старой Москвы” (23). Лингвокультурную информацию содержат различные типы слов: неофициальные топонимы (*Болото*, *Хитров рынок*), просторечные наименования бытовых реалий, жаргонизмы, профессионализмы, образцы уличной риторики и московского просторечия.

Следующий культурно-исторический пласт – язык советской эпохи – представлен в “Толковом словаре языка Совдепии” (53). В словарь вошли три слоя лексики: семантические советизмы (пионер, комсомольский вожак), лексико-словообразовательные (пятилетка, колхоз, воскресник) и стилистические советизмы (вождь мирового пролетариата – о Ленине).

Символический характер культуры проявляется в области символики, эмблематики и геральдики, что подтверждает современный словарь-справочник (65).

Этнолингвокультурную ценность представляет “Русский словарь языкового расширения” (75), содержащий слова областные, старинные, церковные, неологизмы писателей. По мысли автора словаря, чтобы обогатить скудеющий язык, необходимо восстановить прежде накопленные, а потом утерянные богатства. “Образованцы” и “образованщина”, предложенные Солженицыным, уже вошли в современное употребление.

Лучшие труды по истории культуры могут рассматриваться как лингвокультурологические справочники. В “Беседах о русской культуре” (46) разделы книги (Бал. Сватовство. Брак. Карточная игра. Дуэль) написаны в жанре статьи для энциклопедического словаря.

Оценивая лексикографическое направление в лингвокультурологии, отметим важную тенденцию в его развитии. Так как в настоящее время стирается грань между языковым значением и экстралингвистическим знанием, возникают словари, объединяющие обе стороны. Идеал лексикографии – универсальный толково-энциклопедический словарь с энциклопедической, этнолингвисти-

ческой и культуроведческой информацией. Некоторые словари нуждаются в более или менее подробном лингвокультурном комментарии (20; 22).

Лингводидактические аспекты и проблемы межкультурной коммуникации составляют четвертое направление лингвокультурологии. Одной из своих сторон примыкают к этому направлению лингвострановедческие словари. Целям и нуждам преподавания русского языка как иностранного служат исследования (10; 11; 12; 13; 14; 68).

Лингвокультурные и лингвострановедческие аспекты в преподавании иностранных языков русским обсуждаются в работах (49; 62; 94).

В последнее десятилетие активизировались исследования в области теории межкультурной коммуникации (межкультурной интеракции), которая понимается как общение между партнерами, принадлежащими к разным языкам и культурам и осознающими факт “инакости” (если не сказать “чужеродности”) друг друга. Фактор межкультурного взаимодействия исключительно важен при подготовке профессиональных переводчиков (96). Интеркультура, т.е. умение переключаться с родной культуры (и языка) на иностранную, способность взаимодействовать на межкультурном уровне — третье измерение в подготовке переводчиков, способствующее формированию вторичной языковой личности (96, с.6, 13). Проблемам межкультурного общения, межкультурной компетенции, деловой коммуникации носителей разных языков и культур посвящены исследования (1; 3; 107; 108; 110; 113).

К лингвокультурологической проблематике тяготеют три аспекта лингвокультурной области, которые в перспективе готовы оформиться в автономные направления исследований. Это: 1) “менталитетоведение”; 2) изучение национальной специфики юмора, “юморология”; 3) гендерные проблемы. При анализе менталитета сравниваются этнические автопортреты и гетеропортреты носителей различных языков и культур в разных комбинациях (русские, немцы, англичане, американцы, французы, голландцы, японцы и др.) (27; 50; 60; 77); с помощью ассоциативного эксперимента и концептуального моделирования национальных образов и стереотипов реконструируется этноментальный мир человека и народа (24; 89).

Объектом научного интереса стали явления комического – от его философских, глубинно-психологических, когнитивных оснований до занимательности в науке и понимания юмора (21; 28; 52; 93; 109). Юмор – это загадочная комбинация примирения, агрессии, сексуальности и нонсенса (52, с.300).

Формирование лингвистической гендерологии (гендер – “социальный пол”) обусловлено тем, что гендерные отношения проявляются в языке и коммуникации, оказывают влияние на социальный климат и межличностные отношения (15; 16). Установлена неодинаковая степень андроцентричности (представленности, “гегемонии” мужчин) в языках различных типов (32).

Говоря о тенденциях и перспективах развития лингвокультурологии, отметим четыре принципиальные установки, которые определяют развитие лингвистики в целом (34, с.280; 35, с.207). Это – экспансионизм, антропоцентризм, неофункционализм, экспланаторность.

1. Экспансионизм проявляется в расширении и усложнении объекта и предмета (материала) лингвокультурологических исследований. Входящая в ряд “сдвоенных” наук лингвокультурология контактирует с другими гуманитарными дисциплинами (их более десяти). Ее интегративный характер уравнивается дифференциацией различных направлений. В настоящее время можно выделить “фразеологическое”, текстоцентрическое, лексикографическое, “концептологическое”, лингводидактическое, лингвофольклорное, “юморологическое”, менталитетоведческое, сравнительно-контрастивное, когнитивное лингвокультуроведение. Его принципы и методы находят применение при исследовании национального самосознания и языковой картины мира (2; 30; 72; 88; 103; 104), при изучении лексики и фразеологии (11; 33; 66; 84; 85), словообразования и “этносинтаксиса” (6; 7), при интерпретации текста и анализе разговорной речи (45; 47; 55), при исследовании мифологии и фольклора (51; 82; 83; 86; 87; 97), логических и культурных концептов (6, 69), проблем лингводидактики, лингвострановедения и лексикографии (11; 12; 13; 14; 39; 40; 49; 62; 68; 94), а также в области перевода, контрастивной лингвистики и межкультурной коммуникации (89; 95; 96), менталитета, национальной специфики юмора, гендерных проблем (17; 21; 32; 52; 71; 93; 109).

2. Принцип антропоцентризма проявляется в двух аспектах: “человек в языке”, который выступает как форма сознания и транслятор культуры, и “язык в человеке”, который является мерой всех вещей, в том числе языка и культуры. Этот принцип особенно важен для словаря, который, по мнению Дж.Лайонза, является антропоцентрическим и культурно-связанным. В последнее десятилетие внимание исследователей приковано к проблемам языкового самосознания личности и лингвокультурной общности. Антропоцентризм тесно связан с “этнизацией” социальной и культурной жизни.

3. Как принцип и тенденция неофункционализм предполагает изучение языка в действии, связь знания языка и его адекватного использования в коммуникации. Лингвокультурологи изучают функционирующий язык в различных дискурсах, стремясь получить из них культурно-языковую информацию как выводное знание.

4. В соответствии с принципом экспланаторности (“объяснительности”) современная наука переходит от констатации и описания фактов к их объяснению. В этом смысле прогрессу лингвокультурологии будет способствовать объяснительная сила когнитивных методов, которые в сочетании с дискурсивным подходом позволят выявить глубинно-семантическую структуру и функциональное многообразие языковых единиц как знаков культуры. Еще Н.Винер подчеркивал удивительную способность человеческого разума работать с нечеткими, расплывчатыми понятиями, извлекая из них новое знание.

Список литературы

1. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации / Отв. ред. Халеева И. И. – М.: МГЛУ, 1999. – 199с. – (Сб. науч. тр. / Моск. гос. лингв. ун-т; вып. 444).
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопр. языкознания. – М.: 1995. – №1. – С.37-67.
3. Астафурова Т.Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. – Волгоград, 1997. – 108 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Степанова Ю.С. – М.: Прогресс. 1974. – 447 с.
5. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира: (На материале русской грамматики). – М.: Шк. “Языки русской культуры”, 1997. – 576 с.

6. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. – М.: Рус. словари, 1996. – 411 с.
7. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998. – 236 с.
8. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 1980. – 320 с.
9. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.
10. Воробьев В.В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Доклады. – Киев, 1993. – С.42-48.
11. Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 1994. – 76 с.
12. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1996. – 170 с.
13. Воробьев В.В. Прагматические аспекты лингвокультурологии // Социопрагматика и преподавание иностранных языков: Сб. науч. тр. – М.: МГИМО, 1997. – С.23-29.
14. Воробьев Ю.А. Лексика немецкого языка в культурологическом аспекте: (Опыт лексикол. описания на материале темат. группы "пища"): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МПГУ, 1994. – 16 с.
15. Гендер: Язык, культура, коммуникация: Материалы первой междунар. конф. 25-26 нояб. 1999 г. – М.: МГЛУ, 1999. – 145 с.
16. Гендерный фактор в языке и коммуникации. / Отв. ред. Халеева И.И. – М.: МГЛУ, 1999. – 136 с. – (Сб. науч. тр. / Моск. гос. лингв. ун-т; Вып. 446).
17. Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – 279 с.
18. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
19. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1989. – 452 с.
20. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. – М.: Рус. яз., 1994. – 768 с.
21. Девкин В.Д. Занимательная лексикология: Язык и юмор. – М.: Владос, 1998. – 311 с.
22. Елистратов В.С. Словарь московского аргота: (Материалы 1980-1994 гг.) – М.: Рус. словари, 1994. – 700 с.

23. Елистратов В.С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. – М.: Рус. словари, 1997. – 704 с.
24. Ершова Т.А. Русско-немецкие ассоциативные портреты: (Опыт интерпретации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 1998. – 18 с.
25. Забылин М. Русский народ: Обычаи, обряды, предания, суеверия. – М.: Рус. кн., 1996. – 495 с.
26. Исследования по лингвофольклористике. – Курск: Изд-во КГПУ, 1997. – Вып. 2: Слово в фольклорном тексте. – 64 с.
27. Казакова А.Ю., Сорокин Ю.А. Какими себя видят русские и американцы // Проблемы социолингвистики и многоязычия. – М., 1997. – №1. – С.69-73.
28. Карасев Л.В. Философия смеха. – М.: РГГУ, 1996. – 224 с.
29. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: Культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С.3-15.
30. Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Ин-т нац. модели экономики, 1994. – 367 с.
31. Каштанова Е.Е. Лингвокультурологические основания русского концепта *любовь* (аспектный анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: УрГУ, 1997. – 23 с.
32. Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. – 189 с.
33. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: (Когнитивные аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 22 с.
34. Кубрякова Е.С. Смена парадигм знания в лингвистике XX века // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тезисы междунар. конф. – М.: МГУ, 1995 (а). – Т.1. – С.278-280.
35. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века: Сб. статей // Под ред. Степанова Ю.С. – М.: РГГУ, 1995 (б). – С.144-238.
36. Культурология. XX век. Словарь / Гл. ред. Левит С.Я. – СПб.: Унив. кн., 1997. – 640 с. .
37. Культурология. XX век. Энциклопедия. / Гл. ред. Левит С.Я. – СПб.: Унив. кн., 1998. – Т.1. – 447 с.
38. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура / Под. ред. Купиной Н.А., Матвеевой Т.В. – Екатеринбург, 1994. – С. 214-233.
39. Литвин Ф.А. Язык и культура в словарном представлении // Лексика и лексикография. – М.: Ин-т языкознания., 1997. – Вып.8. – С.58-65.
40. Литвин Ф.А. Лексикографирование культурного компонента словаря // Там же. – 1998. – Вып.9. – С.118-125.

41. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология / Под ред. Нерознак В.П. – М.: Academia, 1997. – С.280-287.
42. Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – 204 с.
43. Логический анализ языка: Язык и время / Отв. ред. Арутюнова Н.Д., Янко Т.Е. – М.: Индрик, 1997. – 352 с.
44. Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б. – М.: Индрик, 1999. – 422 с.
45. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Структура и семиотика художественного текста – Тарту, 1981. – С.3-7. – (Тр. по знаковым системам. Вып.12).
46. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века) – СПб.: Искусство – СПб., 1994. – 399 с.
47. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
48. Мальцева Д.Г. Национально-культурный аспект фразеологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1991. – 36 с.
- 48а. Мальцева Д.Г. Германия: Страна и язык. – М., 1998.
49. Мальцева Д.Г. Лингвокультуроведческий аспект фразеологии современного немецкого языка // Лексика и лексикография. – М.: Ин-т языкознания, 1999. – Вып.10. – С.91-98.
50. Марковина И.Ю. Русские глазами голландцев // Языки и культуры. Материалы конф.: Россия, Бельгия, Нидерланды. – М.: МГЛУ, 1995. – С.334-343.
51. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 207 с.
52. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып.23. – С.281-309.
53. Мокшенок В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
54. Мокшенок В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Изд-во СПбГУ: Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
55. Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура / Под ред. Купиной Н.А., Магвесской Т.В. – Екатеринбург, 1994. – С.160-169.
56. Мурзин Л.Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Арго, 1996. – С.7-13.
57. Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. статей / Отв. ред. Караулов Ю.Н. – М.: Наука, 1988. – 172 с.
58. Олышанский И. Г. Этно(психо)семантика и национально-культурное своеобразие языков // Проблемы этносемантики: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – С.21-65.

59. Ольшанский И.Г. Лексика, фразеология, текст: Лингвокультурологические компоненты // Язык и культура: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С.10-26.
60. Ольшанский И.Г. Этнический менталитет как проблема психолингвистики и культурологии // Теория перевода и методика подготовки переводчиков. Материалы науч.-практ. конф., 18 февр. 1999 г. – М., 1999. – С.183-187.
61. Опарина Е.О. Лингвокультурология: Методологические основания и базовые понятия // Язык и культура: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С.27-48.
62. Ощепкова В.В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1995. – 35 с.
63. Ощепкова В.В., Шустилова И.И. Краткий англо-русский лингвострановедческий словарь: Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. – М., 2000. – 171 с. – В печати.
64. Пол, гендер, культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Шоре Э., Хайдер К. – М.: РГГУ: Фрайбургский ун-т, 1999. – 215 с.
65. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – 3-е изд. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 560 с.
66. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы: (К проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. – М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1999. – С.25-33.
67. Проблемы этносемантики: Сб. науч.-аналит. обзоров / Отв. ред. Кузнецов А.М. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 167 с.
68. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в преподавании русского языка как иностранного: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина. – М., 1996. – 38 с.
69. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
70. Русская изба: (Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь): Иллюстрированная энциклопедия / Авт.-сост.: Баранов Д.А., Баранова О. Г., Мадлевская Е.Л. и др. – СПб.: Искусство – СПб., 1999. – 376 с.
71. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1999. – 544 с.
72. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских: (Социол. очерк). – М.: Механик, 1996. – 204 с.
73. Славянская мифология: Энцикл. словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.
74. Словари и лингвострановедение: Сб. статей / Под ред. Верещагина Е.М. – М.: Рус. яз., 1982. – 138с.
75. Солженцын А.И. Русский словарь языкового расширения. – М.: Голос, 1995. – 272 с.
76. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. – Самара, 1994. – 94 с.

77. Сорокин Ю.А. Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов: (Какими мы видим себя и других) // Вопр. языкознания. – М., 1995. – №6. – С.43-53.
78. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С.294-358.
79. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1997. – 824 с.
80. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев: Наук. думка, 1992. – 162 с.
81. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Уфимцевой Н.В. – М., 1996. – С.7-22.
82. Тарланов З.К. Язык и культура: Учеб. пособие. – Петрозаводск: ПГУ, 1984. – 104 с.
83. Тарланов З.К. Язык. Этнос. Время. – Петрозаводск: ПГУ, 1993. – 222 с.
84. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1996. – 288 с.
85. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1999. – С.13-24.
86. Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. – Л., 1983. – С.181-190.
87. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс. Культура, 1995. – 621 с.
88. Урысон Е.В. Языковая картина мира VS обиходные представления: (модель восприятия в русском языке) // Вопр. языкознания. – М., 1998. – №2. – С.3-21.
89. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: Опыт концептуального моделирования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т языкознания. – М.: 1999. – 52 с.
90. Филология и культура: Тезисы II Междунар. конф. 12-14 мая 1999 г. / Отв. ред. Болдырев Н.Н. – Тамбов: ТГУ, 1999. – Ч.1. – 132 с.; Ч.2 – 134 с.
91. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения – М.: Высш. школа, 1989. – 157 с.
92. Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. Телия В.Н. – М.: Шк. "Языки русской культуры", 1999. – 336 с.
93. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – СПб.: Алетейя, 1998. – 308 с.

94. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. – Саранск, 1993. – 123 с.
95. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1995. – 46 с.
96. Халеева И.И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия?: (Из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: МГЛУ, 1999. – С.5-14. – (Сб. науч. тр. / Моск. гос. лингв. ун-т; Вып.444).
97. Харитонов В.И. Концептуальный анализ фольклорной лексики, характеризующей нравственный мир русского человека: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 1997. – 18 с.
98. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. – М.: Общ-во любителей рос. словесности, 1997. – 184 с.
99. Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Отв. ред. Байбурии А.К., Кон И.С. – СПб.: Наука, 1991. – 320 с.
100. Этнические стереотипы поведения / Под ред. Байбурина А.К. – Л.: Наука, 1985. – 325 с.
101. Язык и культура: Сб. науч.-аналит. обзоров / Отв. ред. Березин Ф.М. – М.: ИНИОН АН СССР, 1987. – 208 с.
102. Язык и культура: Сб. обзоров / Отв. ред. Опарина Е.О. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – 109 с.
103. Яковлева Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // Вопр. языкознания. – М., 1993. – №4. – С.48-62.
104. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
105. Feigs W. Interkulturelle Kommunikation und Landeskunde // Deutsch als Fremdsprache. – B., 1993. – H.2. – S.78-80.
106. Homberger D. Männersprache – Frauensprache: ein Problem der Sprachkultur? // Muttersprache – Wiesbaden, 1993. – H.2. – S.89-112.
107. Interkulturelle Dimensionen der Fremdsprachenkompetenz / Ambos E. (Hrsg.). – Bochum. AKS - Verl., 1996. – 564 S.
108. Interkulturelle Kommunikation in Geschäftsbeziehungen zwischen Russen und Deutschen / Rösch O. (Hrsg.). – B., 1998. – 158 S.
109. Kotthoff H. Spaß verstehen: zur Pragmatik von konversationellem Humor. – Tübingen: Niemeyer, 1998. – 402 S. – (R. Germanistische Linguistik; 196).
110. Kultur und Sprache: Beiträge zur interkulturellen Germanistik / Uhlisch G., Raevskij M. – М.: МГУ, 1997. – 97 S.

111. Mayer G. Von der Landeskunde zur Kulturwissenschaft // Übersetzerische Kompetenz / Hrsg. von Kelletat A.F. – Frankfurt a. M.: Lang, 1996. – Bd.22. – S.243-246.
112. Olšanskij I.G. Landeskundliche Informationen und ihre lexikographische Erfassung // Deutsch als Fremdsprache. – B., 1978. – H.5. – S. 277-279.
113. Übersetzerische Kompetenz / Hrsg. von Kelletat A.F. – Frankfurt a. M.: Lang, 1996. – Bd.22. – 290 S.

Н.Н.Трошина

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

“С какой культурой мы, собственно, имеем дело?” – этот вопрос сегодня задают себе постоянно самые разные люди, общающиеся с представителями других стран и других культурных ареалов, причем это общение может протекать в самых разных сферах: официально-деловой, научной, экономической, частной и т.д. Не случайно популярная в Германии книга о культурной специфике России, написанная А.Баумгарт и Б.Енеке (13), начинается именно с этого вопроса. Он звучит сегодня гораздо чаще, чем раньше, в силу интенсивного развития процесса глобализации, ярко характеризующего мировое сообщество в конце XX в. (9). Ответ на него широкая публика пытается найти в справочниках типа тех, которые издаются в серии “Культурный шок”. Каждое из изданий этой серии посвящено какой-либо одной стране, в культурном отношении сильно отличающейся от стран Западной Европы: Японии, Индии, Китаю, Мексике, России (23).

Сушественно, что значимость индивидуального, межличностного общения во всех сферах практической деятельности осознается сегодня особенно остро. Межкультурная коммуникация (МКК) – это всегда межличностное общение, в котором очень важное значение имеет культурная среда, в которой сформировались коммуниканты, подчеркивает Ф.Л.Касмир (15, с. 18). Специалисты по МКК объясняют это отходом от “иерархически-институциональных социальных отношений... в пользу демократических, или партиципаторных, отношений” (Oldemeyer,

цит. по: 1, с. 6). Сегодня можно говорить о своего рода социальном заказе на исследования проблем МКК, поскольку множество людей встречается с проблемами межкультурного непонимания, обусловленными различиями в культуроспецифичных нормах коммуникации. Это непонимание вызывает у партнеров чувство неуверенности и боязнь совершить промах, попасться в “коммуникативную ловушку” (14, с.25).

Проблемами МКК занимаются многие науки: антропология, этнография, теория коммуникации, лингвистика, психология, этнопсихоанализ, этнориторика/этногерменевтика, этнография речи. Заинтересованность столь многих наук в МКК, возможно, объясняется нечеткими границами самих понятий культуры и коммуникации. Существует уже более 300 определений культуры, каждое из которых ориентировано на круг проблем, разрабатываемых данной отраслью знания. в том числе и лингвистикой (перечень наиболее известных определений культуры приведен в монографии М.С.Кагана “Философия культуры” (5, с. 13-18)). Для настоящего обзора наиболее актуальными представляются определения, данные Ю.М.Лотманом (культура как совокупность текстов, точнее, механизм, создающий совокупность текстов), а также Ю.М.Лотманом и Б.А.Успенским (культура как знаковая система; как наследственная память коллектива, выражающаяся в определенной системе запретов и предписаний) (цит. по: 5, с. 15).

Как совершенно справедливо указывает Ф.Л.Касмир, эта система, в которую входят также определенные понятия, представления о ценностях и правила, не является чем-то неизменным, раз и навсегда данным, а постоянно изменяется в процессе приспособления человеческого общества к окружающему миру. Собственно, культура и есть выражение человеческой способности адаптироваться к окружающей действительности, в силу чего культура – феномен прежде всего динамический (15, с. 23). Как удачно это сформулировал Ш.Каммхубер, “культура – это не столько имя существительное, сколько глагол” (22, с. 46). Свое понимание культуры как коммуникативного процесса подчеркивают многие авторы, однако такой подход не исключает и рассмотрения культуры в статичном аспекте, т.е. как совокупность высказываний (например, произведений), символических рядов, служащих различным целям коммуникации (например, ритуалов), средств коммуникации (там же).

При такой высокой степени заинтересованности многих наук в разработке проблем культуры и МКК неудивительно, что многие термины трактуются неоднозначно. В настоящем обзоре представляется целесообразным уточнить объемы таких ключевых понятий, как “культурный концепт” и “культурный стандарт”. В когнитивной лингвистике под концептом обычно понимается “оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике” (7, с. 90). Многие исследователи подчеркивают значимость культурных факторов формировании концептов, т.е. рассматривают концепт как “многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме” (6, с. 6) (обзор и классификацию дефиниций концепта см. там же). Таким образом, концепт – явление по своей природе культууроокрашенное. Ю.С.Степанов определяет его как “сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека” (10, с. 40). В концепте представлены оценочные нормы и стереотипы, модели поведения и обобщенные схемы ситуаций. Культурные концепты определяют речевое поведение языковой личности как представителя того или иного народа (ср.: 2, с.25), т.е. концепты отражают культурные стандарты (9). По мнению Ш.Каммхубера, культурный стандарт – это некая ментальная система, основанная на традиционных для данной культуры нормах и представлениях и служащая личности для ее ориентации в окружающем мире (22, с. 46).

Своеобразие национально-культурных стандартов особенно остро ощущается в МКК, когда человек сталкивается с неожиданной для себя ситуацией/поведением собеседников. Чтобы понять причину неожиданно возникших коммуникативных ситуаций и уж тем более чтобы овладеть чуждым для себя культурным стандартом, необходимо найти ответ на вопрос: почему люди другой культуры придерживаются именно таких правил поведения и уважают именно такие ценности. Ш.Каммхубер приводит следующий показательный пример – как у китайцев принято начинать научный доклад: “Прежде чем приступить к моему сообщению, я хотел бы сказать, что я еще недостаточно тщательно и глубоко изучил эту проблему. Я хотел бы лишь сообщить о своих предварительных и поверхностных наблюдениях, которые вполне могут оказаться неверными. Прошу

Вас критически отнестись к недостаткам и ошибкам в моем докладе и высказать Ваши предложения”.

С точки зрения европейской риторической традиции, автору, заранее извиняющемуся за то, что он написал и хочет сказать, лучше бы вообще не выступать с докладом. В Китае же такое вступление никак не снизит интереса аудитории к докладу и не покажется странным. Наоборот, немецкая манера начинать доклад с непринужденной шутки, краткого перечисления вопросов, которые будут затронуты в выступлении, четкой аргументацией оставит у китайских слушателей впечатление абсолютной невежливости и невоспитанности оратора. В приведенном примере актуализируется следующая важная для китайца установка: “Имея возможность выступить с докладом, я уже оказался в более предпочтительной ситуации, чем остальные члены моей группы. Может случиться так, что мой доклад не будет иметь успеха, а я подвергнусь публичной критике. Это приведет меня к утрате лица и вообще нарушит гармонию общественной ситуации. Итак: веди себя скромно, так как это является важным критерием оценки для твоих слушателей, занижай себя и свои заслуги. Этим ты предотвратишь критику и сохранишь лицо также и своих слушателей, а именно, возвысив их”. Другой исследователь, А.Томас (30), также согласен с Ш.Каммхубером, что стремление сохранить социальную гармонию, сохранить лицо является китайским культурным стандартом.

По мнению Ш.Каммхубера, культурный стандарт существует на фоне некой зоны толерантности (*Toleranzbereich*), в пределах которой действия, в том числе и речевые, воспринимаются как нормальные. Поэтому немецкая манера начинать научный доклад, следуя принципу “топ-ля, а вот и я”, не вписывается в привычную для китайской культурной традиции зону толерантности и может повлечь за собой социальные санкции.

Как показывает практика МКК, большинство людей воспринимают родной культурный стандарт как единственно возможный и правильный. Такая позиция называется этноцентризмом. Как отмечает Г.Малецке, для этноцентризма характерны следующие две особенности: 1) родная культура воспринимается как нечто само собой разумеющееся; 2) родная культура воспринимается как заведомо превосходящая культуры других народов. Таким образом, этноцентризм связан с чувством собственного культурного превосходства (подробнее об этом см.: 25, с. 23).

Поскольку этноцентризм, возвеличивание собственного культурного стандарта противоречит основному тезису современной общественной и политической этики – тезису о равенстве всех людей, то в теории МКК появилось встречное понятие – “культурный релятивизм”, согласно которому не существует высокоразвитых и низкоразвитых культур: культуры нельзя подвергать оценочному сравнению (25, с. 27). Культурный релятивизм как очень желательная характеристика языковой личности создает необходимые исходные предпосылки для взаимопонимания в процесс МКК, хотя и предъявляет очень высокие требования к среднестатистическому человеку, поскольку лишает его привычных ценностных ориентиров (11, с. 69). Поскольку собеседники далеко не всегда могут и хотят отказаться от своих культурных предубеждений, связанных со своими культурными стандартами, то возникает взаимное непонимание. Кроме того, оно может возникнуть и вследствие недостаточной культурологической подготовленности коммуникантов, даже при всем их желании идти навстречу друг другу.

Практика МКК свидетельствует также и о том, что непонимание может возникнуть и при достаточно высоком уровне языковой компетенции говорящих, если под компетенцией понимать владение правилами грамматики. Собственно лингвистический анализ МКК не исчерпывается, однако, уровнем анализом языковых единиц, используемых в устных и письменных текстах, порождаемых в процессе межкультурного общения. Гораздо более полноценный и перспективный в лингвистическом плане подход к МКК может предложить этнография речи, которая изучает модели и правила коммуникации в различных речевых коллективах. В этнографическом подходе к речи сочетаются методы антропологического анализа и социолингвистики (20, 21; 27; 29). Этот подход позволяет исследовать языковой и культурный аспекты коммуникации в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. При этом следует иметь в виду: эти два аспекта настолько переплетены друг с другом, что разделение их для анализа является скорее методическим приемом. Учитывая это качество МКК, О.А.Леонтович считает целесообразным исследовать культурно-языковой код как сложную и многокомпонентную структуру (8, с. 81). Автор исходит из наличия двух кодов в общении – собственно языкового и культурного. “При совпадении кодов открываются каналы коммуникации, при

60

несовпадении эти каналы блокируются. Блокировка может быть полная и частичная. При полной блокировке участники коммуникации обычно осознают возникшие затруднения и включают обратную связь. При частичной блокировке возникает иллюзия коммуникации, когда по крайней мере одному из участников кажется, что общение осуществляется нормально (там же). В терминологии Т.М.Дридзе (4, с. 147), в таком случае имеет место “псевдокоммуникация”: элементы одного кода, проникающие в другой код, становятся причиной частичной или полной блокировки каналов коммуникации.

Этот феномен лежит в основе ряда парадоксов МКК. Так, например, проникновение элементов культурного кода в языковой имеет место в процессе МКК при заполнении пропусков в структуре фрейма на основании собственного национально-культурного опыта, что может привести к построению ошибочных логических цепочек. Слова, отобранные под воздействием национально-культурно-специфического фрейма, вызывают неоправданные в другом коде ассоциации, что приводит к непониманию.

Если избыточность информации при общении в контексте одной культуры тормозит коммуникативный процесс (наоборот, экономия усилий является важным фактором эффективного общения), то при соприкосновении разных культур может возникнуть противоположная ситуация, вызываемая “фреймовым конфликтом” (3, с. 36). В таких случаях успешность коммуникации обеспечивается именно некоторой избыточностью информации (повторами, перифразами и т.д.) при обязательном осуществлении обратной связи.

Если в обычной, монокультурной коммуникации сценарные фреймы (скрипты) служат когнитивной основой для формирования связей между уже накопленным опытом и новым, получаемым в процессе общения, то в МКК может проявиться несовпадение скриптов в разных культурах, что опять-таки может привести к коммуникативной неудаче (8, с. 83).

И наконец, возможна такая, казалось бы, парадоксальная ситуация в процессе МКК: сбой наступает тем вероятнее, чем ближе культуры друг к другу (в том числе и в чисто языковом отношении), т.е. при значительной (но не полной!) общности культурем (социокультурных правил речевого поведения) и бихевиорем (реализации культурем) (24, с. 194).

Коммуникативные акты вписываются в ситуацию, строящуюся в соответствии с определенными социокультурными моделями поведения. Взаимодействие основных параметров этой модели отражено в культуремной модели (Kulturemmodell), предложенной Э.Оксааром (26, с. 26):

невербальные средства	экстравербальные средства	вербальные средства	параязыковые средства
мимика	время	слова	
жестикауляция	пространство		
телодвижения	проксемика		

З.Лухтенберг обращает особое внимание на лексический аспект МКК, указывая, что в межкультурном общении особую роль играют табуизированные слова и связанные с ними изменения стилистической окраски (так, например, вследствие коммуникативного подхода, именуемого политической корректностью и регулирующего норму речевого общения прежде всего в ее межкультурном аспекте, произошло изменение стилистической окраски слов “негр”, “черный” и “американец”).

Основные коммуникативные способности человека (З.Лухтенберг называет их “ключевыми”, Schlüsselqualifikationen) формируются в контексте поликультурного общества, т.е. общества, в котором в тесном контакте живут выходцы из разных культур. Большим опытом в плане формирования таких коммуникативных способностей обладает Австралия как классическая страна эмиграции. Политика в области образования, проводимая в этой стране, основана на признании того, что социокультурная ситуация в ней определяется многоязычием (несмотря на совершенно очевидное доминирование английского языка) и поликультурностью (см.: 12). В связи с этим в Австралии (уже в школах) обучение, направленное на формирование традиционных для западных стран видов коммуникативной компетенции (передача идей и информации; работа в команде; сбор, отбор и анализ информации; планирование и организация определенных видов деятельности; использование технологий; решение проблемных ситуаций) (24, с. 195-196),

проводится с учетом задач МКК, осуществляемой прежде всего в деловой сфере, на рабочем месте. В этой ситуации затребованными оказываются такие коммуникативные способности личности, которые обеспечат успешное общение с коллегами, принадлежащими к разным культурным и языковым ареалам. Производимые продукты и услуги также должны подходить людям различной культурной и языковой принадлежности, отсутствие нужных видов коммуникативной компетенции оценивается как пренебрежение интересами части австралийского общества, а также как недопустимый отказ от использования языковых и культурных ресурсов своей страны. В соответствии со спецификой австралийского общества перед образовательными учреждениями страны была в 1993 г. поставлена задача формирования у учащихся еще одного вида коммуникативной компетенции – межкультурного взаимопонимания / культуры ведения переговоров (cultural understandings / negotiating cultures).

Следует особо подчеркнуть, что формирование межкультурной коммуникативной компетенции – это не просто расширение языковой коммуникативной компетенции как таковой, а принципиальное построение ее на экстралингвистической основе. Это значит, что человек должен строить свое общение с другими людьми, выходцами из других культур, исходя из знания специфики этих культур. Цель такого подхода к формированию коммуникативной компетенции состоит в предотвращении возможных недоразумений, дискриминации и возникновения культурных стереотипов (17, с. 11). Б.Коуп и М.Каланциз (18, с. 275) считают даже, что жизнь и работа в поликультурном обществе требуют совсем особого вида коммуникативной компетенции – “гражданской компетенции” (civil competence), которая предполагает готовность к диалогу на базе взаимного признания культурных различий.

Успешность коммуникации в монокультурной среде достигается соответствием речевого поведения участников общения следующим коммуникативным правилам, известным как постулаты Г.П.Грайса (19):

1) правило количества – высказывание должно быть достаточно информативным: а) сообщение должно быть информативным, насколько это необходимо; б) сообщение не должно быть излишне информативным;

2) правило качества – высказывание не должно быть ложным: а) не говори того, что считаешь неверным; б) не говори того, что ты плохо знаешь;

3) правило релевантности – высказывание должно быть по существу;

4) правило модальности – высказывание должно быть ясным, недвусмысленным, кратким и упорядоченным: а) избегай неясности; б) избегай двусмысленности; в) будь краток; г) говори по порядку.

Возникает вопрос: насколько применимы эти постулаты Г.П. Грайса к МКК?

М.Клайн (16) приходит к выводу, что если соблюдение правила количества и связанных с ним требований к высказыванию не составит больших проблем в плане МКК, то соблюдение правила качества, касающегося истинности высказывания, может привести к межкультурным конфликтам, поскольку затрагивает вопросы вежливости, гармонии или сочувствия к партнеру по коммуникации. Правило релевантности касается самой тематики общения, поэтому здесь трудно дать какую-либо оценку этого правила в плане его адаптации к специфике МКК. Особенно культуроспецифично правило модальности, поскольку неясность может привести к “потере лица” говорящего, чему в некоторых культурах придается особенно большое значение (см. выше). М.Клайн следующим образом корректирует правила Г.П.Грайса (цит. по: 26, с. 206-207):

1) правило количества: формулируй высказывание по возможности информативно, соблюдая при этом правила дискурса и нормы данной культуры;

2) правило качества: формулируй высказывание таким образом, чтобы ты мог защитить его в плане соответствия нормам твоей культуры; не говори того, что противоречило бы твоему представлению о культурных нормах истинности, гармонии, сострадания и/или уважения; не говори того, что ты недостаточно хорошо знаешь;

3) правило модальности: не усложняй взаимопонимание более того, чем этого, возможно, потребуют интересы “сохранения лица” и авторитета; избегай двусмысленности, даже если она необходима из соображений вежливости или для сохранения основных культурных ценностей, например гармонии; формулируй высказывание такой длины, какая диктуется целью разговора и дискурсивными

правилами твоей культуры; структурируй высказывание в соответствии с правилами твоей культуры.

Кроме того, М.Клайн добавляет следующие правила к правилам Г.П.Грайса:

1) учитывай в своем высказывании все то, что ты знаешь или можешь предположить о коммуникативных ожиданиях твоего собеседника;

2) проясни свои коммуникативные цели настолько, насколько это допускается правилами вежливости.

Усиливающееся влияние глобализации на все стороны современной жизни и прежде всего на ее деловую сферу отмечает также Э.Слэмбек, исследующая речевое общение в трудовых коллективах (*Arbeitsgruppen*) и учитывающая при этом отнесенность их членов к двум различным типам культуры – индивидуалистским и коллективистским.

В целом речевое общение на работе определяется общими целями – координацией процессов и решением поставленных задач. Это в равной степени относится как к индивидуалистским, так и к коллективистским культурам. При этом в первых (европейская и североамериканская культура) индивидуальные потребности, ценности и цели ценятся выше, чем в коллективистских культурах (азиатские, африканские культуры и культуры американских индейцев). В последних на первом плане оказываются интересы группы. Однако эти два типа культур отличаются друг от друга способами находить решение проблем.

Индивидуалистские культуры измеряют эффективность решений прежде всего приносимой ими пользой, качеством и правильностью. Как было принято это решение, существенной роли уже не играет, так как на первом плане в групповом речевом общении находится общая задача и вариант ее решения. Сам речевой процесс, т.е. как обсуждались и принимались варианты решения, каковы были при этом отношения между участниками обсуждения, было ли соблюдено уважение друг к другу, имело ли право голоса меньшинство, – все это считается в индивидуалистских культурах несущественным, на этом внимание не фиксируется.

В коллективистских же культурах “эффективность” означает нечто другое. Качество принятого решения оценивается прежде всего по его “уместности”, т.е. по характеру самого процесса принятия решения и восприятию его участниками, а также теми, кого принятое

решение касается. “Уместность” предполагает равную степень участия всех членов рабочей группы, согласие участников (цель: сохранить гармонию отношений, “сохранить лицо”) и нахождение консенсуса. Весь процесс речевого общения требует гораздо большего времени, чем это принято в западных культурах. Э.Слэмбек отмечает, что консенсусный принцип принятия решений обеспечивает большую их эффективность (если все же бывает использован) и в индивидуалистских культурах, чем традиционный для них принцип принятия решений в соответствии с мнением большинства. Если же рабочая группа состоит из представителей культур различных типов, то возникает принципиальный вопрос о работоспособности такой группы, поскольку необходимо найти способ решения конфликтов и выбрать оптимальный для этого речевой стиль. Различаются три стиля речевого поведения в конфликтной ситуации: 1) избегание конфликта как такового (в индивидуалистских культурах этот стиль непопулярен, так как считается, что он лишь загоняет проблему вглубь, поскольку участники конфликта не имеют возможности высказать свою точку зрения); 2) интегративный стиль – на первый план выводится идея и предложения по решению задачи, а не личные цели; осуществляется “идейная”, а не личная дифференциация участников конфликта; 3) соперничество – самый непродуктивный стиль, так как оно преследует цель сохранения личных позиций и защиты личных интересов.

Из этого следует, что наиболее приемлемым для поликультурных рабочих групп является в конфликтной ситуации интегративный стиль речевого поведения.

В заключение обзора необходимо подчеркнуть следующее: проблема МКК, привлекая пристальное внимание лингвистов в конце XX столетия, относится к кругу проблем, социокультурный потенциал которых настолько велик, что эта проблема, несомненно, будет разрабатываться и в следующем веке.

Список литературы

1. Астафурова Т.Н. Варьирование речевой деятельности в межкультурном деловом общении // Тезисы докл. науч. конф. “Языковая личность: Жанровая речевая деятельность”, Волгоград, 6-8 дек. 1998 г. -Волгоград. 1998. – С. 6-7.

2. Бабаева Е.В. Лексические значения слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: Культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 25-33.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
4. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. – М., 1996. – С. 138-150.
5. Каган М.С. Философия культуры. – СПб: Петрополис, 1996. – 416 с.
6. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: Культурные концепты. – Волгоград-Архангельск, 1996. – С. 3-16.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. и др. – М.: Изд-во Мос. ун-та им. М.В.Ломоносова, 1996. – 245 с.
8. Леонтович О.А. Парадоксы межкультурного общения // Языковая личность: Аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 1999. – С. 80-85.
9. Митина О.В. Исследование межкультурного восприятия социальных стереотипов на примере отношения к феминизму // Тезисы докладов XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1997. – С. 105-106.
10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Школа "Языки рус. культуры", 1997. – 824 с.
11. Трошина Н.Н. Этносемантические и стилистические проблемы межкультурной коммуникации в деловой сфере // Проблемы этносемантики. – М., 1998. – С. 66-85.
12. Adams G. Embedding the Mayer key competencies in the curriculum // Education Australia. – Melbourne, 1993. – N 24. – P. 11-13.
13. Baumgart A., Jänecke B. Russlandsknigge. – München; Wien: Oldenbourg, 1997. – 255 S.
14. Bungarten Th. Kommunikationspsychologische Barrieren in interkulturellen Managementkontakten // Sprache und Kultur in der interkulturellen Marketingkommunikation. Tostedt, 1994. – S. 24-33.
15. Casmir F.L. Interkulturelle Kommunikation als Prozess // Interkulturelle Kommunikation. – München, Basel, 1998. – S. 15-26.
16. Clyne M. Inter-cultural communication at work: Cultural values in discourse. – Cambridge: CUP, 1994. – 206 p.
17. Cope B. "Cultural understanding" as the eighth key competency. – Haymarket: The Centre for Workplace Communication and Culture, 1995. – 182 p.
18. Cope B., Kalantzis M. Productive diversity: A new Austral. model for work a. management. – Annandale: Pluto press, 1997. – 312 p.

19. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and semantics. – N.Y., 1975. – Vol. 3: Speech acts, – P. 41-58.
20. Cultural communication and intercultural contact / Ed. by Carbaugh D. – Hillsdale: Pluto Press, 1990. – 165 p.
21. Directions in sociolinguistics: The Ethnography of communication / Ed. by Gumperz J.J., Hymes D. – N.Y.; de Gruyter, 1972. – 412 p.
22. Kammlhuber St. Kulturstandarts in der interkulturellen Kommunikation: Größe Klotze oder nützliche Denkbegriffe? // Interkulturelle Kommunikation. – München; Basel, 1998. – S. 45-50.
23. Löwe B. Kulturschock Russland. – Bielefeld; Brackwede: Rump, 1997. – 239 S.
24. Luchtenberg S. Interkulturelle kommunikative Kompetenz: Kommunikationsfelder in Schule und Gesellschaft. – Opladen: Westdt. Verl., 1999. – 271 S.
25. Maletzke G. Interkulturelle Kommunikation: Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen. – Opladen: Westdt. Verl., 1996. – 226 S.
26. Oksaar E. Sprache, Gesellschaft und interkulturelle Verständigung // Sprache, Kultur und Gesellschaft: Kongressberichte der 14. Jahrestagung der Gesellschaft f. Angewandte Linguistik, GAL.- Tübingen, 1984.- 212 S.
27. Philipsen G. Speaking culturally. – N.Y.: de Gruyter, 1992. – 209 p.
28. Slembek E. Grundlagen der interkulturellen Kommunikation // Interkulturelle Kommunikation. – München; Basel. – S. 27-36.
29. Soraya S. Ethnohermeneutik des Sprechens. – St. Ingbert: Mc.Millan, 1997. – 124 p.
30. Thomas A. Psychologie interkulturellen Lebens und Handelns // Kulturvergleichende Psychologie. – Göttingen, 1993. – S. 377-424.

С.А.Ромашко

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ТИПОЛОГИЯ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ
ФОНОЛОГИИ**

Связь сравнительно-исторических исследований и лингвистической типологии обладает уже достаточно давней историей; более того, можно утверждать, что само становление обеих лингвистических дисциплин происходило параллельно и не независимо друг от друга. Индоевропейские языки были для исследователей XIX в. – от братьев Шлегелей до А.Шлейхера – не только генетической общностью, но и воплощением определенного языкового типа, флективного, который противопоставлялся иным типам – агглютинативному, изолирующему, инкорпорирующему (7, с. 155-276). Разделение этих двух дисциплин, осознание их как самостоятельных направлений лингвистической деятельности происходит позднее, в довольно резкой форме это осознание было выражено Н.С.Трубецким в его “Мыслях об индоевропейской проблеме” (4). Собственно говоря, именно размежевание типологии и сравнительно-исторического языкознания и поставило впервые со всей ясностью и во всей полноте вопрос об их отношениях.

Дальнейшая дифференциация сравнительных исследований в лингвистике отражала усовершенствование специализированной методики, что применительно к сравнительно-историческому языкознанию означает углубление реконструкции и восстановление более ранних хронологических слоев праязыкового состояния. Решение, предложенное Ф. де Соссюром в “Мемуаре о первоначальной

системе гласных в индоевропейских языках” (1879) (см. 3), в значительной мере определило направление, по которому и пошло развитие индоевропеистики в XX в.

Выявленные Ф. де Соссюром структурные особенности индоевропейского праязыка позволили углубить реконструкцию, что привело в первой половине XX в. к формированию благодаря исследованиям Е. Куриловича (впервые отождествившего сонантические коэффициенты Соссюра и хеттское *h*, см. 17 и, позднее, 18, с. 27-76) и Э. Бенвениста (1) ларингальной теории (подробнее см.: 36, ср. также уточнения: 25). Последовавший пересмотр фонемного инвентаря и ряда морфонологических характеристик индоевропейского праязыка существенно изменил картину индоевропейской реконструкции.

Предложенный в ларингальной теории способ сокращения фонемного инвентаря праязыка затронул как вокализм (радикальное упрощение системы гласных), так и консонантизм (исключение глухих придыхательных из системы смычных согласных). Наконец, последовательно продвигаясь по этому пути, ряд исследователей довел действие выработанной методики до ее логического предела, предположив, как это сделал, например, У.Ф. Леманн (21), что на наиболее ранней стадии индоевропейского праязыка существовал лишь один гласный сегмент, т.е. по сути дела индоевропейский праязык оказывался языком без гласных (поскольку подсистема фонем предполагает наличие более чем одного элемента)¹.

Реализованный в полном объеме способ системной редукции праязыковых элементов позволил, с одной стороны, значительно углубить праязыковую реконструкцию, а с другой – поставил индоевропеистов перед проблемой верификации полученных результатов, поскольку столь глубокое проникновение в прошлое языка предполагает получение картины, не соотносимой напрямую с данными засвидетельствованных языков: правдоподобие реконструируемых элементов и систем в этом случае невозможно проверить на эмпирическом материале, служащем исходной точкой реконструкции, так как постулируемые в ходе реконструкции формы

¹ Заметим, однако, что при этом происходит разрастание подсистемы ларингальных, число которых может в некоторых реконструкциях достигать десяти (ср. 26, с. 146). Таким образом, упрощение одних зон фонемного инвентаря по сути дела “компенсируется” усложнением других зон.

и отношения не присутствуют (в том виде, как они представлены в реконструкции) ни в одном из сохранившихся индоевропейских языков. При этом в принципе оказывается возможным серьезное отличие – в типологическом плане – праязыка (в особенности на хронологически удаленных стадиях) от известных и доступных наблюдению индоевропейских языков. Тем самым соотношение сравнительных и типологических исследований оказывается максимально удаленным от ситуации XIX в., когда считалось, что тип праязыка и тип происшедших от него языков един.

Проблема верификации результатов продвинутой индоевропейской реконструкции впервые была поднята Р.О.Якобсоном на VIII конгрессе лингвистов в 1958 г. (5). В своем докладе Р.О.Якобсон точно обозначил проблему резкого возрастания дефицита непосредственно верифицируемых данных по мере продвижения процесса реконструкции, указав при этом на то, что существенные корректирующие механизмы могут быть получены от лингвистической типологии. Вероятность той или иной реконструкции может быть подтверждена или опровергнута с помощью типологии: вероятной признается лишь та реконструкция, которая соотносится с типологическими данными, т.е. принимается лишь та реконструкция, которая не противоречит имеющимся данным о языковых элементах и структурах. Постулируемый праязык не должен принципиально отличаться от языков, известных лингвистике. Этот постулат, введенный в сравнительно-историческое языкознание младограмматиками, получил, таким образом, более четкое эксплицитное обоснование с помощью современной типологии, в частности благодаря появлению типологических универсалий.

Исходя из этих соображений, Якобсон подверг сомнению ряд положений продвинутой индоевропейской реконструкции, в частности, получившуюся в результате исключения из индоевропейского консонантизма глухих придыхательных систему смычных с тремя сериями: звонкие, глухие и звонкие придыхательные. Поскольку подобные системы в известных языках не встречаются, Якобсон признал проблематичность этой реконструкции, притом что ее внутренняя логика сама по себе представляется вполне убедительной.

Выступление Якобсона заставило индоевропеистов задуматься над выявленной проблемой. В то же время достаточно рано стало ясно, что для использования типологических данных в процессе реконструкции требуется определенная методика, позволяющая

соотносить, совмещать результаты исследований, полученные в обеих дисциплинах, которые теперь уже существовали самостоятельно, действуя и развиваясь не в едином комплексе, а независимо одна от другой.

Прежде всего, как справедливо отметил У.Ф.Леманн, развитие типологии последних десятилетий характеризуется сосуществованием в ее рамках “различных, даже противоречивых подходов” (20, с. 1). Поэтому и соотношение инструментария и результатов сравнительно-исторического языкознания и типологии — многогранная деятельность. Так, приходится учитывать тот факт, что типология в XX в. развивалась преимущественно как часть синхронной лингвистики (в отличие от типологии XIX в., для которой типологическая классификация языков была в то же время и иерархическим отражением процессов глобального языкового развития). В связи с этим совмещение ее результатов с результатами диахронических исследований требует дополнительной работы. Далее, наиболее надежным в типологии может считаться наиболее вероятный результат; подобный подход было предложено (как это сделал Р.О.Якобсон) считать основным и в случае использования типологических результатов в лингвистической реконструкции. Однако, как справедливо отметил в связи с этим Ч.Шлейхер, наиболее вероятная структура должна быть и наиболее стабильной, в то время как праязык накануне распада скорее всего представлял собой достаточно нестабильное образование, в противном случае от него не произошел бы целый ряд отличающихся друг от друга языков (33, см. также 39). Наконец, если типология имеет дело с общим в языке, то реконструкция направлена на изучение частного, конкретного языка (реконструируемого), в истории которого принципиально возможны не только закономерные, наиболее вероятные явления, но и явления случайные, а потому и достаточно уникальные.

Заявленная Р.О.Якобсоном скептическая позиция по отношению к некоторым результатам реконструкции была затем подхвачена О.Семереньи, который достаточно подробно рассмотрел типологические аргументы против предположений о моновокалическом характере индоевропейского праязыка и трехрядной системе индоевропейских смычных (35). Учитывая достаточно традиционалистскую позицию Семереньи, можно сказать, что типология выступала в этом случае как охранительный механизм, ограничивающий возможности построения гипотез в ходе реконструкции.

Ситуация существенным образом изменилась в начале 70-х годов, когда практически одновременно ряд лингвистов предложили использовать типологические данные не для сужения возможностей гипотетических построений, а, напротив, для расширения этих возможностей: типология становится инструментом построения гипотез относительно праязыкового состояния. Речь идет в первую очередь о так называемой “глоттальной гипотезе (теории)”.

Поскольку три серии смычных: глухие – звонкие – звонкие придыхательные ($t - d - dh$) – в известных языках не были засвидетельствованы, то построение более реалистичной реконструкции предполагало поиск наиболее вероятной типологической модели, которая позволила бы совместить данные индоевропейских языков с типологическими обобщениями. Такой моделью оказалась система смычных с глоттализированными (абруптивными, эмфатическими) согласными. Этот вариант реконструкции практически одновременно был предложен рядом ученых: Вяч.Вс.Ивановым и Т.В.Гамкрелидзе (см. наиболее полный вариант в книге 2), П.Хоппером (13), А.Мартине (26) и другими (общую дискуссию по проблеме см.: 6, 8, 12, 15, 23, 27, 30, 34, 37).

Разными исследователями были предложены различные варианты “глоттальной” реконструкции, общей чертой которых является замена серии, традиционно реконструируемой как звонкие, на глоттализированные или сходные смычные; изменения в той или иной степени затрагивали и другие ряды, ср. следующие варианты реконструкции смычных:

$t - t' - th$

$t - t' - d$

$t(h) - t' - d(h)$

При всех вариациях глоттальной теории (и сходных подходов) могут быть все же обозначены некоторые общие параметры предложенных решений. Это прежде всего:

1) типологическая аргументация, указывающая на малую вероятность (либо полную невероятность) реконструкции системы смычных с тремя рядами: глухие – звонкие – звонкие придыхательные;

2) ссылка на отсутствие (либо чрезвычайную редкость) фонемы, традиционно реконструируемой как *b;

3) соотнесение данных реконструкции смычных с морфонологическими закономерностями структуры праязыковой

корневой морфемы, запрещающими, в частности, корни с двумя звонкими смычными (в традиционной реконструкции – *DeD-).

Эти параметры должны были, по мнению представителей “глоттальной теории”, обосновать необходимость пересмотра существовавшей до того реконструкции системы праязыковых смычных, указывая при этом на тот элемент праязыковой структуры, который нуждается в пересмотре в первую очередь: на серию смычных, традиционно реконструируемых как звонкие согласные. Предложенная модель, по мнению разработавших ее исследователей, позволяла исключить противоречие результата реконструкции данным типологии и объяснить особенности праязыковой системы, связанные с парадигматическими и синтагматическими ограничениями.

Последовавшая дискуссия показала, что предложенные в качестве обоснования “глоттальной теории” положения могут быть существенным образом оспорены либо их значимость оказывается в достаточной мере относительной. Были высказаны следующие сомнения в правомерности основанной на “глоттальной модели” реконструкции.

Во-первых, было указано на относительность показаний типологии. Типологические утверждения носят индуктивный характер и потому не могут обладать абсолютной запретительной силой. Это значит, что отсутствие какого-либо явления среди известных (на данный момент) языков в принципе не может считаться свидетельством полной невозможности данного явления. Так что речь может идти, строго говоря, только о крайне малой вероятности того или иного явления, а не о его полной невозможности (ср. 28, с. 97). Как раз учитывая, что праязыковое состояние с необходимостью должно включать крайне неустойчивые стадии развития (в первую очередь накануне распада праязыковой общности), нельзя полностью исключить того обстоятельства, что праязык в течение непродолжительного времени мог находиться в “аномальном”, “нетипичном” состоянии, которое затем сменялось состоянием с типологической точки зрения более вероятным (и более устойчивым). Кроме того, практические и теоретические сложности учета всех доступных в той ли иной мере наблюдению языковых данных предполагают осторожность в обобщающих суждениях. Вскоре после появления первых публикаций по “глоттальной гипотезе” появились сообщения, что система смычных типа $t - d - dh$ (или очень близкая к ней) все же существует в некоторых языках

Юго-Восточной Азии (язык келабит и др.) и, следовательно, нет никакой необходимости отказываться от соответствующей индоевропейской реконструкции (28, с. 93).

Во-вторых, сомнению были подвергнуты и структурные аргументы “глоттальной гипотезы”, связанные с особенностями реконструируемой языковой системы.

Достаточно проблематичным выглядит аргумент, связанный с отсутствием (или редкостью) смычного *b (традиционная реконструкция) в праязыковой системе. Прежде всего, утверждение, что звонкий билабиальный смычный полностью отсутствует в реконструируемой системе смычных, является очевидным преувеличением: число морфем, содержащих этот смычный, действительно невелико, однако они все же есть, причем реконструируются достаточно надежно, например *bel – ‘сила, сильный’, ср. др.-инд. bala- ‘сила’; лат. de-bilis ‘бессильный’; греч. beltion ‘лучший’, ст.-слав. болий ‘большой’ (28, с. 99-100; недоразумение связано, как указывает Семереньи, с тем обстоятельством, что *b действительно крайне редко встречается в начале слова, но гораздо чаще – в других позициях: 37, с. 153). Далее, редкость звонкого билабиального смычного еще не является неопровержимым аргументом в пользу пересмотра реконструируемой системы: редкость этой фонемы отмечена в индоарийских языках с их четырьмя рядами смычных, не содержащими глоттальные или подобные им фонемы, в то же время и языки с глоттальными смычными не всегда отличаются редкостью или отсутствием b (41, с. 178-180). Наконец, уже неоднократно указывалось, что редкость фонемы *b в праязыке может объясняться и частичным переходом этой фонемы в другие; так, уже достаточно давно предполагалось, что ряд праязыковых билабиальных звонких мог в соответствующих условиях дать *m (28, с. 100; 40, с. 92-93; в целом о проблеме *b см. 29).

Наконец, третий, основной аргумент в пользу пересмотра реконструкции праязыковых смычных, связанный со структурой корневой морфемы (т.е. ограничениями на встречаемость различных типов смычных в пределах корня), также был подвергнут серьезному сомнению.

Прежде всего, наличие глоттализированных смычных, как показывают типологические данные, вовсе не означает запрета на присутствие двух глоттализированных фонем в пределах корневой морфемы (в том числе в семитских языках, см. 14, 41), так что

глоттальная реконструкция не объясняет соответствующих морфонологических закономерностей.

К тому же сами эти закономерности при более внимательном рассмотрении оказываются не столь уж бесспорными. Как показали исследования Айверсона и Сэменса (14), вопрос о возможности существования в праязыке корневых морфем с двумя звонкими смычными (как и некоторые другие закономерности) оказывается не таким простым, как это представлялось в течение долгого времени. В первую очередь нельзя говорить о полном отсутствии корней с двумя звонкими в праязыке: они чрезвычайно редки, однако необходимо учесть, что корни со структурой *ТеТ, т.е. с двумя смычными любого качества, вообще очень редки в праязыке и составляют не более 3,5% от общего числа реконструируемых корней. Есть смысл говорить не об отсутствии корней с двумя звонкими смычными, а о том, что для праязыковой корневой морфемы характерна определенная морфонологическая структура, отличающаяся, в частности, неравномерностью представленности смычных в начале и конце корня: если в начале корня смычные составляют более половины всех согласных, то в конце корня их доля резко падает (некоторые вопросы детализации структуры корня см. в работе: 38). Если же учесть и относительность всех статистических данных, касающихся праязыка (всегда приходится считаться с тем, что наши представления о праязыке, полученные в ходе реконструкции, могут содержать существенные пробелы в силу тех или иных обстоятельств), то и третий аргумент в пользу реконструкции одной из серий праязыковых смычных как глоттализованной оказывается под угрозой.

В дополнение к этому критики глоттальной теории отметили еще несколько проблем, связанных в том числе и с диахроническим измерением типологических закономерностей.

Реконструируемая в соответствии с глоттальной теорией индоевропейская система смычных сама оказывается небезупречной с типологической точки зрения (в частности, это касается соотношения частотности глоттализированных лабиального и лабиовелярного, см. 40, с. 92-93).

Глоттализированные смычные достаточно определенно связываются с признаком глухости, поэтому непонятно, каким образом праязыковые глоттализированные могли дать в качестве рефлексов множество случаев именно звонких смычных (так в большинстве засвидетельствованных индоевропейских языков, см.

37, с. 161) . В качестве возможного решения остается предположение, что реконструируемый ряд содержал преглоттализированные смычные, которые действительно могут переходить в звонкие (см., в частности, 41). К тому же глоттализированные смычные отличаются большой устойчивостью, в связи с чем вообще предположение о практически полной утрате праязыковых глоттализированных в процессе формирования отдельных индоевропейских языков оказывается не слишком вероятным. В целом же переход от реконструируемой на основании глоттальной теории системы смычных к системам отдельных индоевропейских языков оказывается целой серией достаточно сложных трансформаций, что также не свидетельствует в пользу этой теории.

Глоттальная теория поставила под сомнение направление и порядок трансформации праязыкового консонантизма в процессе распада индоевропейской языковой общности, так что прагерманский консонантизм, считавшийся до того – в соответствии с законом Гримма – результатом передвижения согласных, оказывается наиболее близким к праязыковому состоянию, тогда как языки, считавшиеся до того наиболее архаическими, такие как греческий или санскрит, представляются в этом случае довольно далеко отошедшими от первоначального консонантизма.

В этой ситуации особое диагностическое значение приобретают звуковые законы консонантизма, входящие в комплекс закона Гримма, дополняющие и уточняющие этот закон, в частности закон Грассмана (общий обзор см. в книге: 9).

Г.Грассман предложил решение для одного исключения из закона Гримма, которое до него истолковывалось как отсутствие передвижения согласных в тех случаях, когда звонкому согласному в древнеиндийском в германском соответствует также звонкий (ср. готск. *bindan* при санскр. *bandh* – “связывать” вместо ожидаемого в этом случае соответствия $p \sim b$). Первые поколения индоевропейцев были абсолютно уверены в том, что именно санскрит по всем параметрам дает картину, наиболее близкую к праязыковому состоянию (речь идет о явном предубеждении, поскольку в этом были абсолютно уверены и те из лингвистов, которые не работали непосредственно с санскритскими данными, как, например, Я.Гримм; о проблеме “санскритоцентризма” индоевропейистики в начальной фазе ее развития см. 27).

Г.Грассман (11) показал, что исключения из закона Гримма в данном случае являются мнимыми, так как в действительности отклоняются от первоначального состояния не германские, а другие языки. В течение долгого времени закон Грассмана не вызывал возражений и вполне согласовывался с общей схемой реконструкции (к истории закона см. 9, 32). Появление глоттальной теории поставило этот закон в его классическом виде под сомнение, поскольку под сомнением оказалось и само общегерманское передвижение согласных (германский консонантизм менее всего отличается от праязыкового в его “глоттальном” варианте). В результате закон Грассмана в контексте глоттальной теории получал возможность значительного “удревнения”, поскольку мог быть проинтерпретирован как часть или продолжение праязыковой вариативности признака аспирации, так как неглоттализированные смычные, согласно глоттальной теории, могли выступать в двух вариантах: аспирированном и неаспирированном.

Однако такая попытка отнесения диссимилятивных процессов, связанных с законом Грассмана, в более далекое прошлое оказалась не слишком удачной. Во-первых, эмпирические свидетельства позднего действия закона деаспирации в греческом языке и в этом случае сохраняют свою силу и остаются необъясненными (см. 28, с. 113-115; 32). К ним добавляются также данные итальянских языков, вполне ясно говорящие о том, что диссимиляция по признаку аспирации была достаточно поздним явлением, не затронувшим итальянские языки (ср. лат *fidit* < **bheidh*-; оскское *feihuss* < **dheig'h*-; подробнее см. 16). Тем самым исторические эмпирические данные также противоречат глоттальной теории.

Следует отметить, что в последние годы критика первого (“глоттального”) варианта использования типологических данных для коррекции результатов системной реконструкции стала приобретать все более конструктивные черты. Исследователи не просто отвергают глоттальную теорию, но и предлагают разработанные с учетом данных типологии свои, более радикальные варианты реконструкции консонантизма.

Если сравнить варианты реконструкции раннеиндоевропейского консонантизма, предложенные Р.Вудхаузом (41) и Ч.Шлейхером (33), то достаточно ясно, что обе они исходят из того, что признак аспирации не был (по крайней мере на фонемном уровне) составляющей раннеиндоевропейского консонантизма.

Хотя Шлейхер исходит при этом из трех первоначальных рядов согласных: *t – d – ð*, а Вудхауз – только из двух: *t – d*, оба они предполагают, что аспирация возникает на относительно поздней ступени. При этом Вудхауз даже исходит из того, что возникновение палатальных как диалектная черта языков группы *satem* должно предшествовать появлению аспирированных смычных как самостоятельных фонем. Ч.Шлейхер занимает в этом смысле более умеренную позицию, однако и у него аспирированные смычные как самостоятельные фонемы появляются лишь в ходе четвертой фазы праязыкового развития (в основном соответствующей “классической” реконструкции праязыка, периоду, когда начинается распад системы ларингальных). Появляются предложения обратить больше внимания на признак напряженности смычных (ср. реконструкцию Ч.Шлейхера, построенную в значительной мере именно на этом признаке). Система согласных с глоттализованной серией в ряде случаев представляется возможной как одна из ряда стадий доисторических преобразований праязыкового консонантизма, возможно, относящаяся к “ностратической” общности (ср. 31).

Ирония исторического хода развития науки заключается в том, что типологические вариации как средство построения реконструкции оказались направленными в том числе и против основанных на типологии реконструкций, вплоть до того, что именно типологические данные позволяют заново обосновать обращение к младограмматической реконструкции смычных с четырьмя сериями (включая глухие придыхательные), как это вполне убедительно делает П.Элбурн (см. 10), указывающий, что с типологической точки зрения как раз младограмматический вариант реконструкции оказывается наиболее убедительным и позволяет достаточно обоснованно и последовательно объяснять последующие трансформации на пути от праязыкового состояния к отдельным индоевропейским языкам.

Сходным образом развивалась и дискуссия по реконструкции индоевропейского вокализма.

Гипотеза о наличии в раннем индоевропейском праязыке всего одной гласной, т.е. отсутствии фонологически значимых гласных сегментов как таковых, вызвала у большинства индоевропеистов скептическое отношение. Наблюдения над живыми языками показывают, что языков “с одной гласной” – а по сути без фонологически значимых гласных сегментов – не существует. Ссылка на северокавказские языки, где будто бы подобные явления

наблюдаются, была признана не выдерживающей критики (см. 37, с. 145-146, см. также 35). Более того, возможность существования языка только с двумя гласными (например, /е/ и /о/) также вызывает сомнение. Таким образом, как и в случае с реконструкцией индоевропейского консонантизма, роль типологии на первом этапе оказалась негативной: типологические данные служили аргументами против самых крайних вариантов системной реконструкции¹.

В дальнейшем были намечены возможности позитивного использования данных типологии при реконструкции индоевропейского вокализма. Наиболее подробно эти возможности были рассмотрены Ф.Вильямом (39). Самым вероятным минимальным набором гласных являются фонемы /a i u/, а если к ним добавляется четвертая, то это скорее всего должна быть /е/. Таким образом, типология поддерживает предположение, что в индоевропейском языке — на ранней стадии — существовала система гласных из четырех единиц (39, с. 151):

i		u
	e	
	a	

Эта концепция предполагает замену традиционно реконструируемого /о/ на /a/, поскольку система из четырех гласных /е i u o/ не находит поддержки в типологических данных. В дальнейшем система дифференцируется за счет нового гласного /а/, который появляется из сочетания *Н₂е. Новое /а/ способствует сдвигу старого /а/ в направлении более задней артикуляции, т.е. в направлении /о/:

i		u
	e	
	a → α,	

¹ Позиция отдельных лингвистов не оставалась неизменной. Если К.Курилович со временем перешел в этом вопросе на более умеренные позиции (18, с. 211-217, ср. в связи с этим ироническое замечание О.Семереньи о возвращении Куриловича к традиционным представлениям: 35, с. 71), то У.Леман (ср. 23), А.Мартине (26, с. 137-140) и нидерландские индоевропейцы (8; 24) продолжают придерживаться во взглядах на праязыковую вокализм крайнего редукционизма.

в результате чего образуется “классический” минимальный набор позднепраязыковых гласных:

i		u
	e	o
	a	

Это путь дифференциации, в то время как ряд других языков (германский, балтийский, славянский, индийский, иранский), скорее всего, отличают слияния старого и нового /a/, в результате чего эти языки сохранили старую четырехчленную систему вокализма. Эта трактовка хорошо согласуется с данными словаря и данными “внешней” лингвистики (ареальными данными).

Проведенный Ф.Вильямом анализ и опирающаяся на него реконструкция использует типологические данные на двух ступенях: на первой типологические данные используются для отсеечения маловероятного варианта реконструкции; на второй — для построения наиболее вероятного варианта реконструкции.

*
* *

Как и следовало ожидать, попытки существенно углубить реконструкцию индоевропейской фонологической системы оказались связанными с рядом принципиальных трудностей. В первую очередь это проблема верификации предлагаемых гипотез. Отсутствие надежного механизма верификации приводит к тому, что некоторые последователи считают имеющиеся на данный момент варианты реконструкции праязыкового консонантизма в равной степени вероятными (см. 34, с. 365). Надежды, возлагавшиеся при этом на типологию (как контрольную инстанцию или механизм разработки моделей), исполнились только отчасти: типология могла указать на некоторые критические точки реконструкции и предложить набор вариантов, в той или иной мере пригодных для построения реконструкционных гипотез. Однако именно в силу этого типология порой не столько повышала надежность реконструкции, сколько вносила в результаты реконструкции еще большую неопределенность.

Для развития деятельности в области реконструкции требуется продолжить работу по соотнесению результатов и методики типологических и сравнительно-исторических исследований. Для этого необходимо уточнить закономерности функционирования и развития отдельных уровней языковой структуры, а также закономерности межуровневых соответствий. Интересно сравнить в связи с этим, как работает типология при реконструкции других уровней языковой системы (применительно к синтаксису ср. 24). В то же время следует учитывать и такие неотъемлемые свойства языковых систем, как их динамичность, вариативность (с которыми связаны устойчивость и изменчивость языка). Отдельной проблемой является необходимость уточнения методики использования статистических данных применительно к языковой реконструкции (подробно разобрано у Айверсона и Сэменса (14).

Следует признать, что радикализм реконструкции сам по себе не может считаться существенным положительным моментом. Противопоставление "традиционной" (при том что таковой применительно к ситуации оказываются разные модели) и "новой" реконструкции носит в значительной степени ценностный характер и не является существенным основанием верификации предлагаемых гипотез.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. — М. 1955. — 250 с.
2. Иванов Вяч.Вс. Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Т. 1-2.
3. Соссюр Ф. де. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977. — С. 302-562.
4. Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. — М., 1987. — С. 44-59.
5. Якобсон Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике: — М., 1963. — Вып. 3. — С. 95-105.
6. Allen W. The PIE aspirates: fonetic and typological factors in reconstruction // Linguistic studies offered to Joseph Greenberg. — Saratoga, 1976. — P. 237-247.
7. Arens H. Sprachwissenschaft: Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. — Frankfurt a. M., 1969. — Bd. I: Von der Antike bis zum Ausgang des 19. Jh. — XIV, 399 S.

8. Beekes R.S.P. Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction. – Amsterdam; Philadelphia, 1995. – XXII, 376 p.
9. Collinge N.E. The Laws of Indo-European. – Amsterdam; Philadelphia, 1985. – XVI, 308 p.
10. Elbourne P. Proto-Indo-European voiceless aspirates // *Hist. Sprachforschung*. – Göttingen, 1998. – Bd. 111, H. 1. – S. 1-30.
11. Grassmann H. Ueber die aspiraten und ihr gleichzeitiges vorhandensein im an- und auslaute der wurzeln – *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. – Göttingen, 1863. – Bd. 12, H. 2. – S. 81-138.
12. Haider H. The fallacy of typology: Remarks on the PIE stop-system // *Lingua*. – Amsterdam, 1985. – Vol. 65, N 1 – P. 1-27.
13. Hopper P. Glottalized and murmured occlusives in Indo-European // *Glossa*. – Burnaby, 1973. – Vol. 1, N 2. – P. 141-166.
14. Iverson G.K., Salmons J.C. The phonology of the Proto-Indo-European root structure constraints // *Lingua*. – Amsterdam, 1992. – Vol. 87, N 4. – P. 293-320.
15. Job M. Sound change typology and the 'ejective model' // *The New Sound of Indo-European: Essays in Phonological Reconstruction* – Berlin; N.Y., 1989. – P. 123-136.
16. Joseph B.D., Wallace R.A. Proto-Indo-European voiced aspirates in Italic: A Test for the 'glottalic theory' // *Hist. Sprachforschung*. – Göttingen, 1994. – Bd. 107, H. 2. – S. 244-261.
17. Kurylowicz J. *Indo-europeen et hittite* // *Symbolae grammaticae in honorem J. Rozwadowski*. – Cracoviae, 1927. – T. I. – P. 95-104.
18. Kurylowicz J. *Etudes indo-europeennes*. – Cracovie, 1935. – T. I. – IV, 293 p.
19. Kurylowicz J. *Problèmes de linguistique indo-européenne*. – Wrocław etc., 1977. – 245 p.
20. Lehmann W.P. *Primes* // *Linguistic typology 1985*. – Amsterdam; Philadelphia, 1986. – P. 1-17.
21. Lehmann W.P. *Proto-Indo-European phonology*. – Austin, 1952. – XVI, 129 p.
22. Lehmann W.P. *Proto-Indo-European syntax*. – Austin, 1974. – X, 278 p.
23. Lehmann W.P. *Theoretical Bases of Indo-European Linguistics*. – London; N. Y., 1993. – XII, 324 p.
24. Lubotsky A. Against a Proto-Indo-European phoneme *a // *The New Sound of Indo-European: Essays in Phonological Reconstruction* / Ed. by Vennemann T. – B.; N. Y., 1989. – P. 53-66.
25. Manaster Ramer A., Nielsen B. Saussure and the e-colored coefficient sonantique // *Hist. Sprachforschung*. – Göttingen, 1997. – Bd. 110, H. 2. – S. 181-187.
26. Martinet A. Des steppes aux océans: L'indo-europeen et les "Indo-Europeens". – P., 1986. – 274 p.

27. Mayrhofer M. Sanskrit und die Sprachen Alteuropas: Zwei Jahrhunderte des Widerspiels von Entdeckungen und Irrtümern. – Göttingen, 1983. – 34 S.
28. Mayrhofer M. Indogermanische Grammatik. – Heidelberg, 1986. – Bd. 1. Hlbd. 2. Lautlehre: (Segmentale Phonologie des Indogermanischen). – S. 73-216.
29. Meid W. Das Problem von indogermanisch /b/. – Innsbruck, 1989. – 15 S.
30. The new sound of Indo-European: Essays in phonological reconstruction / Ed. by Vennemann T. – Berlin; New York, 1989. – XVI, 300 p.
31. Rasmussen J.E. Die Tenues aspiratae: Dreiteilung oder Vierteilung des indogermanischen Plosivsystems und die Konsequenzen dieser Frage für die Chronologie einer Giottalreihe // The New Sound of Indo-European: Essays in Phonological Reconstruction / Ed. by Vennemann T. – Berlin; New York, 1989. – P. 153-176.
32. Romaschko S.A. Aus dem Leben eines Lautgesetzes: Grassmanns Gesetz, sein Ursprung und sein Schicksal // Historiographia Linguistica. – Amsterdam, 2000. – Vol. 27, N 1. – S. 35-54.
33. Schleicher C. A Chronology of the PIE. Obstruents // 27. Indogerm. Forschungen. – B.; N.Y., 1994. – Bd. 99. – S. 21-41.
34. Schmalstieg W. A few issues of contemporary Indo-European linguistics // Linguistic change and reconstruction methodology / Ed. by Baldi P. – B.; N.Y., 1990. – P. 359-374.
35. Szemerényi O. The new look of Indo-European: Reconstruction and typology // Phonetica. – Basel; N.Y., 1967. – Vol. 17, N 2. – P. 65-99.
36. Szemerényi O. La théorie des laryngales de Saussure à Kurylowicz et à Benveniste // Bulletin de la société de linguistique de Paris. – P., 1973. – T. 68, fasc. 1. – P. 1-25.
37. Szemerényi O. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. 3. Aufl. – Darmstadt, 1989 – XXV, 370 S.
38. Vaan M. de. The PIE root structure *Te(R)D^h // Hist. Sprachforschung. – Göttingen, 1999. – Bd. 112, H. 1. – S. 1-25.
39. Viilar F. The Indo-European vowels /a/ and /o/ revisited / / Comparative-historical linguistics: Indo-European and Finno-Ugric. Papers in honor of O.Szemerényi III. – Amsterdam; Philadelphia, 1993 – P. 139-160.
40. Woodhouse R. Proto-Indo-European injective asperes // Indogerm. Forschungen. – B.; N.Y., 1995. – Bd. 100. – S. 92-100.
41. Woodhouse R. Some criticism of the Gamkrelidze/Ivanov glottalic hypothesis for Proto-Indo-European // Hist. Sprachforschung. – Göttingen, 1995. – Bd. 108, H. 2. – S. 173-189.

Ю.Н.Марчук

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА В КОНЦЕ XX в.

Настоящий обзор включает в основном отечественные работы, к которым целесообразно отнести также изданные в бывших республиках СССР и работы наших авторов, опубликованные за рубежом. Включены также исследования ряда зарубежных ученых.

Сначала рассмотрим опубликованные за последнее время фундаментальные работы, затрагивающие вопросы теории, лежащие в фундаменте прикладных направлений. Затем осветим главные публикации, доступные нам в настоящее время, по разделам научных направлений (лексикология и лексикография, терминоведение и пр.) и проблем (машинный перевод, распознавание устной речи, обучающие системы и пр.). От научных направлений – к конкретным проблемам и действующим прикладным системам, реализующим в современных информационно-технологических условиях алгоритмы решения прикладных лингвистических задач и имеющим конкретное применение.

Некоторые общие проблемы речевой коммуникации как бы предшествуют и задают глобальные рамки для более специфически ориентированных проблем и направлений прикладной лингвистики. Языковая коммуникация осуществляется в определенной культуре и подчиняется законам данного общества и социальной среды. В капитальном труде выдающегося русского ученого академика Ю.В.Рожественского “Принципы современной риторики” (31) рассматриваются исторические и социальные корни современного построения речи.

Ранее Академия наук имела задачу формировать норму языка и речи, школа — распространять норму, критика — оценивать труды литераторов. Издательское дело и информатика, т.е. промышленные операции по производству и использованию текстов, считались областью производства. Таким образом разделялись задачи формирования фактуры слова как носителя смысла и слова как инструмента мысли, пишет Ю.В.Рожественский. Новая философия языка усматривает в языке фактурно-смысловое единство, но различную направленность речи на те или иные виды занятий: труд, торговлю, финансы, управление, изобретение, рекреацию, культуру, информатику, образование. Поэтому работа в области языка адресована каждой из этих областей порознь.

В каждой области перед языковедной теорией и практикой стоят особые проблемы и задачи, особые формы реализации решений в языковых действиях. В каждой из областей существуют свои подобласти и конкретные проекты. Поэтому языковедная работа помимо классических форм осложняется специализациями. Рассматривая роль языковых исследований и разработок в современном русском обществе, Ю.В.Рожественский отмечает, что система речевых средств всех видов словесности должна быть сбалансирована развитыми для новых условий внешними правилами словесности. Должны быть разработаны и укреплены общие места, соответствующие массовой информации. Система речевых средств с точки зрения общих мест, в ней содержащихся, не может быть упорядочена стихийно. Информатика как диалогическое по своей природе средство также связана с потребителем через создание программ. Нужно упорядочить пользование информационными системами, а это можно сделать, опираясь на соответствующие внешние правила словесности (31).

Из вышесказанного видно, что в задачи прикладной лингвистики входит много нового из того, что ранее вообще не считалось лингвистическим делом. Это безусловно расширяет не только спектр того, что нужно делать, но также, что особенно важно, инвентарь инструментальных средств, с помощью которых можно решить эти достаточно общие и важные задачи.

Особое значение приобретает инженерно-лингвистическое моделирование. Под моделированием понимается построение знаковых (языковых) моделей с использованием формализованных языков — математических, статистических, логических и т.п.

Компьютерно-лингвистические модели строятся с учетом их гомоморфизма, когда между объектом (языком) и его моделью наличествуют отношения, при которых модель точно отражает наиболее существенные характеристики объекта (24).

Говоря об инвентаре средств и области изучения того, что ранее едва ли входило в лингвистику, можно сослаться на работу известного в России и за рубежом специалиста по анализу и распознаванию устной речи Р.К.Потаповой “Коннотативная паралингвистика”. В целях передачи смысловой адекватности устного речевого сообщения первостепенную роль приобретает, по мнению Р.К.Потаповой, выявление коннотативных значений, передаваемых не только чисто лингвистическими (лексико-грамматическими), но также (а иногда и исключительно) паралингвистическими (фонационно-кинетическими) средствами, включающими весь арсенал особенностей актуализации речевого высказывания, несущих определенную сигнификативную нагрузку. Трудность заключается в том, что коннотативные значения, в отличие от денотативных, выражены, как правило, имплицитно, что может быть связано с наличием формальных показателей в лексике и грамматике (в частности, синтаксисе), а также с использованием паралингвистических средств в их комбинаторике применительно к акустическому и оптическому каналам коммуникации. Одним из возможных формальных показателей коннотативных значений вербальных сообщений является специфическая организация звучащей материи языка с использованием фонационно-артикуляторных сегментных и супraseгментных (просодических) средств, выступающих применительно к актуализации коннотативных значений (в отличие от денотативных) как источник паралингвистической (окололингвистической) информации, что приобретает особое значение для адекватной передачи смыслового содержания речевого высказывания в целом. Паралингвистические (фонационно-артикуляторные, просодические, кинетические) средства не имеют грамматической функции, а относятся к ситуации в целом, выполняя роль смысловой поддержки (29).

В связи с этим возникает необходимость вновь обратиться к понятию “текст” – одному из основных в современной теоретической и прикладной лингвистике. Сейчас большинство языковедов склоняются к необходимости рассмотрения текста, ранее определяемого только как речевая единица, в качестве единицы

языка. Стали даже появляться утверждения о том, что именно текст, а не слово является основной или исходной единицей языка. Текст действительно исторически является исходной единицей языковедческих исследований, поскольку филология выросла из потребностей исследования и толкования текстов. Как говорит С.В.Гринев в своей работе по лингвистике текста, интерес к исследованию текста не случаен и вызван как теоретическим развитием лингвистики и закономерным включением текста в многоярусную систему лингвистических единиц, так и практическими потребностями определения общих принципов организации текста и правил их эффективного построения. Особо следует отметить влияние компьютеризации, стимулирующей поиск оптимальных структур текстов и лингвистических принципов их автоматизированной подготовки и переработки. Говоря о типологии текстов, С.В.Гринев выстраивает ее следующим образом: 1) особенности классификации текстов с точки зрения информатики; 2) классификация текстов с точки зрения издательского дела и теории редактирования; 3) классификация текстов с точки зрения стилистики; 4) классификация текстов с точки зрения теории перевода; 5) классификация текстов с точки зрения документолингвистики; 6) собственная типология текстов. Из этого видно, что решающим принципом в современных представлениях о теории текста является их роль в прикладных задачах, а собственная (вне лингвистических прикладных задач) типология текста стоит на последнем месте (7).

С понятием текста связано понятие дискурса, о котором в настоящее время также много говорят и пишут и которое безусловно также имеет отношение к прикладной лингвистике. В статье Э.В.Хилхановой (35) проведен детальный анализ современных представлений и определений дискурса. Есть пять основных трактовок данного понятия, так или иначе пересекающихся с понятием текста: 1) дискурс – это изначально термин социологии, социальной семиотики и политологии – присущая социальной группе разновидность речи; это социальная единица в отличие от текста как лингвистической единицы; 2) дискурс – различные виды актуализации формальной текстовой конструкции, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами (знанием о мире, мнениями и пр.); 3) с точки зрения когнитологии: разграничение дискурса и

текста соответствует противопоставлению когнитивной деятельности и ее результата; это развитие предыдущей точки зрения; дискурс – процессуальное, деятельностное явление; 4) дискурс – язык в языке, но представленный в виде особой социальной реальности (логико-философское определение дискурса, близкое к 2; 5) узкое понимание дискурса; согласно ему, под дискурсом понимаются все формы устной или письменной речи (бытовые и официальные разговоры, интервью и т.п.); понятие, синонимичное диалогу или разговору.

Дополнительные характеристики дискурса можно выделить, согласно цитируемому автору, в виде дистинктивных признаков, отличающих его от текста. Это набор следующих оппозиционных пар:

устность/письменность: письменный текст противопоставляется устному дискурсу;

монологичность/диалогичность: дискурс часто подразумевает интерактивное действие, а текст – монолог;

объем: дискурс подразумевает протяженность, а текст может быть очень кратким;

когезия (когерентность): текст характеризуется когезией на поверхностном уровне (лексика, грамматика), а признаком дискурса является дискурсивная когерентность между речевыми актами;

невключение в текст и включение в дискурс средств паралингвистического сопровождения речи и пр.

Понятийно-терминологический разброс значений термина дискурс свидетельствует о том, что в лингвистике еще не выработано более или менее однозначного представления о смысле этого термина. Автор, однако, заключает, что из суммы рассмотренных определений вытекает, что в современной лингвистике под текстом понимается преимущественно абстрактная, формальная конструкция, под дискурсом – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами.

В связи с последним можно отметить, что включение факторов, не относящихся к лингвистике, также представляет собой весьма интересную область занятий и приводит к созданию новых областей лингвистики, еще не утвердившихся в научных классификациях. Так, В.Ф.Нечипоренко успешно защищает обоснование и содержание биолингвистики, занимающейся изучением энергии психического плана, коренящейся в биосфере Земли и ответственной за целый ряд лингвистических сущностей и языковой коммуникации (25).

Все приведенные выше соображения характеризуют все расширяющийся спектр теоретических и практических проблем, входящих в прикладную лингвистику в ее традиционном понимании. Особо следует отметить возрастающую роль компьютерной лингвистики, которая в некотором отношении стоит на переднем крае взаимодействия лингвистики и сфер ее применения, поскольку компьютеризация общества и коммуникации является сейчас наиболее характерной чертой общечеловеческого прогресса.

В обобщающем труде “Основы компьютерной лингвистики” Ю.Н.Марчук попытался изложить принципиальные положения и характеристики современного состояния компьютерного анализа и синтеза текстов в основной информатической проблематике (17).

Термин “информатика” начинает устанавливать свое реальное значение и содержание только теперь. Под информатикой понимается не только научно-техническое информирование, но и весь комплекс гуманитарных и вычислительных наук, связанных с применением компьютера как мощного средства автоматизации умственной деятельности человека в разных областях, в том числе и в массовой коммуникации. Лингвистические проблемы информатики, образуя специальную сферу, где помимо компьютерных действуют и лингвистические законы и закономерности, и образуют компьютерную лингвистику в современном понимании. Основной единицей языка является слово, а единицей речи – с учетом приведенных выше соображений относительно культуры и социума, текста и дискурса, паралингвистических средств коммуникации – является высказывание. От этих исходных единиц ко все более сложным сущностям и комбинациям простых составляющих в сложные и идет рассмотрение главных законов компьютерной лингвистики.

Общение с компьютером развивается в сторону использования удобного для человека естественного языка, а не специальных языков программирования, доступных узкому кругу специалистов. Персональный компьютер становится частью интеллектуального технического окружения человека, подобно телефону, телевизору и пишущей машинке. Человеческий язык продолжает оставаться мощным и незаменимым средством передачи информации, поэтому ввод ее в компьютер связан с обработкой сообщений на естественном языке. У истоков современной прикладной лингвистики лежит

форма, поскольку именно от нее происходит дальнейшее развитие способов обработки естественной языковой информации.

Поскольку устройство и функционирование языка недоступно прямому наблюдению, изучение языка и продуктов его деятельности — текстов — осуществляется главным образом с помощью моделирования. Модели объяснительного типа лишь непротиворечивым образом объясняют то или иное лингвистическое явление. Модели воспроизводящего типа дают возможность с помощью обратной связи проверить теоретическую гипотезу по результатам работы некоторого практического устройства, чаще всего компьютерной программы или комплекса программ.

Новый состав знаков, новые наборы грамматических значений возникают по законам диахронического развития на основе старых систем знаков. При взаимодействии с ними по правилам диалектики в новой коммуникационной ситуации могут возникать новые знаки. Составной частью новой коммуникативной ситуации являются интеллектуальные сущности, создаваемые человеком и искусственным интеллектом в виде информационных систем. Новый состав знаков возникает, таким образом, в некотором естественно-искусственном многоязычии, которое, по мнению некоторых ученых, создается вследствие распространения в социальном общении информационных языков, взаимодействующих с естественными языками в сферах технологии. В процессе интеграции информационных систем и включения их в практику языкового пользования в обществе возникают проблемы создания общих языков представления основных видов информации, разработки более совершенных языков доступа к информации и построения языков массового пользования для абонентов. В широком научном контексте филологические и лингвистические проблемы технологического аспекта обработки информации входят в проблематику искусственного интеллекта. Поскольку эти задачи связаны с моделированием речемыслительной деятельности человека в первую очередь в рамках профессиональной деятельности, то для их решения необходимы результаты исследования функционирования языка в процессе обработки профессиональной информации специалистами. Поэтому широко изучается не только современное состояние массовой коммуникации в среде широких потребителей, но и особенности специальной коммуникации, в сфере которой наиболее четко проявляется слияние естественных и искусственных языков.

Обращаясь далее по ходу нашего обзора к лингвистическим единицам возрастающего порядка, рассмотрим последние работы в этой области. Морфемы и словообразовательные механизмы языков синтетического типа всегда привлекали внимание исследователей, поскольку этот аспект имеет большое значение практически для всех прикладных задач. В статье А.А.Поликарпова, В.В.Богданова и О.С.Крюковой “Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка: создание базы данных и ее системно-квантитативный анализ” (27) описывается такой словарь. Он содержит русские корневые, аффиксальные, сложные, сложно-аффиксальные и иные производные слова, охарактеризованные по целому спектру характеристик. Словарь задуман как исчерпывающий справочник для системного исследования словарного состава современного русского языка по различным аспектам морфемной структуры его единиц, их словообразовательным, грамматическим, семантическим, стилистическим, частотным и иным свойствам и связям, характеристикам словообразовательных гнезд, омонимичных групп лексем, этимологических групп корней и пр.

Особую значимость создаваемому словарю придает наличие в нем информации о времени рождения слова, что позволяет судить о его возрасте, проверять гипотезы о возможной связи различных системных характеристик в пределах “жизненного цикла слова”. Словарь представлен в виде базы данных Access в среде Windows 95. Он снабжен рядом вспомогательных программ, позволяющих осуществлять поиск слов, морфем и их характеристик, получать различные специализированные проекции и преобразования, оценивать его количественные параметры, представлять их в виде таблиц и графиков.

База данных такого рода позволяет проверить ряд важных теоретически выводимых соотношений системных характеристик единиц лексики – грамматических, семантических, структурных, словообразовательных, частотных и др. – в ходе их исторического развития. Теоретические прогнозы, которые проверяются, представлены в квантитативной форме и поэтому могут быть проверены в ходе квантитативно-системного анализа полученной базы данных – анализа характеристик, статистического распределения ряда характеристик, их корреляции между собой и пр.

Общий словник базы – около 180 000 лексических единиц. В настоящее время проведен анализ той части словаря, которая покрывает корневые и аффиксальные производные слова русского языка.

Общие вопросы терминоведения как науки о терминах, части лингвистики, исчерпывающим образом освещены в их современном виде в обобщающем труде В.М.Лейчика и Л.Бесекирской “Терминоведение: предмет, методы, структура” (37). Научно-техническая революция ведет к возрастанию количества специальных лексических единиц в связи с необходимостью решения по крайней мере трех важнейших задач: 1) обозначения массы вновь открытых явлений и закономерностей природы и общества; 2) автоматизированной обработки значительных объемов научной, технической, экономической и иной специальной информации, зафиксированной средствами естественных и искусственных языков; 3) функционирование автоматизированных систем управления разных уровней, использующих знаковые системы, в том числе единицы естественных языков.

В настоящее время терминоведение активно создает арсенал собственных методов, которые являются развитием методов тех наук, из которых выросло терминоведение. Структуру терминоведения образуют два раздела: теоретическое терминоведение, т. е. анализ терминов и терминосистем, закономерностей их создания и функционирования, и прикладное терминоведение, т.е. решение ряда прикладных задач с применением методов и продуктов работы над терминами и их совокупностями. Такими продуктами являются словари, стандарты, сборники рекомендуемых терминов, картотеки, банки данных и пр.

В части составления словарей терминоведение переходит в терминографию – науку о составлении терминологических словарей. Терминологический словарь – это прежде всего собрание лексических единиц данного языка (языков) и как таковой он подчиняется всем законам лексикологии и лексикографии как чисто лингвистических дисциплин.

Особое значение в наше время приобретает многоязычная терминография. До последнего времени многоязычные терминологические словари находились как бы на периферии терминографии, основное внимание которой было приковано к двуязычным словарям. Однако теперь резко увеличилось число выпускаемых многоязычных словарей, что отражает распространение

многоязычия и факт вступления в сферу активной коммуникации все новых и новых языков. Проблемы многоязычной терминографии намечены и рассмотрены в обзорной статье доктора филологических наук Маргариты Васильевны Марчук “Некоторые проблемы многоязычной терминографии” (16).

Инвентаризация лексических единиц начинается и кончается, как правило, инвентаризацией слов и их сочетаний. Возрастающая роль перевода в современном мире заставляет лексикографов составлять специальные словари, все более ориентирующиеся на перевод, хотя собственно переводные словари нельзя назвать чем-то новым в лексикографии. Стремление помочь переводчику в разрешении лексических трудностей приводит к созданию специализированных словарей, в которых особым образом и более эффективно, чем раньше, учитывается контекстная информация. Для примера рассмотрим словарь, опубликованный недавно известным специалистом в области “ложных друзей переводчика” профессором Л.И.Борисовой. В своем словаре-справочнике “Лексические трудности перевода” (2) она пишет, что повышение роли перевода в современной коммуникации обуславливает необходимость обеспечения переводческой деятельности эффективными материалами, позволяющими добиваться качественных результатов. Предлагаемый словарь-справочник лексических трудностей перевода является специализированным переводческим словарем. Он отражает новейшие явления в лексическом составе текстов на английском языке. В нем показана специфика употребления английских слов в современных контекстах, а также даны возможные варианты их передачи в англо-русской и русско-английской языковых парах. В этот словарь включены английские слова (в большинстве случаев многозначные), вызывающие затруднения при переводе любых информационных текстов – коммерческих, рекламных, научно-технических, юридических, культурологических и др. Отобраны только трудные для перевода слова. Для каждого английского слова, включенного в словарь, дан набор русских переводных эквивалентов, передающих его реальные значения в контекстах, большинство из которых отсутствует в словарях. Русские переводные эквиваленты выявлены в процессе сопоставительного анализа переводов и являются регулярными и типичными для текстов любых типов и жанров.

Хотя приводимые в словаре-справочнике переводные эквиваленты значений слов являются характерными для

определенных контекстов, они рекомендуются только как возможные варианты перевода. В зависимости от контекста способы перевода могут быть самыми различными. В каждом соответствующем случае следует внимательно анализировать контекст для принятия переводческого решения. Рассматриваемые слова приводились в основном в контексте предложения, который в большинстве случаев являлся вполне достаточным для того, чтобы показать специфику функционирования соответствующего слова в тексте. Следует также отметить, что в отдельных случаях переводы предложений содержат информацию, которую переводчик использовал и отразил в них с учетом более широкого контекста. Словарь-справочник такого рода может быть полезен не только переводчику и информационному работнику, но также всем, интересующимся теоретическими проблемами перевода как одного из важных видов языковой деятельности человека.

Из вышеприведенного ясно, что все большую роль в современных исследованиях начинает играть контекст. Интересно отметить, что идея контекстной определенности (манифестации, экспликации) лексических единиц получает сейчас все большее развитие в сторону прикладных направлений. Идея контекстологического словаря как совокупности алгоритмов запроса контекста на наличие контекстных определителей (детерминант), выдвинутая и разработанная Ю.Н.Марчуком для машинного перевода (21), получила дальнейшее плодотворное развитие в работе профессора А.Л.Семенова (33). Контекстологический словарь особого рода, предложенный А.С.Семеновым, включает помимо контекстных определителей также и толкование. Словарь такого рода, как он показал, является мощным средством организации многоязычных баз данных. В настоящее время создан ряд контекстологических словарей по различным областям науки, техники и сфер деятельности: см., например, словарь С.В.Меркуловой по страховому делу (22), В.М.Варинской – по методике преподавания (3), О.П.Крюковой – по обучающим системам (14) и пр. Особенно важен контекстологический словарь для тех предметных областей, в которых терминология еще не установилась и происходит ее активное создание и фиксация за каждым термином определенного понятия. Такое положение имеется, например, в страховом деле (22). Однако, как показала Л.И.Борисова, и в тех областях, в которых терминология вроде бы

обладает устойчивостью, довольно часто приходится использовать контекст. В работе И.И.Михалевской подчеркивается необходимость использования контекста для лучшего понимания каждого термина как основного приема формирования методических понятий у студента (23). Можно сделать вывод, что природная, так сказать, многозначность слов любого естественного языка всегда требует для своего конкретного коммуникативного разрешения в данном дискурсе (см. выше) определенной опоры на контекст. При этом содержание понятия “контекст” раскрывается в каждом отдельном виде многозначности и влечет за собой совершенно четкий и своеобразный инвентарь разрешающих многозначность средств.

Здесь надо также указать, что особую роль в этой проблеме играют компьютерные способы разрешения многозначности. Эти способы в подавляющем большинстве случаев опираются на формальные признаки. В связи с этим и возрастает роль контекста как совокупности некоторых формальных признаков лексического, морфологического и (в незначительной степени) синтаксического характера. Формальные признаки учитываются также не только при компьютерных решениях прикладных проблем. В преподавании языка, которое также, как известно, относится к прикладной лингвистике, за описываемый период появились интересные работы, связанные с анализом структур языка с целью облегчить их понимание и использование для не говорящих на данном языке. В качестве примера таких работ можно привести современное исследование, проведенное в МГУ им. М.В.Ломоносова на базе русского языка. М.В.Всеволодова и Го Шуфень изучили классы моделей русского простого предложения (6).

В первой своей части работа посвящена представлению репертуара основных моделей (структурных схем) русского простого предложения, разделенных на классы по типам предикатов. Это первый после Академических грамматик 1970 и 1980 гг. опыт систематизированного описания формальных моделей русского простого предложения в теснейшей связи со значением, присущим данной модели. Вопрос о форме и содержании – один из основных в лингвистике. Самое интересное в этом плане – предложение. Модель предложения есть средство прототипического выражения некоторых смыслов, “запрограммированных” на определенную лексику. Такая их реализация закрепила за ними определенное типовое значение, предоставляющее свою формальную “упаковку” и для другого

содержания. Сама идея и список моделей опробованы в ходе преподавания русского языка иностранцам.

Вторая часть книги посвящена описанию моделей одного класса – статальных предикатов (предикатов состояния) и их речевых реализаций. Представление речевых реализаций потребовало выявления лексики, которая образует данные модели, основных вариантов актуального членения и некоторых других факторов. Описание русских моделей во второй части дано “в зеркале” китайского языка, т.е. русским моделям сопоставляются их китайские содержательные эквиваленты, что особенно интересно именно в силу типологических различий между русским и китайским языками.

Другим примером использования широкого набора лингвистических и экстралингвистических средств в преподавании языков является более тщательное применение компьютерной и мультимедийной техники в обучении. В.М.Лейчик разделяет освоение и изучение иностранного языка. Изучение – это целенаправленный процесс приобретения знаний в области языка, освоение – это естественный процесс вхождения в языковую (речевую) среду. Между ними есть семь основных различий, учитывая которые можно существенно повысить эффективность современных средств обучения (15).

Сопоставительные исследования языков играют особую роль в такой прикладной задаче, как перевод. Актуальность перевода в межкультурной и социальной коммуникации не требует никаких доказательств, а роль перевода в возрастающем многообразии естественных языков, вступающих на мировую арену, постоянно возрастает. В этой связи представляют интерес работы, посвященные переводу в первую очередь как теории. Исследование польской специалистки Дороты Урбанек “К вопросу об определении основных терминов теории перевода” посвящено анализу развития теории перевода (34). Особо анализируются ключевые понятия теории перевода, такие как эквивалентность, адекватность и релевантность. Эти понятия, являющиеся основными вехами в понимании перевода как особого вида языковой деятельности и одновременно как ее результата, служат также инструментом для оценки его качества. Различное понимание явлений, называемых этими терминами, отражает эволюцию взглядов на сущность самого перевода, а также природу факторов, определяющих его характер. Автор выделяет три этапа в развитии понятия эквивалентности перевода. Первый этап –

узколингвистический (А.В.Федоров, И.И.Ревзин, Я.И.Рецкер). Второй этап — перевод в свете теории коммуникации (В.Н.Комиссаров, Ю.Найда, О.Каде). Третий этап — новые концепции перевода. Ряд теоретиков отбросили концепцию эквивалентности, считая узколингвистический подход слишком односторонним, а другие концепции — размытыми. Процессы перевода стали пониматься как явление с прототипической структурой, как ряд операций на семантических и грамматических прототипах. В первую очередь рассматриваются степень семантического сходства и “информативности” текстов, а также степень структурного сходства и различий в системах языков, представляемых оригиналом и переводом. Оптимальная релевантность достигается, когда получатель без излишних затруднений воспринимает интенциональное значение текста и когда передаваемая информация используется им адекватным образом. Тем самым перевод понимается прежде всего как психический процесс, ведущий к модификации знаний получателя.

Автор приходит к выводу, что рассмотренные концепции перевода и переводческой эквивалентности в своем большинстве не противоречат друг другу. Они скорее комплементарны. Современная методология науки склонна видеть в таком плюрализме мнений не слабость и недостаток научных исследований, а, наоборот, их достоинство.

Недискретность перевода как языкового феномена, его полиаспектность как объекта изучения приводит также к тому, что некоторые теории оказываются квазиплюралистическими: они в иной терминологии лишь повторяют уже высказывавшиеся мысли. По-новому называются те вещи, которые уже известны. В этом отражается известное свойство науки, которая движется от уже известного к некоторому новому, известному мало. При этом совершенно естественным образом переоцениваются известные факты и мнения. Дальнейшие рассуждения и критерий практики и обратной связи позволяют выделить истину и избавиться от заблуждений, которые также естественны. Отметим, что многие аспекты практической деятельности переводчика весьма интересно и подробно освещены в книге Л.Виссон “Синхронный перевод с русского на английский” (4).

Характерно, что проблемы, относящиеся к прикладному языкознанию, часто привлекают внимание специалистов

теоретического, сопоставительного и сравнительно-исторического языкознания. Так, О.В.Волошина в статье “Проблема термина в индийском языкознании” (5) отмечает, что большинство лингвистических терминов в работах древнеиндийских грамматистов представляет собой общеупотребительные слова, подвергшиеся ассоциативному переосмыслению. Обычно при создании термина за основу берется один из семантических признаков общеупотребительного слова. Это слово получает новое специальное значение и становится названием класса явлений, объединенных по какому-либо признаку.

Большое внимание в современных прикладных исследованиях уделяется словарям. Выше мы уже назвали несколько новых словарей, в том числе и таких, в которых реализованы принципы контекстного определения лексических единиц. Эти словари относятся к письменному варианту языка. Однако сейчас большое значение приобретают инвентари записей образцов устной речи. В этой связи необходимо отметить интересную работу по систематизации компьютерных словарей для исследовательских и учебных целей. А.М.Егоров и Г.Е.Кедрова составили программу обработки компьютерных словарей в этих целях (8). Экспоненциальный рост количества компьютерных учебников, который наблюдается в последнее время, обнаружил катастрофическую нехватку вспомогательного компьютерного обеспечения, которое позволило бы в соответствии с конкретными задачами обучения или исследования оперативно генерировать базы данных, обладающие заданными параметрами. Особую сложность представляет создание баз данных для фонетических исследований или иллюстрации в учебных целях тех или иных фонетических явлений. Центр новых информационных технологий в гуманитарном образовании филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова предлагает свои интернетовские страницы для информации об оригинальных программных разработках в этой области.

Конференция “Теория и практика речевых исследований (АРСО-99)”, проведенная в МГУ 14-18 сентября 1999 г., отразила современный высокий уровень прикладных исследований в разных аспектах обработки входного текста и устной речи. В программном обзорном докладе Л.В.Златоустовой и Е.И.Галяшиной (9) рассмотрены основные научные тенденции и достигнутые результаты в проблеме распознавания индивидуальных и групповых акустико-

перцептивных характеристик говорящего по звучащей речи. Трудности диагностического и идентификационного исследования речевых особенностей говорящего заключаются в том, что эксперту приходится работать с большим многообразием речевых реализаций, обусловленных экстралингвистическими факторами. До настоящего времени нет сколько-нибудь приемлемых по надежности и достоверности автоматических систем речевого распознавания на материале русского языка. Используются два подхода к решению проблемы распознавания говорящего по речевому сигналу – текстонезависимый и текстозависимый. Текстонезависимая идентификация основана на алгоритмическом анализе речевого сигнала и математических методах его параметрического описания. Эффективность автоматических систем распознавания, построенных по этому принципу, крайне низка. В работе описывается подход и результаты текстозависимого направления исследований, на котором получены как новые актуальные теоретические соображения, так и практически работающие системы.

Надо отметить, что многие вопросы распознавания и понимания устной речи подробно освещены в коллективной монографии лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (30).

Практический вопрос эффективности распознавания устной речи приводит исследователей к рассмотрению кардинальных проблем соотношения и взаимосвязи языковых уровней. На той же конференции АРСО-99 был сделан доклад проф. Л.Г.Зубковой о грамматической мотивированности русского звукового строя (10). Было показано, что именно с грамматичностью русского языка, развитым флективным словоизменением связаны категоризация и функциональная дифференциация фонем и их аллофонов. Наличие синтаксических (реляционных) грамматических категорий, в том числе со структурной доминантой – с формальной согласовательной функцией и полностью делексикализированными формантами, способствует функциональному размежеванию двух основных классов фонем – закреплению согласных за выражением лексических значений, специализации гласных на передаче грамматических значений.

Проявление последовательно коррелятивных и альтернативных грамматических категорий подкрепляется развитием морфологизованного коррелятивного противоположения согласных по признаку твердости/мягкости. Обязательное употребление

грамматических форм ведет к морфологизации аллофонических различий гласных и слогаделения. Она была отмечена уже Бодуэном де Куртенэ. Будучи компонентом слова, морфема отражает в своей звуковой форме принцип его морфологического структурирования – производимость/воспроизводимость. Зависимость звуковой формы морфем от их лексичности/грамматичности прослеживается также в составе и качестве используемых фонем. Таким образом, в соответствии с выполняемой функцией в русском языке фонетически различаются знаменательные и служебные морфемы, словообразовательные и словоизменяющие аффиксы. Разную звуковую форму имеют не только отдельные виды морфем – корни, префиксы, суффиксы, флексии, – но и их подвиды, закрепленные за той или иной частью речи. Благодаря последовательной грамматической категоризации формальное различие с помощью фонетических средств распространяется в русском языке и на значащие единицы более высоких уровней.

Из вышеуказанного ясна связь различных уровней языка, их взаимообусловленность в решении прикладных проблем даже, так сказать, начального этапа обработки – ввода речевой и текстовой (письменной) информации в компьютер, с чего, собственно, в настоящее время начинается всякая дальнейшая обработка информации, какой бы ни была ее окончательная цель. Заканчивая звуковой (речевой) раздел данного обзора, можно обратиться к недавно закончившейся крупной международной конференции – SPECOM'99 – International Workshop SPEECH AND COMPUTER, которая прошла в Москве под эгидой Московского Государственного лингвистического университета совместно с Санкт-Петербургским институтом информатики и автоматизации Российской академии наук. На этой конференции был рассмотрен широкий круг вопросов: концептуальные модели устной речи, интеграция знаний в процессе распознавания речи, перевод текста в текст, многоязычные системы, распознавание речи в диалоге, синтез устной речи из текста, системы идентификации говорящего, перспективы развития речевых технологий и пр. В обзорной части конференции следует отметить доклад проф. Р.К.Поталовой “Экспертная система ввода устной речи для русского языка, основанная на знаниях” (39). Многочисленные эксперименты показали, что интерпретация звуковых сигналов подвергается воздействию целого ряда факторов высокого порядка. В процессе понимания речевого сообщения получатель использует

информацию предварительной осведомленности о ситуации, контекст, неязыковую информацию, прежний опыт в данной области и т.п. В связи с этим знания, используемые в системе распознавания устной речи, можно разделить на две главные части: общелингвистические знания и знания о типе коммуникации. В соответствии с этим и строится общая стратегия распознавания.

Среди разнообразных языковых и неязыковых факторов, влияющих на точное описание лингвистических единиц в прикладных целях, особо следует выделить понятие “смысл”. К нему неоднократно обращаются почти все исследователи и почти всех прикладных направлений, главным образом тогда, когда все другие возможности точного определения исчерпаны. Проф. А.И.Новиков в работе (26) предлагает семь дихотомических признаков смысла.

Эти дихотомические признаки смысла представляют собой формализацию противоречий, которыми обычно сопровождаются попытки ответить на вопрос “что такое и чем основным характеризуется смысл”.

1. Считается, что целостный смысл представляет собой результат понимания текста. В то же время считается также, что смысл как целое оказывает влияние на восприятие отдельных единиц текста. Если смысл как целое в процессе восприятия еще не сформирован, то как он может влиять на осмысление языковых единиц текста? А если он уже сформирован, то зачем нужно такое осмысление?

2. Считается, что глубина, точность и адекватность понимания достигаются при переходе к смысловому уровню восприятия. В то же время смысл характеризуется текучестью, изменчивостью, синкретичностью. Как может достигаться какая-то точность, однозначность, определенность понимания при таком способе фиксации его результата?

3. Считается, что смысл характеризуется его инвариантностью. В то же время он характеризуется ситуативной обусловленностью, субъективностью, вариативностью. Как может сочетаться инвариантность и вариативность?

4. Считается, что смысл выводится и тем самым как бы извлекается из текста в результате его понимания. В то же время существует представление о том, что сущность понимания заключается в приписывании смысла тексту. Речь идет о взаимоисключающих процедурах или о взаимодополняющих?

5. Если считается, что смысл не “конструируется” в процессе понимания, а лишь приписывается, то следует признать, что в памяти должен храниться полный набор готовых смыслов и задача заключается лишь в том, чтобы актуализировать соответствующий данному тексту смысл. В то же время смысл характеризуется тем, что его необходимо “искать”, “улавливать” и т.п., что несомненно свидетельствует не о рутинном, а о творческом характере этого процесса.

6. Считается, что смысл принадлежит сфере сознания. Но в то же время он характеризуется целостностью, недискретностью, неразложимостью на составляющие, неполной эксплицитностью, а следовательно, недостаточной осознаваемостью. Должно ли это свидетельствовать о том, что смысл локализуется не только в сфере сознания, но и в сфере подсознания?

7. Считается, что смысл является результатом понимания, его конечной целью. В то же время говорят о понимании на основе смысла, т.е. имеется в виду, что он выступает в качестве инструмента понимания, а не его результата. Это один и тот же смысл или речь идет о каких-то разных видах смысла? Как соотносятся между собой смысл-инструмент и смысл-результат понимания?

Ответы на эти вопросы могут в некоторых случаях быть достаточно простыми, а в других – потребовать специальных исследований. А.И.Новиков считает, что эта классификация может служить основой, на которой строится программа исследований, направленных на уяснение сущности смысла. Он также высказывает гипотезу о том, что понятие смысла можно трактовать как некую доминанту. Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство. Нахождение таких доминант, возможно, и есть переход на смысловой код, который непосредственно не наблюдаем, но осознается как таковой всеми. Применительно к тексту внешним проявлением такой доминантности, очевидно, является оперирование такими единицами, как ключевые слова, смысловые вехи, опорные пункты, создающие своеобразный рельеф формирующегося в сознании семантического пространства.

Понятие смысла является одним из труднейших для использования в современных компьютерных системах, диапазон структур и применения которых в настоящее время весьма широк.

Рассмотрим некоторые из компьютерных систем, о которых было доложено на недавних научных конференциях по актуальным вопросам прикладной лингвистики.

Г.Е.Кедрова и О.В.Дедова в своей работе (12) описывают разработанную ими обучающую систему, основанную на гипертексте. Базовыми элементами современных систем дистанционного обучения (ДО) признаны компьютерные технологии обучения и в первую очередь сетевые компьютерные технологии. Новые сетевые информационные технологии, которые постепенно входят в практику обучения, предоставляют преподавателю и учащемуся более широкие возможности в преподавании и изучении дисциплин самых различных циклов. Однако необходимо учитывать целый ряд очень важных ограничений: принципиально иная ситуация протекания учебного процесса, отсутствие непосредственного контакта преподавателя и студентов пр. В русле стратегии так называемого “распределенного обучения”, когда в процесс обучения интегрированы не только специальным образом подготовленные электронные учебные материалы, но и соответствующие ресурсы всей глобальной сети (Интернета), а также творческая личность преподавателя и ученика, авторам удалось создать обучающую среду для поддержки университетского курса “Фонетика русского языка”. Основным принципом формирования интерактивной обучающей среды при всех концепциях обучения является гипертекстовый принцип структурирования и представления информации. В настоящее время термин “гипертекст” применяют к разным объектам: 1) так называют особый метод построения информационных систем, обеспечивающий прямой доступ к данным с сохранением логической связи между ними; 2) это определенная система представления текстовой и мультимедийной информации в виде сети связанных между собой текстовых и иных файлов; 3) это особый универсальный интерфейс, отличительными чертами которого является его интерактивность и необычайная дружелюбность по отношению к пользователю. В 1998 г. у нас наблюдается экспоненциальный рост числа гипертекстовых систем, предлагаемых для дистанционного обучения, что соответствует мировым тенденциям в этой области.

Выше мы говорили о том, что в настоящее время много внимания уделяется понятию “текст”, “смысл”, “дискурс” и пр. С точки зрения прикладной лингвистики это важно для

конструирования и совершенствования прикладных систем порождения текста. Известный ученый в области прикладной лингвистики профессор Минского Государственного лингвистического университета А.В.Зубов дает в одной из своих новых публикаций обзор состояния дел в области порождения текста (11). Проблема порождения текстов с помощью компьютеров исследователи занимались с начала 70-х годов. Известны многочисленные подходы к процедуре порождения текстов. Зависят они в основном от того, для какой цели создается текст. Большая часть таких алгоритмов связана с созданием различного рода диалоговых систем, используемых в справочных целях и для обучения. Другая группа разработок имеет целью проверку различных лингвистических и литературоведческих гипотез и теорий порождения предложения, абзаца текста и т.п. Значительная часть работ направлена на генерацию практических документов (метеосводок, статистических отчетов о занятости населения, инструкций по регулировке механизмов и пр.). Единой теории порождения текста пока нет. Проф. А.В.Зубов предлагает структуру такой теории, в рамках которой необходимо дать ответ на такие вопросы, как: "Что является основной семантико-синтаксической единицей текста?", "Что должно выступать в качестве лексической единицы?", "Как лексические единицы связываются в единое содержание?", "Каковы критерии выбора лексических единиц из словаря?", "На каком этапе порождения должен подключаться словарь?" и др. Автор предлагает вероятностно-алгоритмическую модель порождения текста, развивающую ранее высказанные им представления. Основой данной модели является утверждение, что в содержании каждого текста можно выделить две основные составляющие – статическую и динамическую.

Анализ большого числа работ по смысловой организации текста (см. выше – концепция А.И.Новикова) показывает, что смысловое единство текста связано с наличием в нем некоторых опорных слов – "топиков", "смысловых вех", "дескрипторов", "ядер" и т.п. А.В.Зубов предлагает формальные критерии выделения главных опорных слов. Эти опорные слова составляют статику текста. Динамическая составляющая текста характеризует те отношения между объектами реальной действительности, которые зафиксированы в конкретной ситуации, описанной в тексте. Членение действительности на фрагменты производится не

произвольно, а в соответствии с социально-отработанными моделями, сформировавшимися в ходе длительного исторического развития человечества. Данная концепция послужила основой создания и разработки нескольких эффективных прикладных систем порождения текста.

По мнению академика Ю.В.Рождественского, центральной системой искусственного интеллекта является система машинного перевода (32). Это объясняется тем, что преобразования интеллектуального характера, связанные с процессом перевода с одного естественного языка на другой, охватывают все уровни языковой структуры, от различения морфем или фонем до семантической структуры текста, а задача их адекватной передачи на другой язык требует практически моделирования важных аспектов человеческого мышления. Современные системы машинного перевода фактически реализуют модель переводных соответствий в данной языковой паре или в некотором наборе языковых пар (20). Качество современного машинного перевода невысоко, однако актуальность автоматизации перевода продолжает оставаться высокой вследствие того, что: а) перевод с одного языка на другой – единственный способ преодоления языковых барьеров, реальный в современных условиях возрастающей межкультурной коммуникации; б) растут и расширяются возможности современных информационных технологий, в то время как пропускная способность человека-переводчика остается неизменной. С точки зрения теории современные системы машинного перевода реализуют модель “текст-текст” (см. также 18).

Краткий обзор роли современных систем машинного перевода в мировой коммуникации на сегодняшний день дал П.Н.Хроменков (36). Глобальное распространение средств массовой информации ведет к созданию “общества 24 часов”, когда происходит непрерывное изменение информационного поля, связанное с возможностью мгновенного доступа к мировым информационным ресурсам. Такое положение вещей порождает необходимость обработки постоянно поступающего потока информации, представленного практически на всех языках мира. Возникает потребность в получении перевода, выполняемого в режиме реального времени и имеющего приемлемую себестоимость. Ряд отечественных разработок (ПРОМПТ, СОКРАТ, СПРИНТ и др.) дают качество неотредактированного перевода более высокое, чем

зарубежные системы. Однако в целом предстоит еще работа по совершенствованию лингвистического обеспечения практических систем машинного перевода.

Задача разработки систем машинного перевода неразрывно связана с моделированием того, как перевод производит человек. В связи с этим последнее время активно изучаются возможности перевода на основе человеко-компьютерного взаимодействия, а системы машинного перевода используются при обучении алгоритмам перевода профессиональных переводчиков. Г.В.Порозинская (28) отмечает, что в некоторых университетах, например в Московском педагогическом университете, Ужгородском университете и др., осознали необходимость разработки специальных программ подготовки переводчиков при помощи систем машинного перевода. В МПУ создана специальная лаборатория по обучению студентов работе с переводческими пакетами. В других странах, в частности в США, подобными проблемами занимаются многие университеты. Так, программа подготовки переводчиков, разработанная в Питтсбурге, включает несколько направлений: 1) овладение навыками постредактирования переводов, выполненных при помощи систем МП; 2) подготовка, координирование и контроль за работой студентов, использующих системы МП; 3) обучение методу пополнения лексических словарей, глоссариев и терминологических банков данных переводческих пакетов программ.

Машинный перевод является важным инструментом, помогающим понять и представить все главные аспекты лингвистического моделирования. В книге Г.Э.Мирана (38) "Алгоритмы перевода" этапы "человеческого" перевода рассматриваются сквозь призму перевода машинного, и это помогает понять природу и действие соответствующих мыслительных механизмов. Автор книги рассматривает зарождение концепции машинного перевода, первые его алгоритмы, анализирует результаты, достигнутые на пути моделирования перевода с помощью языка-посредника и описывает наиболее известные современные действующие системы машинного перевода. Потребность перевода с многих языков на многие велика, однако действующих практических систем МП, основанных на концепции языка-посредника, в настоящее время нет, а те из них, которые разрабатывались для Европейского экономического сообщества, такие как ЕВРОТРА или система DLT с использованием эсперанто, в настоящее время не

финансируются, поскольку достигнутые после многих лет работы результаты не оправдали доверия и надежд инвесторов.

Интересно отметить, что в рамках прикладной лингвистики продолжают поиски универсальных языков для всемирного общения. Точнее, можно сказать, этим делом занимаются не лингвисты, а специалисты других профилей – инженеры, информационные работники и пр. Из последних работ в этом направлении можно отметить опубликованную в 1998 г. книгу А.В.Колегова “Грамматика языка-посредника Эльюнди” (13). Около десяти иероглифов были определены в качестве алфавита языка. Многие решения заимствованы из эсперанто. Идея получила благоприятный отзыв в японской прессе. Практические применения языка пока нам неизвестны. Думается, что работы в этом направлении интересны не только и не столько в практическом плане – есть определенное сопротивление изучению языка, который ни для кого не является родным, как об этом говорят информационные специалисты, занимающиеся оценкой возможностей эсперанто, – сколько в плане возможного открытия и разработки определенных языковых универсалий и закономерностей пользования языком в современном коммуникационном обществе.

В заключение данного обзора следует отметить, что исследования и разработки в области прикладной лингвистики и связанных с нею областей – компьютерной, структурной, математической, инженерной, статистической и других лингвистик – в значительной мере стимулируются возросшими потребностями расширения коммуникаций в современном информационном обществе. Появляются новые возможности компьютерного исследования, моделирования и применения результатов, вследствие чего возникает обратная связь, с помощью которой не только корректируются практические результаты, уточняются алгоритмы, пополняются и совершенствуются словари и банки разного рода лингвистических данных, но и формулируются новые лингвистические гипотезы и теории, которые, в свою очередь, дают возможность совершенствовать прикладные системы.

Список литературы

1. Актуальные проблемы Российского языкознания: 1992-1996: К XVI Междунар. конгр. лингвистов, Париж. Июль 2-25, 1997: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН., 1997. – 204 с.
2. Борисова Л.И. Лексические трудности перевода. Англо-русский словарь-справочник. – М., Билингва, 1999. – 320 с.
5. Варинская В.М. Контекстологический словарь как элемент обучающих систем // Теория и практика преподавания русского языка иностранным учащимся в вузе: Тез. докл. на межвуз. науч.-практ. семинаре М., 1999. – С. 21-32.
4. Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. – М.: Р.Валент, 1999. – 271 с.
5. Волошина Т.А. Проблема термина в индийском языкознании // Проблемы сравнительно-исторического языкознания в сопряжении с лингвистическим наследием Ф.Ф.Фортунатова: Тез. докл. междунар. конф. – М., 1998. – С. 21-22.
6. Всеволодова М.В., Го Шуфень. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. – М.: АЦФИ, 1999. – 169 с.
7. Гринев С.В. Введение в лингвистику текста–М.: СигналЪ, 1998. – 57 с.
8. Егоров А.М., Кедрова Г.Е. Программа обработки компьютерных словарей для исследовательских и учебных целей // Материалы конференции “Теория и практика речевых исследований”. – М., 1999. – С. 18-20.
9. Златоустова Л.В., Галяшина Е.И. Распознавание индивидуальных и групповых акустико-перцептивных характеристик говорящего по звучащей речи // Там же. – С. 60-80.
10. Зубкова Л.Г. Фонетика и грамматика: к обоснованию грамматической мотивированности русского звукового строя // Там же. – С. 80-87.
11. Зубов А.В. Теория и практика порождения текстов // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. – Сер. I, Филология. – Минск, 1996. – № 1. – С. 96-113.
12. Кедрова Г.Е., Дедова О.В. Опыт построения обучающей среды, основанной на гипертексте: Проблемы гипертекстовой интерпретации лингвистического материала в процессе создания автоматизированного мультимедийного курса русской фонетики // Материалы конференции “Теория и практика речевых исследований. – М., 1999. – С. 87-103.
13. Колегов А.В. Грамматика языка-посредника Эльюнди. – Тирасполь: ПГУ, 1998. – 221 с.
14. Крюкова О.П. Самостоятельное изучение иностранного языка в компьютерной среде. – М.: Логос, 1998. – 127 с.

15. Лейчик В.М. Специфика восприятия речи на слух в процессах изучения и освоения русского языка как иностранного // VI Internationale Konferenz "Hoerverstehen im modernen Russischunterricht". Berlin 1997. – В., 1999. – S. 41-47.
16. Марчук М.В. Некоторые проблемы многоязычной терминологии // Вестн. Моск. пед. ун-та. Сер. "Лингвисты". – М., 1998. – Вып. 2. – С. 33-35.
17. Марчук Ю.Н. Основы компьютерной лингвистики. – М.: СигналЪ, 1999. – 225 с.
18. Марчук Ю.Н. О "двенадцати проблемах" современного машинного перевода // Вести. Моск. пед. ун-та. Сер. "Лингвисты". – М., 1998. – С. 36-40.
19. Марчук Ю.Н. Прикладное языкознание // Актуальные проблемы российского языкознания: 1992-1996: К XVI междунар. конгр. лингвистов. Париж, июль 20-25, 1997. С. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – С. 44-66.
20. Марчук Ю.Н. Модель "текст-текст" и переводные соответствия в теории машинного перевода // Проблемы компьютерной лингвистики. – Минск, 1997. – С. 21-29.
21. Марчук Ю.Н. Контекстологический словарь для машинного перевода многозначных слов с английского языка на русский: В 2-х ч. – 1976. Ч. 1. – 264 с.; Ч. 2 – 256 с.
22. Меркулова С.В. Терминологический словарь в новой коммуникативной ситуации // Отч. из междунар. конф. "Коммуникативные стратегии на пороге XXI века". – М.: Моск. гос. ун-т. – 1999. – С. 2.
23. Михалевская И.И. Сопоставление дефиниций и толкований методических терминов английского и русского языков, их перевод как основные приемы формирования методических понятий у студентов // Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания. – М., 1998. – Вып. 2. – С. 86-89.
24. Нелюбин Л.Л. Инженерно-лингвистическое моделирование, компьютерная и документная лингвистика // Вестн. Моск. пед. ун-та. Сер. "Лингвисты". – М., 1998. – Вып. 2. – С. 40-43.
25. Нечипоренко В.Ф. Теоретические основы биолингвистики. – Калуга: Облиздат, 1999. – 123 с.
26. Новиков А.И. Смысл: Семь дихотомических признаков // Материалы конференции "Теория и практика речевых исследований". – М., 1999. – С. 132-144.
27. Поликарпов А.А., Богданов В.В., Крюкова О.С. Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка: создание базы данных и ее системно-квантитативный анализ // Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания. – М., 1998. – Вып. 2. – С. 172-184.

28. Порозинская Г.В. Использование систем машинного перевода при обучении переводу // Использование достижений педагогики и филологии в преподавании литературы и иностранных языков в средней школе. – Мичуринск, 1996. – Ч. 2. – С. 22-28.
29. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. – М.: Триада, 1998. – 65 с.
30. Речь: Теоретические и прикладные аспекты. Коллективная монография / МГУ им. М.В.Ломоносова. – М., 1999. – Вып. 1. – 368 с.
31. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. – М.: Фонд "Новое тысячелетие", 1999. – 135 с.
32. Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. – М.: ЧеРо, 1996. – 287 с.
33. Семенов А.Л. Контекстологический словарь основных терминов маркетинга. – М., 1994. – 125 с.
34. Урбанек Д. К вопросу об определении основных терминов теории перевода // Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания. – М., 1998. – Вып. 2. – С. 94-104.
35. Хилханова Э.В. Значение, интерпретация и определения понятия дискурса в современной лингвистике // Функциональные исследования. – М., 1998. – Вып. 6. – С. 5-14.
36. Хроменков П.Н. Современное состояние и перспективы развития современных систем машинного перевода // Материалы конференции "Теория и практика речевых исследований". – М., 1999. – С. 56-57.
37. Lejczyk W.M., Biesiekińska L. Terminoznawstwo: przedmiot, metody, struktura // Терминоведение: предмет, методы, структура / Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, 1998. – 184 s. (на русском языке).
38. Miram G. Translation algorithms. – Kyiv: Tvim inter, 1998. – 176p.
39. Potapova R.K. The knowledge based speech-input expert system for Russian // SPECOM'99: Intern. workshop "Speech and Computer", Proceedings, Moscow, Russia, 4-7 Oct.- Moscow, 1999. – P. 54-60.

М.Б.Раренко

РАЗВИТИЕ ПЕРЕВОДА В XX В. В РОССИИ И США

Перевод насчитывает многовековую историю: “Перевод почти столь же древен, как и оригинальное творчество, и обладает историей столь же славной и сложной, как и любая область литературы” (26, с.37). Множество дошедших до нас сведений свидетельствует о том, что человечество уже в самом начале своей истории столкнулось с проблемой передачи содержания с одного языка на другой. Художественный перевод, как прозаический, так и стихотворный, знаком уже античности. Неудивительно и то, что именно в эпоху античности наблюдается стремление осмыслить накопленный практический опыт, выработать критерии подхода к различным типам перевода, т.е. обусловить возникновение собственно переводческих концепций, что свидетельствует о том, что перевод занимает важное место в культуре. И совершенно естественным оказывается то, что в центре внимания античных мыслителей оказывается проблема соотношения оригинала и переводного произведения. Перевод выступает в качестве равноценной замены подлинника. Античная эпоха оставила богатое наследие в области переводческой деятельности, выработала различные способы передачи оригинального текста и, соответственно, указала на принципиальную неоднозначность самого понятия “перевод”.

В самом широком значении слова под “переводом” мы понимаем речевую деятельность, состоящую в транслировании текста (устного или письменного) с одного языка на другой при сохранении содержания и стилистических особенностей изначального текста. Пользующиеся переводом исходят из того (часто при этом понимая условность существования перевода), что перевод во всех

отношениях полностью идентичен оригиналу, причем подобная равноценность иноязычному тексту предполагается у любого перевода, независимо от его реальной близости к оригиналу. Благодаря переводчику между речевыми произведениями (текстами) двух разных языков, отождествленных в качестве двух ипостасей одного и того же сообщения, устанавливаются отношения коммуникативной равноценности. При переводе мы имеем дело с собственно тремя речевыми актами: 1) актом общения на одном языке, результатом которого становится восприятие оригинала переводчиком; 2) актом общения на другом языке, результатом которого является текст, создаваемый переводчиком для восприятия людьми, пользующимися языком перевода, и 3) актом объединения двух текстов, через посредничество которых осуществлялось общение в актах 1) и 2). Функция перевода, таким образом, — заменить оригинал, дать возможность людям, не владеющим общим языком, общаться.

Однако, несмотря на многовековую историю, современное переводоведение сформировалось как самостоятельная научная дисциплина только во второй половине XX столетия, чему во многом способствовало расширение международных контактов во всех сферах человеческого общения, что в свою очередь вызвало резкое увеличение потребности как в переводах, так и в переводчиках, стало мощным стимулом и для роста теоретических исследований переводческой деятельности. Следует отметить особо такую разновидность перевода, как синхронный, которая появилась только в XX в.¹, а также машинный перевод, появление которого стало возможным благодаря развитию кибернетики. Во второй половине XX в. научные публикации по проблемам теории и практики перевода настолько многочисленны, что с трудом поддаются обзору, и

¹ Патент на синхронный перевод был выдан в 1926 г. фирме IBM (International Business Machines) на имя Гордона Фнили, радиоинженера, служащего фирмы, воплотившего в установке идею, ранее приходшую в голову бостонскому бизнесмену Эдуарду Филену. Однако "первый опыт применения синхронного перевода был проведен в 1928 г. в Советском Союзе на IV конгрессе Коминтерна" (13, с. 5). Однако до конца Второй мировой войны синхронный перевод так и не стал профессиональным видом деятельности. Принято считать, что датой рождения синхронного перевода как профессионального вида деятельности является Нюрнбергский процесс над военными преступниками.

настолько многообразны, что нередко просто не поддаются классификации.

Современное переводоведение характеризуется большим разнообразием теоретических концепций и методов исследования, нуждается в пристальном изучении и осмыслении.

Говоря о современном состоянии переводоведения как науки, следует его охарактеризовать как результат междисциплинарных исследований, использующих методы самых различных, в первую очередь, конечно же, гуманитарных, наук: лингвистики, литературоведения, истории, этнологии речи, философии, истории, психологии, социологии, а также нейрофизиологии, математического анализа. Хотя изучение перевода проводится с позиций указанных выше наук, однако в силу как объективных, так и субъективных причин большинство работ по теории и практике перевода имеет более или менее ярко выраженную лингвистическую основу, чему предшествовал целый ряд предпосылок.

Во второй половине XX столетия отмечается стремительное развитие языкознания: появляются новые лингвистические дисциплины и области исследования: когнитивная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика, биолингвистика, лингвистика текста, теория речевых актов, нейролингвистика. "Языкознание превратилось в подлинную макролингвистику" (4, с. 3). В поле зрения лингвистики попали и проблемы перевода. Сопоставительный анализ нескольких переводов одного и того же текста может рассматриваться как естественный эксперимент по сопоставлению языковых и речевых единиц в двух или нескольких языках в реальных актах межкультурной коммуникации. Изучение переводов позволяет обнаружить в каждом из сопоставляемых языков немаловажные особенности, которые, однако, при одноязычных сопоставлениях часто остаются невыявленными. В этом случае перевод выступает в качестве лакмусовой бамажки, указывая на принципиальные отличия между языковыми и речевыми единицами разных языков.

Среди субъективных факторов, оказавших существенное влияние на развитие лингвистической концепции перевода, отметим следующий. Как уже говорилось, именно во второй половине XX в. возникает острая необходимость в межкультурном общении, а следовательно, и потребность в массовой подготовке профессиональных переводчиков. При лингвистических кафедрах университетов и институтах создавались многочисленные переводческие школы и

отделения, и именно филологи и лингвисты наряду с переводчиками-практиками оказались в роли преподавателей перевода. И если при сопоставлении переводов ученые шли от перевода к выявлению специфических особенностей того или иного языка, то, оказавшись в роли преподавателей курса теории и практики перевода, ученые шли от специфических особенностей сопоставляемых языков (т.е. языка оригинала и языка перевода) к переводному тексту.

Лингвистическая направленность переводческих концепций в XX в. связана еще и с тем, что язык рассматривается как основа национальной культуры, мышления, мировосприятия.

Однако с лингвистическими концепциями перевода развиваются и другие. Так, известный американский теоретик перевода Ю.Найда выделяет четыре основных подхода к переводу: филологический, лингвистический, коммуникативный и социосемантический (22).

Филологический подход к переводу основывается на принципе соотношения между оригиналом и переводом, т.е. в центре внимания теоретиков и практиков перевода оказываются проблемы адекватности и эквивалентности. Это направление пользуется в основном (и при этом весьма успешно) методами и достижениями лингвистики текста.

При лингвистическом подходе переводчик всегда имеет дело с двумя языками, при этом основное внимание уделяется не формальным отношениям между оригинальным текстом и переводным, а содержательным. Найда считает, что большой вклад в развитие лингвистического подхода внесли многие философские и психологические труды (23).

В основе коммуникативного подхода к переводу (который, на наш взгляд, является весьма перспективным, поскольку синтезирует в себе достижения ряда дисциплин, позволяет достичь высоких результатов перевода) лежит теория коммуникации. Характеризуя этот подход, Ю.Найда говорит о том, что на развитие этого подхода большое влияние оказали социологические работы Лабова, Хаймза и Гумнерца.

Социо семиотический подход сосредоточивает свое внимание на социальных аспектах взаимодействия между различными знаковыми системами в реальных актах вербальной коммуникации.

Уже в античности (с того времени, когда появляются первые упоминания о принципах перевода) термин "перевод" используется в

двух значениях: для обозначения процесса перевода и для обозначения результата перевода, т.е. текста перевода.

В XX столетии важное место в теоретическом переводоведении занимает анализ самого процесса перевода, мыслительных операций переводчика, его стратегий и технических приемов. Такие операции недоступны для непосредственного наблюдения, поэтому разрабатываются косвенные методы изучения переводческого процесса, в частности, используется метод компьютерного моделирования, а также проводятся различные психологические эксперименты.

Исходя из основной функции перевода — заменить подлинник, современные теории перевода ориентированы на рецептора сообщения, т.е. адресата. Поэтому большой вклад в развитие современного переводоведения внесли те исследования, которые анализируют прагматическое воздействие или коммуникативный эффект перевода и способы его достижения. В своей деятельности переводчик может ориентироваться на конкретного человека, на определенную группу или на усредненного (типичного) представителя какой-нибудь группы, поэтому один и тот же текст может переводиться по-разному — в зависимости от того, для кого и для чего предназначен перевод.

Современное переводоведение, подобно другим научным дисциплинам, сложилось благодаря усилиям ученых разных стран. Немалая заслуга в развитии современного переводоведения принадлежит и отечественным ученым.

Ведущей тенденцией перевода в Европе и в США на протяжении всего XX столетия стал перевод осваивающий, естественный, смысловой, т.е. перевод должен прочитываться “легко”, производить впечатление оригинального произведения, перевод же буквальный нарушает читательский “горизонт ожидания”, вносит ощущение “чужести”. Уже упоминаемый выше американский крупнейший теоретик перевода Юджин Альберт Найда, последователь Мартина Лютера, последовательно провозглашает приоритет содержания по отношению к форме (21).

Работы Найды оказали огромное влияние на развитие перевода не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире. Интерес к переводу у Ю.А.Найды возник благодаря его многолетней деятельности в Американском библейском обществе. На основании практической деятельности этого общества Найда написал ряд статей и книг, посвященных теоретическим и практическим проблемам

перевода. Несмотря на то что в центре внимания его книг и статей - перевод Библии, в них рассматриваются и фундаментальные, основополагающие вопросы теории перевода. Так, например, в статье 1959 г. "Принципы перевода на примере перевода Библии" он выделяет характерные особенности языковых систем: во-первых, системность языковых знаков, во-вторых, произвольность языкового знака по отношению к называемому предмету, в-третьих, произвольность членения действительности языковыми и речевыми знаками, в-четвертых, различие в том, как разные языки организуют знаки в значимые выражения. Совершенно очевидно, что Найда в своей концепции перевода исходит из того, что проблемы перевода лежат в области семантики. Одновременно Найда вычленяет три вида значения языковых единиц: лингвистического, референтного и эмоционального. Именно сопоставление этих языковых единиц в оригинальном и переводном текстах дает возможность делать выводы об их (текстах) степени эквивалентности. Ю. Найда предлагает выделить две разновидности эквивалентности: формальную и динамическую. Формальная эквивалентность основана на сохранении в переводном тексте формальных признаков оригинала, таких как сохранение части речи при переводе или отсутствие членения, или перестановки членов предложения оригинала, или сохранение пунктуации подлинника, разбивки на абзацы и т. д. Более того, принципы формальной эквивалентности требуют от переводчика, чтобы все идиомы, встречающиеся в изначальном тексте, калькировались, а любые отклонения "от буквы оригинала" объяснялись в сносках. Таким образом, теория формальной эквивалентности ориентирована на оригинал. Динамическая же эквивалентность, наоборот, ориентирована на рецептора, на читателя другой культуры. Этот тип эквивалентности предполагает и даже требует от переводчика адаптации лексики и грамматики, чтобы перевод звучал так, будто бы был написан на языке перевода. Безусловно, симпатии теоретика на стороне динамического перевода (используя другой термин — "одомашнивающего").

Концепция динамической эквивалентности, предложенная и последовательно разрабатываемая Найдой, нашла много сторонников среди переводоведов всего мира, к ним принадлежит и современный американский теоретик и практик перевода Д. Робинсон (24; 25).

Говоря о специфической особенности переводческой школы Ю.Найды, следует отметить ее акцент на культурно-этнические аспекты перевода. Дело в том, что Американское библейское общество переводит Библию в основном на языки многочисленных африканских и американских племен, живущих в относительной культурной изоляции от остального мира. Текст перевода не должен содержать чуждых для этих племен культурно-этнических фактов, которые могут затруднять восприятие Библии. Из этого следует необходимость существенной культурной адаптации текста при переводе.

Однако предложенное Найдой (с чем он позднее согласится сам) жесткое разграничение содержания и формы неизбежно приводит к тому, что в переводе сглаживаются стилистические, а зачастую и семантические характеристики изначального текста, нивелируется национальное и поэтическое своеобразие подлинника.

Если в середине XX в. американское переводоведение развивалось в общем-то изолированно, то в 80-е годы наблюдается последовательная тенденция ориентироваться на существующие работы европейских практиков и теоретиков перевода, вступать с ними в дискуссию, давать оценку их теорий.

Наиболее интересной и фундаментальной переводческой работой начала этого периода следует считать труд С.Басснетт-Макгайр "Переводческие исследования" (16). Основное внимание исследователя уделено проблемам художественного перевода. Рассматривая большой комплекс теоретических и практических проблем перевода, исследователь широко использует работы других переводчиков, соглашаясь с ними или вступая в дискуссию. Например, вслед за Р.Якобсоном Басснетт-Макгайр выделяет три вида перевода: перефразирование (внутри одного языка), собственно перевод (с одного языка на другой) и трансмутация (преобразование из одной семантической системы в другую). Описывая процедуру переводческой деятельности, в своих ключевых положениях Басснетт-Макгайр принимает концепцию Ю.Найды, дополняя ее детальным описанием действий переводчика при выборе варианта перевода. Напротив, в трактовке переводческой эквивалентности исследователь расходится с концепцией динамического перевода Найды, при этом положительно оценивает классификацию типов эквивалентности, предложенную А.Поповичем (8). (Попович предлагает различать

лексическую, парадигматическую, стилистическую и прагматическую разновидности эквивалентности.)

В последнее время в англо-американском переводоведении усиливается интерес к “отчуждающему” переводу, переводу, призванному выявить непривычность формы, синтаксиса — образного мышления — переводного текста. Перевод рассматривается как способ и средство ввести читателя в чуждый ему мир. Такая установка связана в первую очередь с немецкой традицией переводческой мысли — с именами Гёте (1768-1831), Шлейермахера (1768-1834), Гельдерлина (1770-1843), Георга (1868-1933), Беньямина (1892-1940).

Большой интерес в последнее время вызывает у современных переводоведов ставшее во многом классическим эссе Вальтера Беньямина “Задача переводчика”, где в качестве одного из требований “хорошего” перевода декларируется принцип точного копирования синтаксиса оригинального произведения. Беньямин исходит из того, что перевод предназначен собственно не для “обычного” читателя, цель перевода состоит в том, чтобы выявить родство языков, их соотношение между собой. Если для Найды “дух” произведения заключается в смысле, то, по Беньямину, он кроется в синтаксической структуре, т.е. в форме. Сегодняшних исследователей переводоведения привлекает своеобразие и непохожесть чужого языка и мышления, что, конечно же, отражается и на синтаксическом уровне. Современные исследователи в большей степени, чем когда-либо, озабочены отношениями автор — переводчик — читатель, осознанием и сохранением индивидуального своеобразия каждого из участников этой нередко непростой коммуникативной цепочки. Среди наиболее влиятельных исследователей, которые полемизируют сегодня с концепцией и практикой “естественного”, “смыслового” перевода, следует назвать Дж.Стайнера (28), Л.Венути (30), Д.Робинсона (24). Признавая всю непохожесть подходов, предложенных этими авторами, можно заметить, что все они оспаривают статус и задачи переводчика в современном мире, оспаривают сложившееся веками представление о переводчике как о прозрачном стекле между культурами, о том, что переводчик выступает в качестве транслятора, ничего не привносящего “от себя”, что каждый переводчик “подавляет” себя в переводе. Венути и Стайнер обвиняют естественный перевод в культурном нарциссизме, в том, что подобного рода перевод в некотором смысле бесполезен, поскольку в центре внимания такого перевода — не чужая культура, не чужое

своеобразие, а свое собственное (в лучшем случае) представление (часто очень поверхностное) о том, какой должна быть “чужая” культура. Д.Робинсон полемизирует и с отчуждающим, и с осваивающим переводом. Робинсон отмечает, что в области переводоведения наблюдается неразрешимый (может быть, пока?) разрыв между теорией и практикой перевода. Робинсон предлагает рассматривать переводчика как личность творческую, мыслящую, т.е. признать то, что любой переводчик, выполняя любой перевод, привносит — хочет он этого или нет — в произведение что-то и от себя.

В XX столетии бурно развивается практика перевода в России. Следует сразу признать, что, несмотря на обширную переводческую практику (чего стоит одно только издание Библиотеки всемирной литературы!), говорить о сложившейся теоретической концепции перевода все же, вероятно, нельзя.

Советская школа перевода (признавая ее неоднородность, мы считаем возможным говорить о школе) сложилась и укрепилась в своем единстве и целостности в борьбе с буквализмом в 20-30-х годах XX в. За вольным (в противовес буквальному, формальному) переводом стояла сильная традиция, сложившаяся еще в прошлом столетии. Советское переводоведение отвергло и вольный, и буквальный перевод, а сложившуюся практику отечественного перевода было решено назвать реалистической. Термин, предложенный И.Кашкиным, носил чисто оценочное значение и ничего не говорил по сути.

Характеризуя практику реалистического перевода, современный исследователь культуры В.Руднев, предлагает назвать ее “синтетической” (9, с.50-51). Руднев считает, что “задача синтетического перевода... заключается в том, чтобы заставить читателя забыть не только о том, что перед нами текст, переведенный с иностранного языка, но и о том, что это текст, написанный на каком-либо языке. Синтетический перевод господствовал в советской переводческой школе” (9, с.51)¹. В противовес синтетическому переводу В.Руднев выделяет перевод аналитический. “Основная задача аналитического перевода — не дать читателю забыть ни на секунду, что перед его глазами текст, переведенный с иностранного языка, совершенно по-другому, чем его родной язык, структурирующего

¹ Прочитированное выше высказывание Руднева весьма уязвимо и не кажется столь однозначным.

реальность; напоминать ему об этом каждым словом, с тем чтобы он не погружался бездумно в то, что “происходит”, потому что на самом деле ничего не происходит, а подробно следил за теми языковыми партиями, которые разыгрывает перед ним автор, а в данном случае также и переводчик...” (9, с.51). Аналитический принцип перевода намного выше, он во многом близок основным установкам аналитической философии. Аналитический перевод В.Руднев сравнивает с театром Брехта, а синтетический — с театром Станиславского. Примером аналитического перевода служит перевод “Винни-Пуха” А.Милна, выполненный В.Рудневым.

В обзоре намечены лишь основные вехи развития переводческой мысли в Соединенных Штатах и России, заслуживающие, безусловно, более пристального внимания.

Список литературы

1. Гак В.Г. Типология языковых преобразований при переводе // Текст и перевод. — М., 1987. — С. 63 — 75.
2. История русской переводческой литературы / Отв. ред. Левин Ю.Д. — СПб., 1995-1996. — Т.1-2.
3. Кашкин И.А. Для читателя-современника: Статьи и исследования. — М., 1968. — с. 562.
4. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. — М.: ЧеРо, 1999. — 136 с.
5. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. — М.: Междунар. отношения, 1973. — 215 с.
6. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История и теория зарубежного перевода. — М., 1999 — 144 с.
7. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История и теория перевода в России. — М., 1999. — 140 с.
8. Попович А. Проблемы художественного перевода. — М., 1980. — 1999 с.
9. Руднев В.П. Винни Пух и философия обыденного языка. — М.: Аграф, 2000. — 320 с.
10. Русские писатели о переводе XVIII — XX вв. / Под ред. Левина Ю.Д., Федорова А.В. — Л., 1960. — 696 с.
11. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного переводоведения. — М., 2000. — 208 с.
12. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. — М., 1983. — 303 с.
13. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. — М., 1978. — 367 с.
14. Чуковский К.И. Высокое искусство: О принципах художественного перевода. — М., 1964. — 508 с.
15. Хухуни Г.Т. Русская и западноевропейская переводческая мысль. — Тбилиси: Мецниереба, 1990. — 144 с.

16. Bassnett-McGuire S. Translation studies. — 'L.; N.Y.: Methuen, 1980. — 144 p.
17. Catford J. A linguistic theory of translation. — L., 1965. — 308 p.
18. Delisle J. L'analyse du discours comme methode de traduction. — Ottawa, 1984. — 364 p.
19. Mounin G. Les problemes theoretiques de la traduction. — P., 1963. — 308 p.
20. Mounin G. Linguistique et traduction. — Bruxelles, 1976. — 207 p.
21. Nida E. Toward a science of translating. — Leiden, 1964. — 109 p.
22. Nida E., Taber C.R. The theory and practice of translation. — Leiden, 1964. — 461 p.
23. Nida E., Reyburn W.D. Meaning across cultures. — N.Y., 1976. — 203 p.
24. Robinson D. The translator's turn. — Baltimore; L.: The Johns Hopkins univ. press, 1991. — 464 p.
25. Robinson D. Translation and taboo. — Baltimore; L.: The Johns Hopkins univ. press, 1996. — 506 p.
26. Savory T. The art of translation. — L., 1952. — 307 p.
27. Sperber D. and Wilson D. Relevance: Communication and cognition. — Oxford, 1986. — 201 p.
28. Steiner G. After Babel: Aspects of language and translation. — L.: Oxford univ. press, 1976. — 463 p.
29. Toury G. In search of a theory of translation. — Tel Aviv, 1980. — 308 p.
30. Venuti L. The translator's invisibility: A history of translation. — L.: Routledge, 1995.— 564 p.

Р.К.Потапова, В.В.Потапов

**ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ
В КОНЦЕ XX В.**

Развитие любой науки можно в определенной мере проследить лишь в том случае, если попытаться наметить какие-то определенные узловые проблемы в динамике их разработки и решений. Применительно к звуковой материи языка эти проблемы кажутся на первый взгляд традиционными: звуки, интонация, сегментация и т.д. Однако за каждым из этих аспектов стоят задачи непрерывности и дискретности, синтагматики и парадигматики, диахронии и синхронии, статики и динамики, константности и вариативности и т.д. Все это многообразие множится на число языков, диалектов, идиолектов, социолектов, сексолектов, этнолектов и др. Особые задачи ставят перед исследователями звучащей речи прагматика и коммуникация, когнитивная лингвистика, пара- и экстралингвистика, контрастивная лингвистика. Если представить науку о звуковой материи языка метафорически в виде цветка со множеством лепестков, то становится очевидным, что их число огромно, а расцветка разнообразна. Однако все они объединены в единую стройную законченную гармоничную структуру, возникновение и развитие которой — предмет научных изысканий. Исследования последних лет направлены, в частности, на постижение истории возникновения этого феномена, специфики его эволюции. В связи с этим следует остановиться прежде всего на историческом аспекте данной проблемы.

“Древнерусская грамматика XII-XIII вв.” (8) является первым в отечественной и зарубежной русистике опытом синхронного

описания фонетики и морфологии древнерусского языка на определенном историческом этапе его развития. При этом фонетика представляется как система элементов в их взаимных связях и соотношениях. В данном случае речь идет о составе единиц, образующих фонетико-фонологическую систему, их синтагматике и опирающейся на нее парадигматике. В области фонетики и фонологии это связано прежде всего с установлением количества функционально значимых единиц (фонем), возможностей и ограничений их сочетаемости на синтагматической оси и условий противопоставления фонем на парадигматической оси.

Необходимой составной частью грамматического описания является установление того, как реализовывались эти системные отношения на уровне древнерусской речи, отраженной в той или иной степени на материале памятников. При этом фонетико-фонологический уровень определяется с учетом характера реализации фонем в звуках-аллофонах, а также фонемных сочетаний, когда под действием фонетических законов сочетания аллофонов подвергались изменениям, т.е. характера реальных противопоставлений звуковых единиц в тех или иных фонетических условиях. Подобное рассмотрение явлений, связанных с реализацией системных фонологических отношений, дает возможность в максимальной реконструкции представить фонетико-фонологическую систему древнерусского языка в ее действительном функционировании в речи XII-XIII вв.

Согласно структуре данного источника, сначала представлен состав гласных и согласных фонем, его постоянные и переменные элементы, затем — гласные и согласные в синтагматике и парадигматике, причем особое место занимает анализ сочетаний согласных, а также процессы, связанные с реализацией фонологической системы в речи. Проанализированы безударный вокализм, “новый ять”, второе полногласие, ассимиляция и диссимиляция согласных и некоторые другие явления, которые могут быть интерпретированы как отражение живых фонетических процессов, протекавших в языке XII-XIII вв. в памятниках древнерусской письменности.

Таким образом, с одной стороны, реконструируется та единая фонологическая система, которая характеризовала *древнерусский язык* данного периода *в единстве его диалектов*, отличавшихся в фонологическом плане лишь в отдельных звеньях этой системы, что не приводило к разрушению этого единства. С другой стороны,

реконструируются те фонетические явления и процессы, которые характеризовали различия древнерусских диалектов, возникавшие при реализации фонологической системы в древнерусской речи.

Установить отличительные черты древнерусских диалектов в отдельных звеньях фонологической системы и их различия, обусловленные особенностями, возникающими в живой речи, оказалось возможным только лишь с учетом *территориальной* (= *диалектной*) принадлежности представленных к фонетико-орфографическому анализу памятников письменности. Орфографические данные старших списков памятника “Житие Андрея Юродивого” свидетельствуют о существовании на древненовгородской территории диалектов, знавших (очевидно, еще после падения редуцированных) слоговые плавные с тенденцией к вокализации гласных призывков при плавном — после, перед или с обеих его сторон. Эти данные еще раз подтверждают получающую все большее обоснование концепцию изначальной диалектной гетерогенности восточнославянского ареала, восходящей к позднепрааславянской эпохе, и свидетельствуют о генетических связях древненовгородских диалектов с диалектами южно- и западнославянского мира (50).

“Тексты Памятники обороны Смоленска 1609-1611 гг.” позволяют восстановить фонетическую систему смоленских говоров начала XVII в. в достаточно полном объеме (66). Сопоставление реконструированной совокупности языковых особенностей с тем состоянием смоленского диалекта, которое зафиксировано в XX в., дает возможность представить систему в динамике и показать, как те или иные фонетические явления располагаются на временной оси. Подробно анализируются фонетические особенности смоленских говоров, имевшиеся в начале XVII в. и оставшиеся неизменными до наших дней, а также фонетические особенности в системе смоленских говоров начала XVII в., отличавшиеся от современного состояния последних.

На основе представленного языкового материала можно сделать вывод, что в начале XVII в. смоленский диалект наряду с особенностями, которые не подверглись за последние четыре столетия изменениям, имел — в фонетическом плане — некоторые существенные отличия от того его состояния, которое зафиксировано в XX в.

Новая концепция фонологических исследований (49) дает возможность предполагать о развитии достаточно новой стадии в фонологии — системной фонологии. Теория лингвистических

систем, основанная на анализе русского и английского фонологического материала, может также найти свое применение в исследовании любого лингвистического явления, не связанного с фонологией. Данный подход в рамках теории лингвистических систем характеризуется конкретностью и позволяет делать однозначные выводы. Этим системная фонология достаточно четко отличается от других фонологий, в частности от функциональной, в которой исследование считается законченным после определения отсутствия оппозиций. Звуки, не образующие оппозицию, рассматриваются в системной фонологии с учетом определения их связей со значением морфемы. При этом могут обнаруживаться новые явления, скрытые при функционально-фонологическом подходе.

В данном случае можно говорить о дальнейшем развитии фонологической теории. К понятиям фонемы и архифонемы (Н.С.Трубецкой), а также фонемы и гиперфонемы (Московская фонологическая школа) добавляется новый элемент — квазифонема. Методологической основой является квантовый, парадигматический, синтагматический и коммуникативно-функциональный подход к выявлению принципов организации звучащего текста, который предполагает совокупное действие всех фонологических уровней языкового механизма при продуцировании и восприятии текста подобно параллельному вычислению в интеллектуальных системах. Данный подход приводит к использованию частнолингвистических методик моделирования, дескрипции и инструментального анализа при изучении фонологического строя языка в аспектном рассмотрении.

На основе применения признакового, парадигматико-синтагматического и коммуникативного принципа развита и эксплицитно представлена фонологическая концепция (16), описывающая фонемные единицы языкового общества, языка адресанта и языка адресата, что соответствует представлениям о языке, принятым в компьютерной лингвистике (см. работы Э.В.Попова, Р.К.Потаповой и др.). В данном случае речь идет о модельном представлении ментальной, парадигматической, синтагматической и коммуникативной фонемы; создана таблица гласных и согласных фонем русского языка в едином признаковом пространстве. Установлены деривационные отношения в системе парадигматических и коммуникативных фонем русского языка. На основе статистических подсчетов обнаружена делимитативная функция

морфоне́м русского языка. Обнаружен града́ционный принцип функционирования фонемных единиц в процессе коммуникации, что приводит к формированию концепции града́ционной фонологии. С этих же позиций дано описание системы фонем русского языка в синтагматическом и коммуникативном аспектах. Установлено, что фонемы в разных аспектных представлениях имеют разную функцию: а) фонемы в изолированном парадигматическом представлении обладают сегментирующей функцией; б) фонемы в синтагматическом представлении обладают функцией “складывания” кортежа, означающего морфемы; в) фонемы в коммуникации обладают доминирующей символизирющей функцией.

Парадигматически в аспектном представлении выделяются фонемы языка и фонемы идиолекта, которые могут быть представлены модельно и образуют единую систему, структурированную темарематически и на основе деривационных отношений. Синтагматически фонемы языка составляют кортежи означающего морфем и лексем, представляемых как парадигматические единицы словаря морфем и лексем, при этом наряду с синтагмофонемами выделяется синтагматическая гиперфонема (или аспектно слабая фонема) и синтагматическая квазифонема (неразрешимая гласная единица в сверхслабой позиции), а также морфоне́ма как делимитативная единица.

Коммуникативные фонемы представляют собой темарематически структурированное дисперсионное поле различительных признаков и составляют коммуникативные кортежи словоформ, служащих символами парадигматических лексем и морфем. Символизация парадигматической и синтагматической единицы языка является коммуникативным принципом функционирования языка.

На основе проведенного анализа возникает возможность комплексного рассмотрения фонемного строя русского языка в различных аспектах, что является предпосылкой для включения материала в проблематику исследований по искусственному интеллекту, и прежде всего в проблематику речевой связи между человеком и интеллектуальной системой (см., например, 29; 33). Таким образом, разные фонологические концепции могут находиться не в альтернативных, а во взаимодополняющих отношениях и это может привести к построению комплексной фонологической концепции, ориентированной на решение прикладных задач создания лингвистического интерфейса в рамках искусственной интеллектуальной

системы, способной воспринимать информацию на естественном языке в фонетической форме.

В связи с описанием парадигм русских согласных фонем (3) впервые ставится вопрос об установлении границ парадигм фонемы и предлагаются пути ее решения. Прделанный анализ показал, что структурные свойства фонем могут быть разными. В русском языке их описание сводится главным образом к описанию парадигматического свойства русских фонем. С опорой на идеи Р.И.Аванесова о фонемном ряде как высшей фонетической единице и положение К.В.Горшковой о парадигматическом устройстве русских фонем были описаны парадигмы русских согласных фонем. В ходе этого описания учитывалось не только варьирование по глухости-звонкости и твердости-мягкости, но и нейтрализация по месту и способу образования.

Парадигмы характерны для всех согласных фонем русского языка. Неполнота и даже ущербность некоторых парадигм имеет место в русском консонантизме только как частный случай на фоне наличия полноценных парадигм как обычного явления в русской фонетической системе. Парадигмы русских согласных содержат от одного до семи членов. Парадигматический характер русского языкового строя очевиден на фоне сопоставления с фонетическими системами языков преимущественно синтагматического характера. В таких языках фонемы редко вступают в перекрещивающийся тип позиционных чередований и соответственно далеко не каждая фонема представлена парадигмой, а иногда наличие парадигм у фонем может быть лишь в единичных случаях. Принадлежность русского языка к языкам преимущественно парадигматического языкового строя проявляется и в том, что парадигмы согласных фонем чрезвычайно частотно представлены в позиции границ конкретных морфем. Парадигматические закономерности, определяющие в русском языке структурные свойства согласных фонем, являются относительно устойчивыми.

В то же время в некоторых случаях, главным образом в позиции нулевой реализации фонем, наблюдаются неустойчивые фонетические чередования. Несмотря на непоследовательный характер, они являются позиционными при условии, что отступления от этих чередований не лексикализуются. Наличие таких чередований сближает русский язык с языками преимущественно синтагматического

звукового строя, в которых, однако, неустойчивость несравненно чаще присуща парадигматическим закономерностям.

Несмотря на четко обозначенную парадигматическую направленность русской фонетической системы, в ней просматриваются синтагматические закономерности и тенденции, которые не обуславливаются парадигматикой. Сопоставление русского языка с английским, венгерским и испанским языками показало, что структурные различия языков на фонемном уровне являются следствием их различного устройства на других уровнях, различной степени их парадигматичности в целом. Если для языка характерна широкая словообразовательная и словоизменительная парадигма, как это имеет место в русском языке, то и фонемы обладают большими возможностями для увеличения своих парадигм. Поэтому в русском языке синтагматическое распределение звуковых единиц чаще всего предопределено парадигматическими закономерностями, в то время как в преимущественно синтагматических языках значительное число синтагматических отношений от них не зависит.

Таким образом, в языках синтетического флективного грамматического строя ведущими являются парадигматические закономерности, а в языках аналитического грамматического строя — синтагматические. Следовательно, устройство фонемы отражает устройство основной значимой единицы языка (слова). Именно поэтому возникновение склонности к аналитизму и агглютинативности в русской грамматической системе предопределило появление некоторых синтагматических закономерностей в звуковом строе русского языка.

В работе (12) на материале генетически и типологически различных языков определены универсальные и типологические закономерности фонемной структуры слова как значащей единицы, связанной иерархическими отношениями с морфемой и предложением. Раскрыта зависимость фонологической типологии слова от типологии грамматического строя языка. Сама возможность построения цельносистемной типологии не вызывает сомнений. Эта уверенность основана на том, что фонологическая типология слова, являясь отражением его конститутивных и парадигматических связей, его функционально-семантических и грамматических характеристик, соотносится с морфологической типологией.

На пути от линейной фонологии к нелинейной генеративная фонология претерпела те же изменения, что и генеративная

грамматика в целом: развитие шло от теории правил к теории представлений. В настоящее время фонологические закономерности объясняются не действием фонологических правил, а определенными свойствами внутреннего устройства фонемы (геометрии признаков), многоуровневой иерархической структуры фонемных сочетаний (просодической иерархии) и модульным построением грамматики языков. Возможность или невозможность тех или иных фонологических правил целиком определяется универсальными свойствами внутренней структуры фонем и их сочетаний. Задача современного фонолога сводится не к описанию правил в отдельных языках, а к выяснению универсальных структурных характеристик фонем и супraseгментных единиц.

В последние годы изучение фонологических представлений привело к развитию теории универсальных законов фонотактики (правильность построения поверхностных структур) и идей гармонии. Объяснительная роль фонологических правил, и без того сильно уменьшившаяся в нелинейной фонологии, свелась почти к нулю в теориях гармонии, где правила понимаются просто как исправление “плохих” фонологических структур под давлением универсальных законов гармонии.

В теории оптимальности *“optimality theory”* (58; 64) основное внимание уделяется выяснению условий гармонии (или правильности) конечных результатов фонологических операций. Главной особенностью этой теории стал ее полный отказ от последовательного многоуровневого механизма, т.е. механизма порождения поверхностной структуры слов из глубинной структуры, лежавшего в основе нелинейной фонологии. Теория оптимальности предлагает заменить концепцию правил и последовательной деривации законами фонотактики и их взаимодействием. В теории оптимальности фонологический модуль языкового аппарата человека является системой статических принципов гармонии (правильности построения конечных, поверхностных форм слов). Теория оптимальности признает только два уровня фонологического представления: глубинная структура и конечная поверхностная форма. Она отказывается от поэтапного процесса порождения слов, где между глубинной и поверхностной структурами слова может возникать несколько промежуточных представлений. Теория оптимальности предполагает, что все принципы гармонии универсальны — они существуют во всех языках. Однако языки отличаются по тому, какую

ступень в иерархии значимости занимают эти принципы гармонии, так как все принципы гармонии в данном конкретном языке применяются в определенном порядке. Центральным положением теории оптимальности является положение о возможности для принципов гармонии противоречить друг другу. Некоторые законы запрещают изменение глубинной структуры слова (удаление или вставка фонем), т.е. невозможно беспредельное “улучшение” (оптимизация) глубинной структуры слова.

Согласно теории оптимальности, различие между языками заключается в степени значимости того или иного принципа гармонии: если изменить иерархию значимости принципов гармонии, получится другой язык. Любое изменение глубинной структуры негармонично, если не происходит “улучшения плохой формы”. Языки различаются не разными правилами и не принципами фонотактики, а той значимостью, которую они придают универсальным принципам гармонии. Теория оптимальности, как новый шаг в развитии теории гармонии, представляющая собой наиболее перспективное направление в современной американской фонологии, вообще отказалась от концепции фонологических правил и идеи последовательной деривации. Кроме того, теория оптимальности знаменует собой не только окончательный отход от концепции правил, но и частичный отход от теории представлений, пришедший на смену правилам. Многие фонологические представления проще определяются как результат следования законам правильности построения конечных форм, потому что законы гармонии не абсолютны и могут выполняться частично и притом по-разному в разных языках, в то время как теория представления позволяет делать только категорические предсказания для всех языков.

Таким образом, американская фонология за последние тридцать лет прошла путь от теории, где представления не играли никакой роли, к теории, целиком посвященной изучению нелинейной фонологической структуры и обратно — к теории, где представления утрачивают свою центральную роль (13).

Проблема слога и слогаodelения в русском языке давно привлекает внимание исследователей русской фонетики: одним из первых на эту тему высказался еще в 1747 г. В.К.Тредиаковский, последними работами являются (21) и (17). Значительный вклад в эту область был внесен такими исследователями, как Л.В.Бондарко (4), Л.Р.Зиндер (9), Р.К.Потапова (28). За это время было создано

несколько теорий слогоделения. Таковы, в частности, теория имплюзии/эксплозии (Ф. де Соссюр), теория мускульного напряжения (Л.В.Щерба), теория слога как волны сонорности и т.д. Именно последняя теория была сформулирована на русском языковом материале Р.И.Аванесовым и подробно разработана в трудах М.В.Панова. При этом все существующие в отечественной лингвистике теории строятся на каком-либо одном критерии слогораздела — акустическом (Р.И.Аванесов), артикуляционном (Л.В.Щерба и Ф. де Соссюр), дистрибутивном (В.К.Тредиаковский). Описание действия механизма слогоделения в современном русском литературном языке представлено в работе (17) в терминах “теории оптимальности”, широко распространенной прежде всего в современной американской фонологии.

При описании функциональных разновидностей русского языка оказалось актуальным разбиение вариативных средств сегментной фонетики на два разряда — зависимые от типа произношения (в основном от разного рода просодических факторов) и независимые от него (42). Выделение трех основных функциональных типов речи — *разговорная, художественная и специальная* оправдано и с фонетической позиции. В связи с фонетическими особенностями научной речи следует также упомянуть вышедшую ранее работу (44). Фонетику художественной и разговорной речи сближает высокая вариативность звуковых единиц, хотя спектр варьируемых единиц разный и факторы, способствующие увеличению числа звуковых вариантов, — разные.

Все типы “организованной” речи — как специальной, так и художественной речи — испытывают на себе влияние стихии разговорного языка, однако они оказывают разное сопротивление этой стихии. Наиболее устойчивыми к проникновению фонетических черт разговорной речи (компрессии речи, всякого рода деформаций звуковой модели слова) оказываются художественная и информационно-публицистическая речь. В художественной речи последовательнее, чем в других разновидностях, реализуется нормативная модель слова, отсутствует сверхредукция гласных. Что же касается орфоэпии, то художественная речь в большей степени, чем другие разновидности русской речи, склонна к сохранению традиционных орфоэпических вариантов. Из трех разновидностей специальной речи информационно-публицистическая в фонетическом отношении сближается с художественной речью, в частности, она оказывает

устойчивое сопротивление разговорной стихии, а также в большей степени сохраняет традиционные орфоэпические варианты.

Важно остановиться на типологии звучащих текстов, которая включает в себя: 1) чтение написанного и обдуманного текста (монологи и диалог); чтение “своего” текста, чтение “чужого” текста; пересказ “чужого” текста, пересказ “своего” текста; 2) чтение наизусть; 3) подготовленный, но не написанный текст (подготовленный доклад, лекция, выступление); 4) спонтанный текст (неподготовленный). В соответствии с данной рубрикацией можно говорить о выделении *фоностилей звучащей речи* (10).

Одной из главных проблем фоностилистики поэтической речи является проблема выявления ассоциативно-образной мотивированности звука в стихе (18). Мотивированность устанавливается из соотношения стилистически значимых приемов в звуковой композиции с приемами звукосимволической семантизации, которая представлена в двух видах: элементарного и контекстуального символизма. На материале русской поэзии начала XX в. рассматривается сенсорно-эмотивное восприятие звуковых особенностей стиха, взаимодействие паронимии, звукового лейтмотива, рифмы и других компонентов поэтического текста.

Одной из процедур комплексного анализа стиха является воссоздание и семантизация звукоассоциативных полей на основе доминантных звуков (выявление звукового лейтмотива). Под звуковой доминантой понимается повтор некоторых звуков, частота встречаемости которых больше так называемой “нормальной” частоты встречаемости в речи. Объективируя рецептивное восприятие, усложненное объемом всего текста, можно определить доминантные звуковые повторы вероятностными методами. С этой целью было предпринято специальное исследование, направленное на решение лингвистических задач, связанных с определением звуковой доминанты и способов ее контекстуальной интерпретации. Можно выделить информативную функцию звукосимволизма в повторах как ведущую и наиболее существенную в поэтических текстах, так как она неизменно проявляется в любом произведении и способствует наиболее адекватной передаче эмоционально-образного содержания стиха. Действие звукосимволизма в поэтической речи неизбежно порождает в стиховом ряду частичную перестройку семантической структуры входящих в него слов. Такая перестройка происходит в стихе и без участия символических повторов, но фоническая

упорядоченность в тексте резко усиливает процесс семантизации, закрепляя межвербальные семантические влияния символической звуковой формы. Выбор параметров идиостиля для поэта — это поиск индивидуальных языковых моделей, определенного типа референции и способа семантической композиции, ориентированных на тот или иной тип коммуникации, когда проявляется отношение идиолекта к ряду реально данных структурных типов в системе поэтического языка. Своеобразие фонических и метrorитмических структур, тенденции использования стилистических приемов, устойчивость отдельных приемов могут характеризовать особенности звуковой организации каждой из сравниваемых идиостилевых систем. Выбор метода описания зависит от типологических признаков, определяющих основные классификационные черты идиостиля.

Идея о принадлежности побочного ударения уровню фразовой, а не словесной просодии подкрепляется материалами инструментального анализа (40). Рассмотренный материал подтверждает существование в современном русском языке тенденции к смещению ударения к началу, а нередко и на начало слова. Анализ акцентных парадигм для лексем разных просодических и морфологических классов позволяет увидеть взаимодействие просодических, морфонологических и морфологических факторов расстановки ударения в произвольном слове. Самым общим законом является ориентация на морфологическую границу: ударение ставится обычно либо на последний слог основы, либо на первый слог окончания (исключение составляют неодносложные именные основы парадигм *с* и *а'* мужского и среднего родов, а также слова с “неправильным” распределением растворов в неодносложной основе).

Спецификой модели описания фразовой просодии является комбинаторный метод: интонация предложения рассматривается как результат сложения многих просодических характеристик — как тональных, так и нетональных. Новым в представлении русской просодии является принятие *единых принципов описания системы литературного языка и диалектов русского общенародного языка*. Необходимо рассматривать общенародный язык как единое целое, несмотря на все его многообразие, предстающее не только на сегментном фонетическом уровне, но и на уровнях словесной и фразовой просодии. В известной степени данная точка зрения продолжает традицию Р.И.Аванесова (1), призывавшего изучать русский язык не в изоляции от языка диалектного, а в совокупности этих

систем, во многом различающихся и в то же время неразрывно связанных. Любые факты диалектной речи, независимо от того, будут ли они членами соответственного явления или нет, противопоставлены они или нет, предстают как *различительные диалектные явления*. Они имеют более или менее определенную ареальную характеристику и используются для описания диалектных особенностей одной территории в противоположность другой, где эти явления не встречаются (см., например, 15; 22).

Значительным вкладом в развитие ритмологии явился ряд публикаций, посвященных проблемам ритма нестиховой речи. Так, анализ ритмической организации проводился на материале старославянских и древнерусских акцентуированных текстов XVI-XVII вв. (23; 60). Ритмическая организация древнерусских текстов сопоставлялась с ритмической организацией переводов этих текстов на современный русский язык. Процесс падения редуцированных гласных в слабой позиции существенным образом повлиял на изменение распределения классов и типов ритмических структур (РС), в то время как “прояснение” редуцированных гласных в сильной позиции абсолютно не повлияло на это изменение. Формализованная схема синтагмы древнерусского языка, с одной стороны, в достаточной степени принципиально соответствует формализованной схеме синтагмы современного русского языка (вследствие того что, как и современный русский язык, древнерусский имел свободное и подвижное при словоизменении ударение, что существенным образом влияет на классы и типы РС, образующих начало и конец синтагмы). С другой стороны, формализованная схема синтагмы характеризуется достаточно выраженным наличием своих различительных признаков, каузално зависящих от диахронической специфики языка. Как современный русский язык, так и древнерусский имеют общую тенденцию к реализации ударения на среднем слоге структуры.

Таким образом, ритмическая организация древнерусского языка была уже близка к ритмической организации современного русского языка. Качественное и количественное изменение ритмической организации произошло в связи с падением редуцированных гласных в слабой позиции. Увеличение аналитических форм в истории русского языка по сравнению со старославянским (и древнерусским) языком повлияло на комбинаторику тех или иных частей речи в составе ритмических структур, что также, но только

опосредованно, оказало влияние на тип РС и формализованную схему синтагмы в целом.

Речевой ритм "Слова о полку Игореве" (СОПИ) сопоставлялся с некоторыми его переводами на современный русский язык (23; 59). Были проанализированы следующие переводы СОПИ на современный русский язык: В. Жуковского, А. Майкова, К. Бальмонта, С. Шервинского, И. Заболоцкого, С. Ботвинника, И. Шкляревского. Вследствие того что большинство исследователей СОПИ склоняются в пользу музыкального сопровождения при речитативном или певческом характере исполнения, было решено привлечь к анализу современный богослужебный текст Минеи с проставленными ударениями и синтагматическим членением текста. Анализ формализованных схем синтагм показал, что с учетом только самых частотных РС в синтагме почти идентичную схему имеют текст оригинала СОПИ и текст Минеи. Достаточно широкий диапазон количества РС в синтагме также сближает текст оригинала СОПИ с текстом Минеи. В поэтических переводах наблюдается меньшее количество РС в синтагме. Показатель средней длины синтагмы с учетом числа РС свидетельствует в пользу близости текста оригинала СОПИ к прозаическим текстам, так как в поэтических текстах синтагмы несколько короче, чем в текстах прозаических. Таким образом, общую близость некоторых показателей частотности текста СОПИ и текста Минеи можно было бы в какой-то степени объяснить с позиции жанра и определенным предназначением текстов, а также характером их исполнения. Поэтические переводы СОПИ в структурном плане соотносятся прежде всего с поэтическими текстами, что связано с особым поэтическим синтаксисом и требованием метра.

Сопоставление ритмической структурированности русской и немецкой речи на материале письменных текстов, рассмотренных в диахроническом аспекте с охватом временного периода с IX по XVI в., позволило обнаружить наличие следующих тенденций (23; 25; 60). В обоих языках прослеживается перераспределение РС, вызванное индивидуальными историческими изменениями фонологическо-морфологического характера, а также процессами, связанными со сдвигом немецкой и русской языковых систем от чисто синтетических форм к более аналитическим формам. Для каждого из языков характерна исходно доминирующая в эволюции языка РС: для немецкого языка двусложная структура с ударением на первом слоге, а для русского - сосуществование двусложных и трехсложных

структур с ударением как на первом, так и на втором слогах, большее многообразие структур с тенденцией к реализации ударения на срединном слоге структуры. Вследствие закреплённости немецкого ударения на корневой морфеме характерным для немецкого ритмического строя является функционирование наряду с главным второстепенного ударения, формирующего четкую иерархию ударений в рамках многосложных структур, чего не наблюдается в ритмической организации русской речи.

Динамика (диахрония) и относительная статика (синхрония) ритмического структурирования текстов характеризуются наличием своего рода ритмической универсалии: классов дву- и трехсложных структур с определенным варьированием типов в рамках данных классов. Высказывается гипотеза о воздействии на лингвистический ритм двух сил: *центростремительной* и *центробежной* (23). Действие первой выражается в стремлении сохранить для того или иного языка ограниченное число базовых ритмических структур, действие второй — в стремлении “вырваться” из рамок ограниченного числа РС и создать многообразие ритмической экспликации текста за счет комбинаторики базовых единиц и функционирования малочастотных структур.

Ритм рассматривается как компонент интонации, связанный со всеми другими ее компонентами: мелодикой, громкостью, темпом, тембром (7). От более ранних аналогичных работ (см., например, 2) данная монография отличается тем, что в ней особое внимание уделяется поведению акцентных моделей многосложных слов английского языка в основных речевых стилях: лекционном, художественной речи и прагмалингвистическом.

Особое внимание уделено проблеме так называемого “второстепенного ударения”. Проблема второстепенного ударения в современном английском языке уже многие годы является одной из актуальных проблем в многочисленных исследованиях англистов, так как, во-первых, для иностранцев, говорящих на английском языке (что особенно характерно для носителей русского языка), акцентные модели с второстепенным ударением являются достаточно чуждыми их родным речевым навыкам, вследствие чего, говоря по-английски, они часто искажают эти модели, даже имея значительную практику общения на английском языке. Во-вторых, несмотря на существование обширной научной литературы по проблеме ударения в английском, существует не так уж много работ, посвященных собственно

второстепенному ударению, его функционированию в звучащей речи. В-третьих, остается открытым вопрос о разнице между словом, имеющим более одного ударения, и словосочетанием.

Анализ речевого материала показал, что между реализациями моделей “второстепенное ударение + главное ударение” и “равные ударения” не существует ощутимой разницы. В тех случаях, когда разница между двумя типами моделей ощущается достаточно, т.е. второстепенное ударение действительно оказывается на низком уровне, тогда речь идет об исчезновении второстепенного ударения, о превращении двухударного слова в одноударное.

Произнесение многосложных слов носителями английского языка отличается от произнесения того же материала носителями русского языка. Основным показателем второстепенного ударения при этом является движение тона: если в слове наблюдается одно падение тона, слово имеет одно ударение; если в слове два падения тона, то все зависит от относительной величины этого падения: второстепенное ударение характеризуется хотя и меньшим, но достаточно заметным падением тона. Второстепенное ударение в постпозиции является языковой реальностью для носителя английского языка.

В ходе данного исследования стала ясной необходимость при любом обсуждении акцентных моделей учитывать их стилистические модификации. Следует различать модификации, возникшие в связи с изменением темпа речи (ораторский, обычный, разговорный стили), и модификации, связанные с изменениями на семантическом уровне (прагматический стиль).

Синтаксической основой, минимальной единицей для формирования ритмической структуры текста является словосочетание (43). При прямом порядке слов ударным является последний компонент словосочетания. В данном случае речь идет о синтагменном ударении. При инверсии синтагменное ударение сохраняется на том компоненте, на котором оно находилось при прямом порядке слов. При вхождении простого словосочетания в состав комбинированного могут возникать “добавочные” синтагменные ударения и даже синтагматическое членение.

Логическое ударение является производным от синтагменного ударения. Оно возникает под влиянием контекста, ситуации общения, отношения говорящего к содержанию высказывания и т.д. Логическое ударение можно разделить на три типа. Достаточно часто

в речи наблюдается слияние в логическом ударении двух и даже всех трех типов. Возникновение выделительного логического ударения и модального логического ударения может дублироваться наличием в высказывании частиц.

По оценкам языковой ситуации конца XX в., отражающим мнение журналистов, ученых-филологов, широких кругов образованных людей, предметом особого беспокойства является ударение. Рассмотренный языковой материал (ба) показывает, что в области ударения в языке конца XX в. шли активные процессы, которые касались различных разрядов слов. Просматриваются тенденции изменения глагольного ударения, тенденции изменения именного ударения (ударение в словоформах имен существительных), процессы, связанные с активизацией употребления слов, а также процессы, связанные с освоением заимствований. Однако эти процессы не представляли кардинально новых явлений, способных в какой-то степени повлиять на сложившуюся акцентную систему. Наблюдаемые процессы обусловлены действием давно сложившихся и известных на протяжении достаточно длительного периода тенденций. Новым является более широкий охват этими тенденциями различных категорий и групп слов, активность этих тенденций. Новые условия языкового бытования, свойственные языку изучаемого периода, приводят к большему ослаблению границ между языковыми сферами. Профессиональная речь, речь разговорная оказывают более значительное влияние на публичную речь, речь официально-деловую. Сюда в большей мере, чем прежде, проникают акцентные варианты, не свойственные строгим литературным сферам языка, в силу чего литературные нормы оказываются поколебленными в среде литературно говорящих людей. В настоящий момент актуальной является задача сдерживать негативные с позиции литературной нормы процессы, защитить литературные нормы. В 90-е годы наблюдается снижение общего уровня качества произношения, что можно проследить по следующим, наиболее частотным признакам: нечеткость артикуляционных переходов; различные виды компрессии слова; заглушение тембровых характеристик звуков основным тоном (интонация выражена, а звуки различаются недостаточно); частотность пауз и их звуковое наполнение, сопоставимое со словесными сорняками; смысловые и стилистические нарушения в употреблении интонационных средств (5).

Исследование фонетики современного русского языка, и в особенности фонетики русской разговорной речи, показывает, что в настоящее время в речи говорящих на русском языке достаточно широко представлены различные произносительные варианты тех или иных звуков, причем далеко не всегда эти варианты можно оценивать как соответствующие норме. Зачастую используемые говорящими варианты произнесения различных звуков, представляющих собой отклонение от нормы, являются следствием языковой интерференции. Процесс взаимовлияния языков сегодня распространяется и охватывает все большую сферу человеческого общения.

Появление подобных отклонений от нормы обусловлено значительной миграцией населения по территории бывшего Союза. Следствием миграции является то, что в качестве произносительных вариантов тех или иных звуков в различных регионах России (в том числе и в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург) начинают использоваться те, которые ранее функционировали только на территории бывших союзных республик или же существовали в диалектах, местных говорах. Необходимо отметить, что увеличивается доля не только отклонений от нормы, но и явно ненормативно реализуемых звуков (48).

Предпринимаются попытки исследования, просодической специфики языков балканского языкового союза (БЯС) (20). "Языки БЯС" — термин, применяемый для обозначения особого типа языковой общности Юго-Восточной Европы, выделяемой не по принципу генетического родства, а по ряду общих структурно-типологических признаков, сложившихся в результате длительного взаимовлияния в пределах единого географического пространства (19). В области фонетики языкам БЯС присущи следующие общие черты: сходство в такто-ритмической организации речи; экспираторное ударение и отсутствие качественного различия гласных (за исключением части болгарских и македонских диалектов и сербохорватского языка с его политоническим ударением); одинаковые классы тонов у гласных; наличие в албанском, болгарском, вост.-ром. языках особого среднеязычного (нейтрального) гласного й; смягчение согласных в вост.-ром., новогреческом языках и в некоторых болгарских и македонских диалектах.

Обращение к повествовательному тексту позволило выявить определенные закономерности. Наиболее интересным в данном случае предстало выявление абсолютных преферентных показателей.

Были обнаружены предпочитаемые всеми дикторами величины речевых единиц, средние продолжительности звуков, предпочитаемые длительности ударных и безударных, показатели интенсивности.

Во всех языках БЯС были выявлены фигуры мелодики как с высоким, так и с низким положением ударного. Сведения о других языках позволяют считать это явление, создающее своеобразную волнообразность текста, *балканизмом*. Фонологизация этого явления присутствует, однако, в сербохорватском.

Просодия жанров анализа различалась. Чтение художественного текста свидетельствует о более долговременной и вариативной программе. Просодия сказки приближалась к известным и по другим языкам описаниям спонтанной речи и была в наибольшей степени и однообразна, и предсказуема. В чтении (кроме румынского) высокая функциональность просодических средств не отмечалась. В данном случае можно говорить о большой вариативности и малой упорядоченности. Интенсивность в основном выполняла две функции: очерчивание начала и конца отрезков и подчеркивание слов трех категорий — отрицания, интенсивов-наречий и глаголов (особенно результативов и/или причастных форм); особенно глаголы подчеркнуты в сказке. К точковому концу часто идет слабое монотонное понижение тона. Напротив, именно длительность к концу отрезка увеличивается с более ярким выделением ударных гласных. С другой стороны, мелодика стремится выделять ударные слоги в начале отрезка, причем высоким часто бывает второй пик.

Все указанные особенности также ярко проявляются и в стихе. Но в стихе проявляются и специфические особенности. В разных языках стих может разбиваться на единицы по несколько строк, по две строки, по одной. Однако их структура сохраняется. Все изохронные феномены в стихе особенно активны. Интенсивность в стихе меняется в зависимости от языка. В сербохорватском очерчивается слово (причем без проклитического предлога). Болгарский и македонский выделяются интенсивностью не слова, а ударных слогов. В албанском, греческом и болгарском интенсивность четко выделяет начальный и конечный иктусы. Румынский же язык в целом демонстрировал наименьшее число просодических балканизмов.

В области германистики продолжены экспериментально-фонетические исследования вокализма и консонантизма в потоке речи, проанализированы и описаны модификации временных характеристик долгих и кратких гласных в зависимости от ряда

контекстуальных переменных, процессы ассимиляции в особо спорных случаях (39; 62; 63). Особое внимание следует уделить процессу разработки современного всегерманского проекта создания *новых кодифицированных требований к орфоэпии немецкого языка* (32; 36; 55; 56; 57), осуществляемого начиная с 1990 г. речеведими-германистами объединенной Германии (центры — университеты в Кёльне и Галле). Данный проект известен под названием “Новая редакция произносительного словаря немецкого языка” и включает обширнейшую программу, согласно которой *следует* решить целый ряд задач кодификации произношения современного немецкого языка. Краеугольным камнем проекта является опора на рекомендации, строящиеся на знаниях современного произносительного узуса с учетом ситуативных и коммуникативных факторов. В связи с этим особое место при разработке проекта призваны занять стилистически обусловленные произносительные варианты. Разработка новой произносительной версии словаря включает решение ряда конкретных задач, к числу которых могут быть отнесены прежде всего следующие задачи.

1. Проведение социофонетических исследований, целью которых является определение на базе ответов пользователей языка — информантов предпочтительных произносительных форм в зависимости от конкретных произносительных условий. Специальные вопросники и тесты позволяют выявить, насколько органичной находят слушающие связь между произносительной формой звучащего материала и той или иной конкретной коммуникативной ситуацией. Принимается во внимание дифференциация информантов по возрастному и половому цензам, социальному статусу, принадлежности к региональным вариантам произношения и т.д. С помощью социофонетического исследования становится возможным определение основного направления при ориентации на наиболее предпочтительные варианты произносительных форм.

2. Наряду с вышеупомянутой предварительной работой с информантами и поиском наиболее “ожидаемых” и “принимаемых” с учетом ситуативно-коммуникативных факторов произносительных форм в рамках проекта проводится фонетический анализ речевого материала, позволяющий учитывать не только фоностилистические особенности реализации высказывания, но также и специфику собственно артикуляторного характера при наличии влияния различных факторов позиционно-контекстуального плана в рамках

фразы-текста. Особое внимание при этом уделяется дифференциации произносительных форм при чтении и говорении, что позволит в дальнейшем уточнить и дополнить уже имеющиеся данные.

3. В рамках проекта планируется на заключительном этапе скоординировать полученные данные и разработать кодифицированные произносительные варианты современного литературного немецкого языка с учетом развития новых репрезентативных форм произношения. Предусматривается включить в так называемый “регулярный” словарь речевые единицы в масштабе фразы, дабы отразить произносительные формы в более крупных отрезках слитной речи с учетом ситуативных и коммуникативных факторов. Кроме того, предусматривается включение произносительных форм иностранных слов и имен собственных, наиболее часто встречающихся в языке радио- и телепередач. Наряду со словарем на традиционном бумажном носителе планируется подготовка “говорящего словаря”, имеющего большое значение для изучения немецкого языка как иностранного.

Таким образом, согласно данному проекту, кодификация немецкого произношения не ставит своей целью создание свода предписаний применительно к единой произносительной норме. На базе конкретных наблюдений за употреблением языка и принятием (одобрением) тех или иных форм большинством информантов представляется возможным свести в единый корпус такие варианты произнесения, которые можно было бы рекомендовать в качестве предпочтительных и желательных применительно к определенным ситуациям и условиям коммуникации. Наряду с этим существуют иные коммуникативные условия, в которых вряд ли было бы целесообразно применять произносительный стандарт (например, в диалектальной речи). Задача проекта на данном этапе включает также поиск ответа на вопрос: при каких условиях и в какой форме применение тех или иных произносительных форм коммуникативно оправданно и целесообразно; что лучше ввести в кодифицированную произносительную информацию и что следует рекомендовать в качестве предпочтительного варианта. Эти и другие задачи находятся в настоящее время на стадии их решения и заслуживают самого пристального внимания со стороны пользователей немецкого языка как в самой Германии, так и за ее пределами. В современной фонетике активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования в произношении с учетом всего спектра

факторов, регулирующих звуковую реализацию. Внимание, уделяемое этим проблемам, не случайно, так как вариации языковых единиц любого уровня и возможностей их использования говорящими являются онтологическим свойством языка. Особый интерес в данном плане представляет фонетическая система немецкого языка, формирование стандартной вариативности которой проходило и проходит практически на глазах исследователей.

Экспериментально-фонетическое исследование (6), выполненное на основе австрийского варианта немецкого языка и дополненное данными, полученными на материале речи носителей языка из северных регионов, подтвердило положение о том, что единая норма произношения — суть лишь регулятор распределения единиц между вариациями. Анализ материала показал, что региональный вариант нормы произношения стандартной вариации обладает как совпадающими с другими региональными стандартами параметрами, так и отличающимися от них. Экспериментально установлено, что произносительная специфика региона не ограничивается сегментным уровнем. Региональные модификации произнесения отдельных звуков оказывают существенное воздействие на *темпо-ритмическую организацию речи* в австрийском немецком языке.

В условиях развития перспективных информационных технологий по-новому ставится проблема сегментации и смыслового распознавания звучащей речи в зависимости от условий коммуникации и с учетом различных факторов, в том числе и региональных. Данное положение приобретает особую значимость в отношении немецкого литературного языка и немецкого кодифицированного произношения, что вызвано прежде всего тем, что немецкий язык функционирует на территории ряда регионов, выступая в качестве государственного языка в таких странах, как ФРГ, Швейцария и Австрия, и обладает определенной вариативной произносительной спецификой. Принципиально важным является то, что впервые ставится вопрос о наличии вариантов в области разграничительных явлений во всех четырех немецкоговорящих социумах (западногерманском, восточногерманском, швейцарском и австрийском) на уровне слухового восприятия с учетом артикуляторной специфики и акустических свойств *пограничных сигналов* (38). Перспективность такого подхода состоит в том, что он позволяет адекватно описать особенности функционирования звукового

состава, а также интонационного строя в терминах артикуляторно-слуховых и просодических признаков речи.

Полученные перцептивные данные позволили описать воспринимаемые акустические корреляты пограничных сигналов на супraseгментном и сегментном уровнях применительно к стыковым позициям в различных произносительных вариантах современного немецкого языка. Анализ распределения ЧОТ для различных вариантов показал, что эти значения в основном представлены согласно закону нормального распределения. Исключение составляет лишь ШВ, где значения ЧОТ распределены экспоненциально. Проведенный анализ значений ЧОТ в контрольной выборке фраз для различных региональных вариантов немецкого языка показал, что: средние значения ЧОТ во всех региональных вариантах немецкого языка близки друг другу; выявленные различия не превышают пределов физиологической вариативности; проведенный двухфакторный анализ позволил выявить три основные области распределения ЧОТ: в первую область входят ВВ и ШВ, во вторую — ЗВ и в третью — наиболее обособленную группу — АВ.

Результаты двухфакторного анализа акустических данных (в Гц) представляют большой интерес, ибо прослеживается тенденция, согласно которой можно говорить о сходстве членения речевого потока по параметру ЧОТ между восточнонемецким и швейцарским вариантами. Незначительно обособленным выступает западнонемецкий вариант. Существенно отличается австрийский вариант, что всецело согласуется с перцептивной информацией (34).

В качестве исходного материала для проведения акустического анализа сегментного состава использовались межфразовые стыки, предстыковым элементом которых явились смычные глухие взрывные согласные. Анализировалась речевая волна и изменение резонансных частот во времени. Результаты анализа показали, что в ЗВ смычные взрывные согласные на межфразовых стыках характеризуются наличием шума высокочастотных составляющих спектра, эксплозией, фрикатизацией, напряженностью. Для данной категории согласных в ВВ характерно отсутствие шума высокочастотных составляющих спектра, тенденция к редукции эксплозии и отсутствие напряженности. В ШВ оказалось представленным и то и другое явление, т.е. имеет место как наличие шума высокочастотных составляющих, так и их отсутствие. АВ характеризуется наличием наиболее слабого шумового компонента в спектре звука. В данном

случае прослеживается отсутствие напряженности и тенденция к полувзвонкости смычных глухих взрывных согласных.

Проведенное экспериментально-фонетическое исследование (34; 38) позволило по-новому взглянуть на проблему функционирования и соотношения региональных вариантов современного немецкого языка с учетом данных слухового восприятия и акустического анализа применительно к различного рода факторам, определяющим характер фонетической сегментации звучащих текстов. Удалось выявить специфику функционирования пограничных сигналов как на супraseгментном, так и на сегментном уровнях в современном немецком языке на материале его региональных вариантов, что представляется весьма перспективным как для развития теории типологии, вариантологии и сегментологии, так и для германистики, прагмафонетики, теоретической и прикладной лингвистики в целом.

При выявлении основных различий по параметру “мужской-женский голос” применительно к акустике и произносительной системе американского и британского вариантов английского языка, а также русского языка, предлагается различать два слоя информации (24), которая представлена в речевом сигнале: *специфическая информация* (например, тембр голоса, некоторые сегментные, артикуляторно-акустические на уровне звука и слога и супraseгментные на уровне фразы, текста характеристики); *универсальная информация* (например, функциональная корреляция между признаком “мужской-женский голос” для речевого высказывания и возрастным, образовательным цензом, воспитанием, социальным статусом, профессией, экономическим фактором (применительно к “эконолингвистике”); диалектной принадлежностью, произносительными особенностями билингвального характера, влиянием эмоционального и коннотативного фактора на речепроизводство, а также флексильностью “окраски” голоса в зависимости от ситуации. Каждый из этих слоев связан с нейрофизиологическими, психическими и антропометрическими особенностями индивидуума, с одной стороны, и влиянием социального и экономического факторов на формирование речевого высказывания — с другой.

Наряду с поаспектным подходом к проблемам звучащей речи прослеживается симбиотическое понимание последней, включающее рассмотрение звучащей речи в акте коммуникации сквозь призму многоуровневой языковой информации, содержащейся в речевом

сигнале. При этом речевая коммуникация понимается как процесс взаимного обмена сообщениями между динамическими системами (31). В связи с этим речевой сигнал описывается с учетом специфики сообщения, специфики получателя (адресата) и отправителя (адресанта), особенностей канала, по которому передается акустическая информация. В целях передачи смысловой адекватности устного речевого сообщения первостепенную роль приобретает выявление коннотативных значений, передаваемых не только чисто лингвистическими (лексико-грамматическими), но также (а иногда и исключительно паралингвистическими (фонационно-кинестическими) средствами, включающими весь арсенал особенностей актуализации речевого высказывания, несущими определенную сигнификативную нагрузку (32). Для теории и практики лингвистики значительным представляется исследование способа включения паралингвистических средств в процесс вербальной коммуникации. Конечной целью подобного исследования является выявление специфики подсистем (лингвистической и паралингвистической) в передаче коннотативных значений применительно к языковой системе конкретного языка и в сопоставительном ключе для ряда языков.

Серьезной проблемой представляется проблема ограничения в сфере просодии чисто лингвистических особенностей как структурных черт языка от всех видов “нелингвистической” просодии как системы признаков, относящихся к неязыковой информации. Ведущим признаком паралингвистическим средством для выражения коннотативных значений выступает просодическая организация речевого высказывания, а среди средств просодии — акцентная выделенность. Просодическая акцентная выделенность сопряжена с индивидуальными коннотациями, возникающими в сознании реципиентов при восприятии сообщения. Паралингвистическую вариативность речевого высказывания можно рассматривать как функцию концептуальной установки говорящего. При этом элементы просодической структуры не равноценны в передаче коннотативных значений. Интерпретационная вариативность “пронизывает” все речевое высказывание и может проявляться в ряде произносительных признаков. Установлено наличие прямой зависимости между наличием/отсутствием того или иного коннотативного значения, с одной стороны, и наличием/отсутствием определенных акустических коррелятов на сегментном и супraseгментном уровне — с другой (30).

Одним из ведущих направлений когнитологии считается изучение знаний, используемых в ходе общения. Согласно современным направлениям, основной задачей когнитологии является объяснение механизма обработки естественного языка, построение модели его понимания. Существуют следующие механизмы порождения и восприятия речи: а) акустико-физиологический; б) нейролингвистический; в) психолингвистический; г) генезис и архитектура внутренней речи. Когнитивная модель языка является системой взаимосвязанных элементов, каждый из которых есть модус, принадлежащий одному из уровней языкового субстрата. Такая модель наглядно показывает те процедуры, которые связаны с приобретением, использованием, хранением, передачей и выработкой знаний. Предлагаемая когнитивная модель (47) отражает язык как одну из сторон когнитивного механизма, объясняющего восприятие и продуцирование речи с позиции того, как структуры языкового знания представлены и как они участвуют в переработке информации.

Общая доминанта включает в себя менталитет, знание языка, лингвистическое знание, языковую способность говорящего. В совокупности сочетание общей доминанты и просодической доминанты и создает неповторимое своеобразие национального языка. Замена просодической доминанты влечет за собой изменение в структуре всей просодической системы. А это, в свою очередь, приводит к интерференции родного языка в изучаемый иностранный. Так появляется новая просодическая интерферируемая система, обладающая своеобразными просодическими параметрами и называемая фонетическим акцентом.

В труде "Общая и прикладная фонетика" (11) нашли отражение наиболее важные темы и проблемы общей и прикладной фонетики: артикуляционные характеристики звучащей речи, слог как базовая единица речепроизводства и речевосприятия, ритмическая структура (фонетическое слово) как опорная единица ритмико-смыслового членения речи, исследование фонетических характеристик речи в прикладных целях, современные системы автоматического распознавания и понимания речи.

Неразрывно с описанием современных методов анализа речевого акустического сигнала связано описание синтеза, проводимого с помощью самых различных способов, практикуемых в разных странах мира с привлечением аппаратных и программных средств.

Важными способами синтеза речевого сигнала являются такие, как синтез по правилам, формантный синтез, синтез на базе линейного предсказания, синтез “текст-речь”, артикуляторный синтез, компилятивный/конкатинативный синтез и т.д.

На современном этапе просматривается возникновение новой отрасли науки и техники — *лингвокибернетики* и ее раздела — *речевой кибернетики* (31). Базовым понятием лингвокибернетики является естественный языковой код при условии полиярусного рассмотрения его функционирования. Речевая кибернетика входит составной частью в лингвокибернетику, основываясь на речевом сигнале в его устной разновидности. Лингвокибернетика соотносится со специфической сферой деятельности человека — взаимодействием человека и машины, что порождает в свою очередь ряд проблем физического, физиологического, психологического, этического, инженерного, математического, информационного характера.

Революционные изменения в теории компьютерного обучения в целом и обучения фонетике в частности, которые происходят в настоящее время, связаны с появлением и широким распространением благодаря относительной простоте и доступности технологий мультимедиа и гипертекстовых интернетовских технологий.

Одним из наиболее важных вопросов, встающих перед создателями этих систем электронных курсов, является их адаптивность к выполнению как можно большего числа дидактических задач. Узкая направленность электронного обучающего курса ввиду значительной трудоемкости его создания не представляется целесообразной. В этой ситуации оптимальной может считаться *модульная структура учебного курса*, имеющая в качестве основы информационную базу данных.

На филологическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова создан *гипертекстовый мультимедийный интерактивный учебник по русской фонетике*, состоящий из учебных модулей, каждый из которых посвящен одному из ее разделов: русскому вокализму, русскому консонантизму русской акцентологии, интонации, просодии (53; 54). Данный учебник является первым и на настоящий момент уникальным в рамках русскоязычной сети Интернет. Весь материал предваряет вводный информационный модуль, посвященный общей теории порождения и восприятия речи. Отдельный модуль содержит справочно-вспомогательную информацию — глоссарий, в котором объясняются термины и основные понятия. Все модули учебника объединены с помощью перекрестных ссылок в

единый информационно-справочный комплекс. Основные понятия и утверждения дополнены иллюстративным материалом, озвученными примерами и упражнениями.

В настоящий момент завершена работа над тремя первыми разделами. База данных, которая составляет основу учебника, включает в себя: 1) детальное и исчерпывающее описание в гипертекстовом режиме особенностей русской звуковой системы и акцентологии; 2) анимационное представление артикуляции русских звуков, выполненное на основе кинофоторентгенограмм реальной речи; 3) видеозаписи видимых артикуляционных движений (прежде всего работа губ); 4) звуковые файлы, демонстрирующие реализацию гласных и согласных в речи; 5) осциллографическое представление звуков; 6) основные схемы ударения (прежде всего для имен существительных и глаголов).

Гипертекстовая форма организации учебного материала позволяет преодолеть одну из самых существенных трудностей, возникающих при преподавании фонетики, а именно взаимоизолированность анализа и синтеза единиц сегментного и супraseгментного уровней, которая преобладала ранее. Переход от линейного изложения материала к созданию автоматизированной базы данных, отражающей взаимообусловленность различных аспектов звука, а также закономерности функционирования единиц сегментного и супraseгментного уровней, позволяет наиболее полно, адекватно и наглядно отразить особенности русской фонетической системы. Формирование полезных навыков существенно облегчает и развитая система оперативных корректирующих и формообразующих контекстных подсказок, которые управляются этой базой данных.

В ряде работ последних лет отражены различные методики создания автоматизированных обучающих фонетических систем (33; 35), проанализированы их недостатки, предложены новые оригинальные пути решения данной задачи.

Значительный пласт в развитии современных знаний по фонетике и фонологии образуют произносительные словари. Следует отметить такие издания, как "Немецкий произносительный словарь применительно к безударному вокализму в словоформах с подвижным ударением" (61) и "Словарь трудностей русского произношения" (14), которые созданы на базе массовых обследований звучащей речи и экспериментальных исследований.

Анализ существующих источников в области фонетики / фонологии показал, что наряду с публикациями на бумажном носителе все большее распространение получают работы на электронном носителе. Так, в целях обучения экспертов в области фоноскопии при решении криминалистических задач по идентификации личности по голосу и речи разработана и функционирует “электронная энциклопедия эксперта-фоноскописта (русский язык)” (37), где в гипертекстовом режиме на CD-ROM представлены разделы: язык и речь, артикуляционная фонетика, перцептивная фонетика, акустическая фонетика, просодия речи, фоностилистика и др., а также словарь фонетических терминов.

Следует подчеркнуть, что наблюдается дальнейшее интенсивное развитие в области теоретического и прикладного речеведения, охватывающего такие направления исследований, как анализ и синтез речи на базе новых технологий, моделирование артикуляционных и перцептивно-слуховых процессов, аудиовизуализация речи, формирование баз речевых данных и речевых фондов (52), речь в шумах и помехах, речевые компьютерные диалоговые системы, мультилингвальные и мультимедиаальные системы, системы синтеза “текст-речь”, фонетические аспекты диалога с компьютером, автоматизированные и полуавтоматизированные системы идентификации и верификации говорящего, речевые экспертные системы, речевые обучающие системы (например, 45; 46; 65; 66; 67; 68; 69).

В заключение следует подчеркнуть, что фонетика и фонология на стыке веков могут быть охарактеризованы как науки, далекие от процесса затухания и ухода в небытие (27). Напротив, они обрели как бы “второе дыхание”, черпая силу из источника идей новых теоретических и прикладных задач, новых речевых и информационных технологий, новых потребностей в изучении вечно живой и вечно влекущей к себе звучащей речи.

Список литературы

1. Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. — М., 1974. — 287с.
2. Антипова А.М. Ритмическая система английской речи. — М., 1984. — 119с.
3. Бархударова Е.Л. Русский консонантизм: Типологический и структурный анализ. — М.: 1999. — 160 с.
4. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. — М., 1977. — 175с.

5. Брызгунова Е.А. Русское литературное произношение 90-х годов XX века // Тезисы докладов международной конференции "Фонетика сегодня: Актуальные проблемы и университетское преподавание". — М., 1998. — С. 18.
6. Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. — Н.Новгород, 1995. — 138с.
- 6а. Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). — М., 1996. — С.305-325.
- 6б. Галинская Е.А. Фонетика смоленского диалекта начала XVII в. // Актуальные проблемы современной русистики: Диахрония и синхрония. — М., 1996. — С. 20-65. — (Вопр. рус. языкознания; Вып.6).
7. Давыдов М.В., Рубинова О.С. Ритм английского языка. — М., 1997. — 116с.
8. Древнерусская грамматика XII-XIII вв. / Иванов В.В., Иорданиди С.И., Вялкина Л.В. и др. — М., 1995. — 520 с.
9. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. — М., 1979. — 312с.
10. Златоустова Л.В. Сопоставительная просодия в славянских языках // Научные доклады филологического факультета МГУ. — М., 1996. — Вып.1. — С.36-48.
11. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В. Общая и прикладная фонетика. — М., 1997. — 415 с.
12. Зубкова Л.Г. Фонологическая типология слова. — М., 1990. — 256 с.
13. Зубрицкая Е. Фонология // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров. — М., 1997. — С. 168-206.
14. Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. — М., 1997. — 468 с.
15. Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. — М., 1999. — 526с.
16. Киров Е.Ф. Фонология языка. — Ульяновск, 1997. — 541 с.
17. Князев С.В. О критериях слогоделения в современном русском языке: Теория волны сонорности и теория оптимальности // Вопр. языкознания. — М., 1999. — №1. — С.84-102.
18. Любимова Н.А., Пннежанинова Н.П., Сомова Е.Г. Звуковая метафора в поэтическом тексте. — СПб., 1996. — 142с.
19. Нерознак В.П. Балканский языковой союз: Лингвист. энцикл. словарь. — М., 1990. — С.63-54.
20. Николаева Т.М. Просодия Балкан: Слово — высказывание — текст. — М., 1996. — 350с.
21. Панов М.В. О слогоделении в русском языке // Проблемы фонетики. — М., 1995. — Вып.2. — С. 29-42.
22. Пожарицкая С.К. Русская диалектология. — М., 1997. — 167с.
23. Потапов В.В. Речевой ритм в диахронии и синхронии. — М., 1996. — 180с.

24. Потапов В.В. Язык женщин и мужчин: Фонетическая дифференциация // Известия АН. Сер. лит. и яз. — М., 1997. — Т. 56. — N3. — С.52-62.
25. Потапов В.В. К динамике становления вербального ритма // Вопр. языкознания. — М., 1999. — N 2. — С.58-70.
26. Потапов В.В. Динамика и статика вербального ритма: (Славяно-германский яз. ареал). Böhlau-Verl. — В печати.
27. Потапов В.В., Потапова Р.К. Фонетика и фонология: Исслед. единиц сегментного и супraseгментного яз. уровней // Актуальные проблемы российского языкознания: 1992-1996 гг.: К XVI междунар. конгр. лингвистов в Париже. Сб.обзоров. М., 1997. С.67-84.
28. Потапова Р.К. Слоговая фонетика германских языков. — М., 1986. — 144с
29. Потапова Р.К. Речевое управление роботом. — М., 1989. — 248с.
30. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. — М., 1997. — 67с.
31. Потапова Р.К. Речь: Коммуникация, информация, кибернетика. — М., 1997. — 528с.
32. Потапова Р.К. Об опыте новой кодификации немецкого произносительного стандарта // Тезисы докладов международной конференции "Фонетика сегодня: Актуальные проблемы и университетское преподавание". — М., 1998. — С.92-93.
33. Потапова Р.К. Фонетические обучающие системы, функционирующие в настоящее время за рубежом и в Интернет // Социальные и гуманитарные науки. Отечеств. и заруб. лит.-ра. Сер.6, Языкознание: РЖ / РАН ИНИОН. — М., 1998. — №3. — С.310-319.
34. Потапова Р.К. О специфике в развитии современных систем устно-речевого обращения "человек-ЭВМ" // Проблемы фонетики. — М., 1999. — Вып.3. — С.310-319.
35. Потапова Р.К. Проект "Автоматизированная обучающая система, предназначенная для совершенствования иноязычного произношения // Фонетика в системе языка: Сб. статей. — М., 1999. — Вып.2. — С.321-342.
36. Потапова Р.К. Речеведение в Германии: Возникновение, развитие, вклад в фонетические науки // Социальные и гуманитарные науки. Отечеств. и заруб. лит.-ра. Сер. 6, Языкознание: РЖ / РАН ИНИОН — М., 1999. — № 4. — С. 80-88.
37. Потапова Р.К. Электронная энциклопедия эксперта-фоноскописта: (рус. яз.). Лингвистическое обеспечение МСР — ФОНО — Э. — М., 1999. PC-CD ROM.
38. Потапова Р.К., Гордеева Г.А. К вопросу о пограничных сигналах в современном немецком языке: (Применительно к региональным вариантам немецкого языка в ФРГ, Австрии, Швейцарии) // Вопр. языкознания. — М., 1998. — N 2. — С.118-128.
39. Потапова Р.К., Линднер Г. Особенности немецкого произношения. — М., 1991. — 319с.

40. Просодический строй русской речи / Отв. ред. Николаева Т.М. — М., 1996. — 256с.
41. Речь: Теоретические и прикладные аспекты / Под ред. Златоустовой Л.В. — М., 1999. — Вып.1. — 368 с.
42. Русский язык в его функционировании: Уровни языка / Отв. Шмелев Д.Н., Гловинская М.Я. — М., 1996. — 271с.
43. Скворцова Е.В. Ритмическая организация русской речи: Структура и семантика // Фонетика в системе языка. Сб. статей. — М., 1999. — Вып.2. — С.150-166.
44. Современная русская устная научная речь: Общие свойства и фонетические особенности / Под общ. ред. Лаптевой О.А. — Красноярск, 1985. — Т.1 — 334с.
45. Современные речевые технологии: Сб. трудов / IX сессия РАО. — М., 1999. — 166с.
46. Теория и практика речевых исследований (АРСО-99): Материалы конф. — М., 1999. — 158с.
47. Фомиченко Л.Г. Когнитивная модель просодических интерферируемых систем. — Волгоград, 1996. — 130с.
48. Хитина М.В. Вариант анализа отклонений от орфоэпической нормы в русской речи // Фонетика в системе языка: Сб. статей. — М., 1999. — Вып.2. — С. 167-172.
49. Черкасов Л.Н. Теория лингвистических систем и системная фонология. — Ярославль, 1996. — 97с.
50. Шевелева М.Н. “Житие Андрея Юродивого” как уникальный источник сведений по исторической фонетике русского языка: (Новые данные о рефлексах сочетаний редуцированных с плавными) // Актуальные проблемы современной русистики: Диакрония и синхрония. — М., 1996. — (Вопр. рус. языкознания; Вып.6).
51. Archives of the languages of Russia: (The use of acoustic databases in the study of languages change) / Ed. Bondarko L.V., Graaf T., de — St. Petersburg, 1996. — 115p.
52. Bondarko L.V. The phonetic fund of the languages of Russia // Archives of the languages of Russia. — St.Petersburg, 1996. — P.45-53.
53. Kedrova G.E., Dedova O.V., Potapov V.V. Hypertextual multimedia database of Russian phonetics for distance education // Proceedings of international workshop “Speech and computer” (Specom’99). — Moscow, 1999. — P.124-127.
54. Kedrova G.E., Dedova O.V., Barkhudarova E.L. Russian phonetics in INTERNET: Hypertextual multimedia course for distance education // Proceedings of the International conference “Interactive systems. The problems of human-computer interaction”. — Ulianovsk, 1999. — P. 105-106.
55. Krech E.-M. Probleme der Kodifizierung deutscher Standardausprache // Festschrift für Hans-Heinrich Wängler. — Hamburg, 1987. — S.19-42.
56. Krech E.-M. Aussprachekodifizierung und Korpus-Problematik // Gespräch und Verantwortung. — München, 1996. — S.22-39.

57. Krech E.-M. Sprechwissenschaft an der Universität Halle: Entwicklung und Perspektiven // Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik: Sprechwissenschaft – zu Geschichte u. Gegenwart. – Frankfurt a. M., 1999. – S.44-52.
58. McCarthy J., Prince A. Emergence of the unmarked; optimality in prosodic morphology // North-Eastern linguistic society. – N.Y., 1994. – Vol. 24. – P.12-45.
59. Potapov V. The frequency of rhythmic units in The song of Igor's campaign' and in some of its translations into modern Russian // Phonetica francofortensia. – Fankfurt a. M., 1999. – №7. – P.67-97.
60. Potapov V. Der Sprachrhythmus im Russischen und Deutschen: (diachronische u. synchronische Aspekte) // Ibid. – S.99-123.
61. Potapowa R.K. Das Aussprachewörterbuch der deutschen Sprache. – Moskau, 1994. – 313 S.
62. Potapowa R.K. Phonetische Besonderheiten der segmentalen Sprechseinheiten des Deutschen: (in bezug auf Vergleichsanalyse der Dauerwerte für dt. lange u. kurze Vokale im Redekontinuum) // Hörgeschädigten Pädagogik. – Heidelberg, 1995.– B.36. – S.158-171.
63. Potapowa R.K. Die Aktualisierung des Merkmale "stimmlos-stimmhaft" im Assimilationsprozess des Deutschen: (Zum Versuch der akustisch-glottographischen Analyse) // Sprechwissenschaft – zu Geschichte und Gegenwart. – Halle, 1999. – S.301-312.
64. Prince A.S., Smolensky P. Optimality theory: Constraint interaction in generative grammar. – Cambridge (Mass.), 1993. – 198 p.
65. Proceedings of abstracts of annual meeting of the IAFP. – York, 1999. – 25p.
66. Proceedings of the European conference on speech communication and technology (EUROSPEECH'99). – Budapest, 1999. – CD ROM.
67. Proceedings of international congress of the phonetic sciences – ICPhS. – San-Francisco, 1999. – CD ROM.
68. Proceedings of international workshop "Speech and computer" (SPECOM'98). – St-Petersburg, 1998. – 357p.
69. Proceedings of international workshop "Speech and computer" (SPECOM'99). – Moscow, 1999. – 232p.

О.К.Клименко

СЛОВО КАК ОБЪЕКТ ГРАММАТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Подавляющее большинство слов русского языка представляет собой совокупности грамматических форм, под которыми понимаются регулярные видоизменения слова для выражения грамматических значений. Грамматическое варьирование слова ставит вопрос о пределах такого варьирования, вопрос о границах слова, вопрос о тождестве слова, вопрос о том, какие формы слова относятся к системе форм одного слова, а какие — к разным словам. Ср.: темный — темная — темна — темнее — темнейший — темненький — темень — темнота — темнеть — темнить и т.д. Положение осложняется тем, что нередко и при образовании форм одного и того же слова, и при образовании разных слов используются одни и те же морфологические средства. Ср.: читавший (суффикс -вш- образует причастную форму глагола читать) — читальный (суффикс -льн- образует новое слово — имя прилагательное), сделать (приставка с- образует форму совершенного вида глагола делать) — съехать (приставка с- образует новое слово, выражающее движение сверху вниз).

Вопрос о разграничении форм одного и того же слова и разных слов имеет длительную историю. Его нельзя считать окончательно решенным и в настоящее время.

Академик Ф.Ф.Фортунатов (26) предложил для разграничения синтаксический критерий. Если формы слова выражают синтаксические отношения между словами или формируют сказуемость предложения, то они относятся к формам словоизменения, т.е. к формам одного и того же слова (таковы падежи существительного,

род, число и падеж прилагательного, наклонение и время глагола). Если данные формы выражают не синтаксические отношения, а различия в самих предметах действительности, то они относятся к формам словообразования, т.е. к формам разных слов (таковы уменьшительные формы, формы числа существительных, степени сравнения прилагательных, виды глагола, причастия и т.п.).

Академик В.В.Виноградов (5) вслед за академиком Л.В.Щербой (29) выдвигает семантический критерий: формы одного и того же слова объединяются лексическим значением и различаются только грамматическими значениями (рыба и рыбак – разные слова, рыбак и рыбаки – формы одного слова). Ср. приведенное выше определение слова как совокупности грамматических форм.

Первый критерий удобен практически (его легко применить на практике), но вызывает теоретические трудности. Трудно, например, поверить, что стол и столы – разные слова, а не одно слово. Второй критерий, наоборот, снимает теоретические трудности (стол и столы – одно слово, так как эти формы, имея общее лексическое значение, различаются только грамматическими значениями). Однако во втором случае возникают трудности практического порядка: ни Л.В.Щербе (29), ни В.В.Виноградову (5) не удалось дать критерии определения степени близости значений для того, чтобы считать словоформы формами одного слова. Так, например, оба автора относят к формообразованию так называемые формы субъективной оценки (дом – домик, белый – беловатый, ср.: аленький цветочек), которые учеными обычно относятся к словообразованию, а Л.В.Щерба (29) считал формами одного слова названия лиц и животных мужского и женского пола типа медведь – медведица, озорник – озорница, с чем не мог согласиться даже В.В.Виноградов (5).

И тем не менее более перспективным оказывается второй путь. Необходимо лишь точнее определить понятие грамматического значения, если не всегда удастся установить степень лексического тождества слова. В этих целях А.А.Зализняк (9) предлагает два параллельных, но не совпадающих друг с другом подразделения элементов, из которых складывается значение словоформы: 1) номинативные – синтаксические элементы значения; 2) неграмматические – грамматические элементы значения.

К номинативным относятся элементы значения, которые “непосредственно относятся (“называют”) внеязыковую действительность (предметы, события, признаки, отношения)”, к синтакси-

ческим – элементы значения, отражающие “лишь способность словоформы вступать в определенные синтаксические связи с определенными классами словоформ”.

И номинативные, и синтаксические значения могут быть грамматическими и неграмматическими. Для отнесения номинативных значений к грамматическим они должны обладать двумя признаками: признаком обязательности (ни одной словоформы данного класса вне данного значения) и признаком регулярности (наличие в парадигме каждого слова или большинства слов данного класса форм, противопоставленных по данному значению). Для отнесения синтаксических значений к грамматическим достаточно одного признака – обязательности.

Более осторожно к установлению границы между грамматическими и лексическими элементами значения подходит А.В.Бондарко (4). По типу коррелятивности (соотносительности) автор выделяет три типа грамматических значений: 1) последовательно коррелятивные (соотносительные): наклонение, время, лицо, число, род глагола, род, число и падеж прилагательного, падежи существительных; 2) непоследовательно коррелятивные: вид и залог глагола, число существительных, степени сравнения прилагательных; 3) некоррелятивные: род существительных, лицо местоимений.

Грамматические значения подразделяются на однородные и неоднородные. Однородными называются грамматические значения, по которым могут быть противопоставлены формы одного и того же слова (вода – воду, стол – столы) или разные слова (стол – стена – окно). Неоднородные грамматические значения не могут участвовать в противопоставлении слов или грамматических форм.

Совокупность однородных грамматических значений, выраженных грамматическими формами, образует грамматическую категорию. Ср. определение грамматической категории в Гр.-80: “Морфологическая категория – это система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным значением” (24).

Характерная особенность однородных грамматических значений состоит в том, что они представляют собой конкретные реализации более общих значений. Два или несколько однородных грамматических значений входят в более общее грамматическое значение. Так, например, конкретные грамматические значения

мужского, женского и среднего рода образуют общее грамматическое значение рода, конкретные грамматические значения единственного и множественного числа – общее грамматическое значение числа. Поэтому грамматическую категорию иногда определяют как “систему форм слова, обладающую общим грамматическим элементом значения” (18).

Таким образом, грамматические категории образуются противопоставлением (оппозицией) грамматических форм, имеющих однородные грамматические значения. Различают оппозиции бинарные и небинарные, привативные и эквиполентные. Все грамматические категории подразделяются на два вида: словоизменяемые (собственно грамматические) и несловоизменяемые (лексико-грамматические, или классифицирующие). Словоизменяемые грамматические категории образуются грамматическими значениями, представленными отдельными членами одной парадигмы (категории числа, падежа существительного и под.). Любые два члена парадигмы противопоставлены по словоизменяемым категориям. Несловоизменяемые грамматические категории представлены грамматическими значениями, которые свойственны всем членам парадигмы, всей парадигме в целом (категория рода существительных). Они относят слово к определенному классу слов и называются поэтому классифицирующими.

Отсюда следует, что граница между формами одного слова и разными словами, граница между формообразованием, являющимся объектом морфологии, и словообразованием, являющимся объектом особой науки, “проходит как граница между значениями, появление которых в словоформах обязательно и регулярно, и значениями, которые этими свойствами не обладают” (18, с.23).

В зависимости от характера выражаемых значений также выделяются две группы грамматических категорий. Значение грамматических категорий одной группы направлено на выражение подчинительных связей между словами в предложении. Таковы категории рода и падежа существительных, рода, числа и падежа прилагательных, рода и числа глаголов, своеобразна категория залога. Значение грамматических категорий другой группы направлено на выражение различных свойств и отношений предметов самой внеязыковой действительности. Таковы категория числа существительных, степеней сравнения прилагательных и наречий, категории вида, времени и наклонения глагола. Эти грамматические категории

не совсем удачно названы (Гр.-80) (23) выявляемыми синтагматически (категории первой группы) и несинтагматически (категории второй группы). В данном случае речь должна идти не столько о характере выявления грамматических категорий, сколько о характере выражаемого ими значения.

Сложность определения границы между формами одного слова и разными словами приводит к расхождению в определении объема парадигмы разных частей речи, в частности глаголов, прилагательных и существительных. По мнению академика В.В.Виноградова (5), в парадигму глагола входят спрягаемые формы, причастия, деепричастия, члены видовых пар, формы действительного и страдательного залога. А.Н.Тихонов (25) выносит причастия и деепричастия за пределы глагола, считая их самостоятельными частями речи. А.В.Бондарко (3) включает в парадигму одного слова члены только тех видовых пар, которые образуются при помощи имперфективации (перечитать – перечитывать и под.), считая члены других видовых пар (делать – сделать и под.) самостоятельными словами. Авторы Гр.-70 (80) и Гр.-80 (23) считают самостоятельными словами члены всех видовых пар, так как каждый из них имеет свою начальную форму и свою систему спряжения, нередко относясь к разным классам глаголов (ср.: рассмотреть – рассматривать). И.Г.Милославский (18) категорию вида вообще относит не к грамматическим, а к словообразовательным категориям, лишь в силу грамматической традиции рассматриваемой в качестве грамматической категории. Авторы Гр.-70 (80) и Гр.-80 (23) рассматривают как формы одного слова лишь те формы действительного и страдательного залога, когда значение страдательного залога выражается формами страдательных причастий. Формы страдательного залога, образованные при помощи постфикса -ся, считаются самостоятельными словами, а категория залога относится к смешанным (словозменительным и несловозменительным) категориям.

Парадигма имени прилагательного традиционно включает формы мужского, женского и среднего рода единственного числа, формы множественного числа, простые и сложные формы сравнительной и превосходной степени. Авторы Гр.-70 (80) и Гр.-80 (23) выносят простые формы превосходной степени за пределы парадигмы прилагательного, считая их особыми словами, а суффиксы -ейш и -айш словообразовательными суффиксами.

Парадигма имени существительного включает в свой состав две частные парадигмы: парадигмы падежных форм единственного и множественного числа. Академик Ф.Ф.Фортунатов (26) формы единственного и множественного числа считал особыми словами.

В школьном учебнике русского языка Т.А.Ладыженской и др. (15) причастия и деепричастия рассматриваются как формы глагола, причем в качестве начальной формы у причастий указывается форма им. падежа, ед. числа, мужск. рода, а у деепричастий – форма инфинитива. В школьном учебнике В.В.Бабайцевой и Л.Д.Чесноковой (1) причастия и деепричастия рассматриваются как самостоятельные части речи. Члены видовых пар глагола в обоих учебниках рассматриваются как особые слова. Формы превосходной степени рассматриваются как грамматические формы в составе парадигмы прилагательного. Традиционно формы единственного и множественного числа существительных считаются формами одного слова.

Такие расхождения в определении объема парадигмы разных частей речи свидетельствуют о том, что вопрос о тождестве слова находится далеко от окончательного разрешения.

Словоформы могут отличаться друг от друга собственно номинативным (лексическим) значением, классифицирующим грамматическим значением и словоизменительным грамматическим значением.

Значения первого рода (собственно номинативные значения), их типы и средства их выражения изучаются в лексикологии (ср.: слово и его значение, многозначность слова, омонимия, системные отношения в лексике и т.д.).

Значения второго и третьего рода, способы их выражения в словоформах, обусловленная ими группировка словоформ в лексемы, а лексем в лексико-грамматические классы, которые называются частями речи, составляют предмет морфологии.

По определению Гр.-70 (8), “предмет морфологии – грамматические классы и разряды слов, принадлежащие им грамматические категории и системы форм (парадигмы), в которых эти категории существуют и выявляются”. Видоизменение слова для выражения грамматических значений получило название словоизменения (Ф.Ф.Фортунатов (26), Гр.-70 (8), Гр.-80 (23)) или формообразования (Л.В.Щерба (29), В.В.Виноградов (5)). В последнее время (17) предпринимаются попытки разграничить понятия словоизменения и формообразования, понимая под первым образование форм для вы-

ражения синтаксических грамматических значений, а под вторым – образование форм для выражения значений несинтаксического характера.

Системные различия между собственно номинативными значениями (лексический момент), если они получают выражение в структуре слова (грамматический момент), составляют предмет изучения словообразования. Ср. отношение субъекта действия к действию в парах: писа-тель – писа(ть), строи-тель – строи(ть).

Большинство слов русского языка членится на более мелкие значимые части – морфемы. Морфема определяется как наименьшая несамостоятельная значимая часть слова и язык и характеризуется по меньшей мере тремя признаками: 1) наличием значения; 2) неделимостью на более мелкие значимые части; 3) отсутствием синтаксической самостоятельности.

Наличие значения отличает морфему от фонемы, которая выполняет различительную (дистинктивную) функцию, но не обладает собственным значением. Так, мы не можем сказать, что обозначает фонема <a> в слове [сат], но можем сказать, что морфема -а в слове вод-а выражает значение ед. числа, им. падежа, женск. рода, а морфема вод- связана с обозначением определенного вещества. неделимость на более мелкие значимые части отличает морфему от основы, которая может состоять как из одной морфемы (вод-а), так и из нескольких морфем (вод-н-ый).

Отсутствие синтаксической самостоятельности отличает морфему от слова, которое может выполнять самостоятельную синтаксическую функцию: выступать в роли члена предложения или самостоятельного предложения. Морфема не может выполнять самостоятельной синтаксической функции, т.е. не может выступать в роли члена предложения или самостоятельного предложения. Правда, иногда можно встретить утверждение о том, что корни могут использоваться в речи самостоятельно или в сопровождении одного из видов аффиксов – флексии (2; 10; 21). Ср.: Там стоит дом. Здесь корень материально совпадает со словом и самостоятельно употребляются не морфемы там, дом, а одноморфемные слова. Ср.: в слове вод-а не фонема <a>, а морфема -а имеет значение, аналогично: не корни там, дом, а слова там, дом имеют прямо самостоятельное употребление.

В связи с существованием алломорфов и вариантов морфем возникает проблема тождества морфемы. Будучи значимой единицей,

морфема имеет две стороны: сторону значения и сторону звукового выражения. В процессе употребления в словах и формах слов морфемы могут видоизменяться как в отношении значения (ср.: человек идет, пароход идет, поезд идет, часы идут, время идет, работа идет), так и в отношении звукового состава (ср.: веду-вожу-водит).

При всех своих видоизменениях морфема должна сохранять единство значения и единство звукового выражения.

Важность единства значения особенно ярко проявляется в тех случаях, когда фонетически тождественные морфемы имеют совершенно разное, не связанное друг с другом значение. Ср.: водить – вода. Такие морфемы называются морфемами-омонимами Г.А.Пастушенковым (22) и морфемами-омофонами А.Н.Гвоздевым (7). Различают корни-омонимы: водить – вода, носить – нос, графить – графиня, окончания-омонимы: вода – стола – дома – была, суффиксы-омонимы: резка – татарка – ножка, приставки-омонимы: запел – залетел.

Важность единства звуковой стороны ярко проявляется в тех случаях, когда одинаковые или близкие по значению морфемы имеют совершенно разный звуковой состав.

Наиболее целесообразной классификацией морфем должна быть классификация по значению. Однако значение морфем обычно используется только для разделения морфем на два класса – на корни и аффиксы. Корни связаны с выражением вещественного, реального значения, аффиксы – с выражением формального, грамматического значения. Значение корня опирается на лексическое значение корневого слова. Оно как раз и представляет собой лексическое значение корневого слова. Ср.: значение корня -вод- в слове подводники то же, что и у корневого слова вода. Исчезновение из языка корневого слова ведет к семантическому опустошению корня.

По значению нередко также выделяются окончания. Это бывает тогда, когда окончания определяются как морфемы, выражающие синтаксические значения, или как морфемы, выражающие значения рода, числа, падежа, лица (ср.: Гр.-70 (8) и Гр.-80 (24)). Окончания явно отличаются от прочих морфем также тем, что они представляют собой, по выражению Г.О.Винокура (6), комплекс морфем (ср.: жен-а [-ы, -е, -у, -ой, -е]), который, как единое целое, переносится от одного слова к другому (ср.: сестр-а, дам-а и т.д.), в то время как остальные морфемы выступают как одиночные (ср.: есть жен-щин-а, жен-ск-ий, жен-их, но нет дам-

шин-а, ср.: дам-ск-ий, нет дам-их). Эта особенность отражается в определении окончания как изменяемой части слова.

В зависимости от места в слове устанавливаются прежде всего классы аффиксальных морфем, по отношению к корню выделяются две группы аффиксов: префиксы и постфиксы (суффиксы и окончания). Суффиксы обычно располагаются между корнем и окончанием. Однако некоторые суффиксы выступают после окончаний. Поэтому их иногда называют пофлексивными суффиксами. Авторы Гр.-70 (8) и Гр.-80 (24) называют их постфиксами. Таким образом, термин “постфикс” используется в двух значениях: а) как наименование любой аффиксальной морфемы, стоящей после корня (23); б) как наименование аффиксальной морфемы, находящейся после окончания (авторы Гр.-70 (8) и Гр.-80 (24)). К их числу относятся суффиксы -ся в глаголах, -то, -либо, -нибудь в неопределенных местоимениях и наречиях (кто-то где-то, куда-то и т.д.). Особое место занимают приставки кое-, не-, ни-, ср.: кое-где, нигде, негде. Специфические особенности морфем -ся, -либо, -нибудь, -то и кое-, не-, ни- (пофлексивный характер одних и возможность отделения от корня других) послужили тому, что в грамматической традиции их долго называли частицами (ср.: Гр.-70 (8) и даже школьный учебник В.В.Бабайцевой и Л.Д.Чесноковой (1)). Однако частица – это особая часть речи, особое слово, а компоненты -то, -либо, -ся, кое- и т.д. – это части слов, морфемы.

В последнее время в качестве особого вида служебных элементов слова выделяют так называемые интерфиксы (Е.А.Земская (10) вслед за А.А.Реформатским (23)). Однако понятие интерфикса не получило единого определения. Существует по меньшей мере две точки зрения: узкая и широкая. Сторонники первой точки зрения называют интерфиксами морфемы, “не имеющие собственного значения, но служащие для связи корней в сложных словах” (23, с. 266). К ним относят соединительные гласные “о” и “е” (23) “у”, “ух”, “ех”, “и” (8; 24), ср.: рыб-о-лов, кон-е-вод, дв-у-член, дв-ух-летие, тр-ех-летие, пят-и-стенка и т.д. Из определения интерфиксов сторонниками этой точки зрения следует, что связочные элементы сложных слов нельзя относить к морфемам, так как морфема – значимая часть слова, а интерфиксы не выражают значения, а выполняют связочную функцию. Правда, по мнению Н.М.Шанского (31), значение соединительных гласных, выражающих “идею соединения”, подобно значению соединительных союзов. Однако

соединительные союзы не только выполняют связочные функции, но и выражают соединительное значение, противопоставленное значению противительных и разделительных союзов (стол и стул, ср.: не стол, а стул; стол или стул). Соединительные гласные выполняют только связочную функцию. Ср.: лес-о-степь (лес и степь), пар-о-ход (ходит паром), лун-о-ход (ходит по луне), лед-о-ход (лед идет /ходит/).

Сторонники второй точки зрения называют интерфиксами “межморфемные прокладки”, играющие в структуре слова чисто соединительную функцию. Е.А.Земская (11) и ее сторонники относят к интерфиксам кроме соединительных гласных и некоторые другие асемантические (незначимые) элементы. Ср.: бор-ец, но: пе-(в)-ец, пе-(в)-ица, корми-(л)-ец, корми-(л)-ица; лет-ный, но: купа-(ль)-ный; дорож-ный, но: шоссе-(й)-ный, волжский, но: днепр-(ов)-ский; самар-ский, но: ялт-(ин)-ский. А.Н.Тихонов (28) прибавляет к ним прокладки между формообразующими основами и окончаниями (ср.: нес-ти, но: чит-(а)-ть; нес-у, но: чита-й-у) и называет их структемами. Впрочем, М.В.Панов (20) считает тематические гласные, образующие основу глагола (ср.: чит-а-ть, лет-е-ть), суффиксами, выражающими “общее значение процессуальности”. Можно было бы согласиться с таким широким определением интерфиксов. Но в языке встречаются также и такие незначимые элементы, которые ничего не соединяют. Ср.: о-хот-а, о-крош-к-а, с-по-кой-н-ый, по-вод-ок, по-воз-к-а, по-езд и т.д. Асемантическими могут быть также морфологические части слов, находящиеся в позиции корня. Ср.: об-у-ть — раз-у-ть, о-де-ть — раз-де-ть, от-верг-ну-ть — с-верг-а-ть. Асемантические элементы в позиции корня А.А.Реформатский (23) назвал радикасоидами. Асемантические элементы в позиции аффиксов можно назвать аффиксоидами (термин М.В.Панова (21), у Н.М.Шанского (30) он используется в другом значении), выделив среди них суффиксоиды (термин А.А.Реформатского (23)) — асемантические элементы в позиции суффиксов (ср.: интерфиксы Е.А.Земской (10) и префиксоиды — асемантические элементы в позиции префиксов (о-хот-а, по-езд и под.), оставив термин интерфиксы для соединительных гласных (шире: соединительных элементов) сложных слов. Таким образом, в составе слова наряду с морфемами могут выделяться морфемоиды: радикасоиды и аффиксоиды (префиксоиды и суффиксоиды). Морфемоиды — это части слова, не являющиеся морфемами, так как у них отсутствует значение, но во всех прочих

отношениях (выделимость, место в слове, то или иное участие в структурной организации слова и т.д.) подобные морфемам.

Особых замечаний требует компонент -ть (-ти), образующий форму инфинитива: читать, нести. Традиционно его относят к суффиксам (15), а Гр.-80 (24) квалифицируют его как окончание. Компонент -ть (-ти) не похож на окончание, так как он не выражает значения рода, числа, падежа или лица, не является комплексной морфемой и не служит для выражения синтаксических связей между словами в предложении. Он не похож и на суффикс, так как служит для образования одной изолированной формы в парадигме слова, тогда как суффикс, как правило, образует основу для ряда форм слова. Г.А.Пастушенков (22) квалифицирует его как окончание лишь потому, что это практически удобно при описании словообразования, так как компонент -ть (-ти), подобно окончанию, никогда не включается в состав производного слова, ср.: вода – вод-ный, греть – гре-лка. В единственном исключении жени(ть) – женитьба, ср.: коси (ть) – кось-ба скорее всего имеется не аффикс инфинитива, а интерфиксальный элемент: жени-(ть)-ба, ср.: обрезать – обрез-ок, но придать – прида-(т)ок. Тем более что и позиция постфикса -ся (-сь) после аффикса -ть (-ти) (ср.: греться, нестись) подчеркивает поведение этого аффикса как окончания.

В зависимости от функции (назначения) в структуре слова все аффиксальные морфемы подразделяются на два класса: 1) словообразовательные аффиксы и 2) словоизменяющие (формообразовательные) аффиксы. Иногда выделяются также синкретические аффиксы, которые одновременно служат как средство словообразования и как средство формообразования. Ср.: читать – перечитать. Приставка пере- превращает глагол несовершенного вида в глагол совершенного вида (формообразование) и одновременно образует глагол с новым лексическим значением: перечитать “прочитать снова” (словообразование). Ср. также: раб – раб(а). Окончание -а образует форму им. падежа, ед. числа, женск. рода (формообразование) и существительное, обозначающее лицо женского пола (словообразование). Отметив, что внутри парадигмы окончания в словоформах зл-о, зл-а, зл-у, зл-ой, зл-ого, зл-ому выступают как словоизменяющие, а при сравнении соответствующих форм двух слов – как словообразовательные аффиксы, А.А.Реформатский (23) приходит к выводу, что “в русском языке падежные флексии и словоизменяющие, и словообразовательны одновременно: правильное всего было бы

называть их суффиксфлексиями” в отличие от чистых флексий -и в глаголах прошедшего времени и -те в повелительном наклонении “для обозначения только множественного числа”. Авторы Гр.-80 (24) уточняют, что окончания, “образуя отдельные формы одного слова, являются только словоизменительными морфемами”, в то время как система окончаний, “характеризующая слово в целом, может быть словообразовательным средством (при суффиксации и субстантивации)” (24, с.129).

Ученые, работающие в области структуры слова, как правило, выдвигают в качестве признака морфемы ее повторяемость в разных словах, хотя и высказывают при этом диаметрально противоположные мнения. Одни ученые (6) считают, что повторяемость – важное свойство корневых морфем, в то время как аффиксальные морфемы могут быть уникальными, т.е. представленными только в одном слове. Другие ученые (10; 11) считают, наоборот, что повторяемость – важное свойство аффиксальных морфем, в то время как корневые морфемы могут быть уникальными. С этой точки зрения легко членятся слова, имеющие уникальный корень, т.е. корень, представленный только в одном слове (унирадиксоид, по терминологии Е.А.Земской (10) типа “брусника” (“черника”), “буженина” (“конина”), “смородина” (“малина”). Слова же типа “пастух”, “жених”, “рисунок”, “стеклярус”, “любовь” также членятся, но уникальные отрезки -тух, -их, -унок, -арус не относятся к аффиксам, так как большинство из них не имеет определенной семантики. Для них Е.А.Земская предложила термин унификсы (11).

Повторяемость морфем лежит в основе морфемного анализа, под которым понимается членение слов на морфемы. Морфемный анализ является результатом отождествления не всех, а части морфем. Происходит своего рода остаточное выделение морфем. Е.А.Земская (10) вслед за М.В.Пановым (21) выделяет пять степеней членимости.

В основу определения степеней членимости положен словообразовательный квадрат Дж.Гринберга (ср.: 26, с.266), предполагающий включение анализируемого слова в два ряда соотношений: ряд с тем же корнем или основой (а) и ряд с тем же аффиксом (б). Такая методика, удобная для определения словообразовательной членимости слова, не совсем подходит для проведения морфемного анализа. С одной стороны, в ней выделяются не корни, а основы, которые могут состоять из нескольких морфем. С другой стороны, она не может

способствовать выделению в составе “аффикса” (форманта) суффиксоидов (интерфиксов) и отделению их от суффикса.

Различают два вида корней: свободные и связанные корни. Свободными называются корни, которые могут выступать в качестве основы слова или формы слова. Их значение опирается на лексическое значение корневого слова (ср.: приводнение). Корень имеет четкое значение, так как есть корневое слово вода. Связанными называются корни, которые выступают только в связи со словообразовательными аффиксами (ср.: “одеть”, “обуть”, “снять”). Корневые слова с корнями -де-, -у-, -ня- отсутствуют. Поэтому значение корней неясно. Именно поэтому они называются радикасидами (корнеподобными элементами).

Связанность с тематическими (основообразующими) суффиксами, выражающими “общее значение процессуальности”, на значение корня влияния не оказывает (ср.: читать, копать и под.). Корни чит-, коп-, хотя не выступают в качестве основы слова, но и семантики не теряют. Это как раз и служит для некоторых авторов основанием считать эти суффиксы лишенными семантики и относить к суффиксоидам (интерфиксам).

В отдельных словах русского языка выделяются части корневых морфов, похожие по звуковому составу и поведению на аффиксы (ср.: добыть, забыть, забава, забор, чепец, конец и под.). В большинстве случаев это бывшие аффиксы, которые слились с корнем. Эти элементы получили название субморфов, которые означают единицы более низкого достоинства, чем морфы, части морфов. Как и морфемойды, субморфы лишены значения, но после выделения морфемойдов остаются значимые элементы, морфемы (ср.: жи-(в)-ут, жи-(л)-ец, днепр-(ов)-ск-ий, (о)-хот-а, (с)-покой-н-ый и т.д.). Остаток после выделения субморфов незначим. К субморфам В.В.Лопатин (16) относит также части корней, отсекаемых при словообразовании: пал(ец) – беспалый, косм(ос) – космический, ут(к)а – утёнок. Таким образом, выделяются префиксальные и суффиксальные субморфы. Было бы последовательно и оставшуюся часть корня считать субморфом (корневым субморфом) (ср.: забы(ть), забор, чепец, космический и космос, беспалый и палец). К корневым субморфам можно отнести также и усеченные корни типа “гнуть”, “уснуть”, “мел”, “плел”, “вёл”, “шел”, “шла” и т.д., сохраняющие свое значение только в составе грамматических форм. И хотя выделение субморфов представляется принципиально важным,

поскольку “субморфы имеют тот же фонемный (и буквенный) состав, что и полноценные морфемы”, а безударные гласные в словах забыть и закатать “пишутся совершенно одинаково” (14), оно составляет прерогативу этимологического анализа. Поэтому “Словарь морфем русского языка” А.И.Кузнецовой и Т.Ф.Ефремовой (13) является, по существу, не морфемным, а в значительной степени этимологическим словарем.

Таким образом, на морфемном уровне языковой системы слова расчленяются на морфемы, морфемойды и субморфы. Морфемы служат для образования единиц более высокого порядка – слов и грамматических форм слова. Основным средством образования грамматических форм слова являются изменяющиеся при склонении и спряжении окончания – флексия. В этом случае структура формы слова распадается на две функциональные части: основу и флексию. Возникает противопоставление наименьших семантических единиц, выражающих определенное значение (морфем), и наименьших функциональных единиц, выполняющих определенную функцию (назначение, цель) при образовании грамматических форм, называемых формативами. Если морфемы – минимальные значимые единицы, то формативы – минимальные, далее не членимые функциональные единицы. Окончание противопоставлено основе слова, которую определяют как часть слова, остающуюся после выделения окончания. Вместе с окончанием обычно отделяются и постфиксы (8; 17). Впрочем, школьный учебник Т.А.Ладыженской (15) и Гр.-80 (24) исключают из основы только окончания, относя постфиксы к основе. В этом случае основа оказывается прерывистой: вез-ет-ся, как-ого-то. Такая трактовка предпочтительнее, если считать, что различие в лексическом значении слова должно быть выражено обязательно в основе. Так появляется понятие основы, которое можно выделить только при формообразовательном анализе, так как основа является формой слова, а не морфемой.

Участие в образовании грамматических форм слова, кроме окончаний, других морфем – приставок и суффиксов – осложняет вопрос о выделении основы слова. Можно сравнить утверждение А.А.Реформатского (23) о том, что падежные флексии в русском языке правильнее было бы называть суффикс-флексиями, поскольку они и словообразовательные, и словоизменятельные одновременно, и авторов Грамматики-80 (24) о том, что система флексий, характеризующая слово в целом, может быть словообразовательным

средством. Не случайно А.И.Смирницкий (25) значение, выражаемое окончаниями, называет лексико-грамматическим значением, специально оговариваясь, что термин обозначает “не нечто среднее между лексическим и грамматическим, а соединение лексического и грамматического моментов”. Все это осложняет вопрос о выделении основы слова. Наметилось два направления в решении этого вопроса. По мнению одних исследователей (1; 12; 15; 31), к основе относятся все морфемы; кроме окончаний (и постфиксов). По мнению других исследователей (8; 18; 20; 24; 33), к основе относятся только корень и словообразовательные аффиксы. Формообразовательные аффиксы (окончания, суффиксы и некоторые приставки) образуют формальную часть слова. Н.А.Янко-Триницкая (33) вслед за М.В.Пановым (20) называет их флексиями, отмечая в глагольных формах две флексии: нес-л-и, нес-и-те. И.Г.Милославский (18) насчитывает в отдельных формах до четырех флексий (ср.: переписыва-вш-ий-ся).

Основной недостаток этих теорий состоит в том, что, выделяя основу слова, их авторы обычно не задумываются о том, зачем необходимо выделять основу. Впервые вопрос о необходимости при выделении основы иметь в виду цель анализа поставил А.Г.Лыков (17), хотя сформулировал ее (цель анализа) только по отношению к так называемой основе словоизменения. По мнению А.Г.Лыкова (17), следует выделить два типа основ в слове: основу формообразования и основу словоизменения, разграничив широкое понятие формообразования на два понятия: формообразование в узком смысле этого слова и словоизменение. Словоизменение — образование синтаксических форм слова. Основа словоизменения выделяется путем отсечения от грамматической формы слова окончания (у А.Г.Лыкова (17) и постфикса) (ср.: играл(и), брат'j[a], гражданин(у) встречалась, сделај (у)). Формообразование — это образование несинтаксических форм слова. Основа формообразования — это часть слова, остающаяся по отсечении окончания и морфем, образующих несинтаксические формы слова, и сохраняющая лексическое тождество слова. Основу формообразования как раз и можно назвать основой слова, так как она является структурным ядром слова и базой для образования всех форм данного слова — как синтаксических, так и несинтаксических. Таким образом, за пределами основы словоизменения остается флексия, за пределами основы формообразования — формальная часть, которую всегда можно свести к флексии,

если анализируемую форму привести к исходной (начальной) форме (ср.: прибы-важуш(ий) – прибы-(ть)).

Список литературы

1. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык: Теория: Учебник 5-9 кл. – М., 1992. – 209 с.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. – М., 1989. – 560 с.
3. Бондарко А.В. Русский глагол. – Л., 1967. – 192 с.
4. Бондарко А.В. Формообразование, словообразование и классификация грамматических категорий // Вопр. языкознания. – М., 1972. – № 2. – С.17-24.
5. Виноградов В.В. Русский язык. – 2-е изд. – М., 1972. – 396 с.
6. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 492 с.
7. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык: Фонетика и морфология. – Самара, 1997. – Вып.2: Морфология. – 245 с.
8. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970. – 767 с.
9. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. – М., 1967. – 370 с.
10. Земская – Е.А. Словообразование // Современный русский язык. – М., 1989. – С.34-56.
11. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. – М., 1973. – 304с.
12. Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. – М., 1961. – 100 с.
13. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. – М., 1986. – 1135 с.
14. Кузьмина С.М. Теория русской орфографии. – М., 1981. – 265 с.
15. Ладыженская Т.А. Русский язык: Учебник для 4 кл. – М., 1979. – 235 с.
16. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. – М., 1977. – 315с.
17. Лыков А.Г. Об основе слова // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М, 1970. – № 4. – С.6-15.
18. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981. – 254 с.
19. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999. – 256 с.
20. Панов М.В. Языки народов СССР. – М., 1966. – Т.1: Русский язык. – 242 с.
21. Панов М.В. Русский язык и советское общество: Социолнгвистическое исслед. соврем. лит. яз.: Словообразование. – М., 1968. – 300 с.
22. Пастушенков Г.А. Современный русский язык: Морфемика, формообразование, словообразование. – Тверь, 1998. – 116 с.
23. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М., 1996. – 536 с.
24. Русская грамматика. – М., 1980. – Т.1. – 783 с.

25. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С.34-67.
26. Современный русский язык. – М., 1989. – 382с.
27. Тихонов А.Н. Морфема как значимая часть слова // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 1971. – № 1. – С. 12-21.
28. Тихонов А.Н. Современный русский язык // Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Словообразование. Морфология: В 3 ч. – М., 1981. – Ч.2. – 232 с.
29. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. – М., 1956. – Т.1. – 450 с.
30. Шаиский Н.М. Аффиксоиды в словообразовательной системе русского языка // Исследования по современному русскому языку. – М., 1970. – С.23-47.
31. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968 – 310с.
32. Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. – Пг., 1919. – 298 с.
33. Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология. – М., 1982. – 246 с.

А.М.Кузнецов

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Положение семантики в кругу лингвистических дисциплин за последние полвека изменилось радикально: от пренебрежительного отношения и даже отрицания ее как полноценной области исследования в рамках лингвистики (наиболее последовательно это отразилось в американском дескриптивизме и получило остаточное проявление в первых версиях трансформационной грамматики Н.Хомского) до гипертрофированного интереса к содержательной стороне языка и безусловного признания важности изучения языкового содержания для адекватного представления структуры языка в целом.

Исследование семантики в последние десятилетия ведется по нескольким направлениям. Прежде всего следует указать на многочисленные работы, относящиеся к таким сферам, где находит проявление креативная деятельность человека, так или иначе связанная с языковой активностью индивида и социума, как: психология (2; 4; 19; 21; 22), логика, этнология, культурология (9; 12; 14; 15; 23; 25; 29; 37), философия (1; 30; 34), создание искусственного интеллекта (8; 13; 16; 20) и т.п. Особое место в этом ряду занимает когнитивная лингвистика, “в центре внимания которой находится язык как общий когнитивный механизм” (3, с. 304). Ниже будут рассмотрены общие проблемы когнитивистики в различных ее ответвлениях и вариантах.

Как показал в одной из недавних работ В.Б.Касевич (11), “в отечественной литературе данная теория отражена мало”, хотя

“указанное течение мировой лингвистики становится все более и более заметным. Налицо все признаки его институализации: созываются международные конференции по когнитивной лингвистике (V конференция состоялась в Амстердаме в 1997 г., VI – в 1998 г. в Стокгольме), существует “International Cognitive Linguistics Association”, выходит журнал “Cognitive Linguistics”; только в 1997 г. в известной серии “Current issues in linguistic theory”, выпускаемой издательством John Benjamins, появились два основательных тома, написанных с позиций когнитивной лингвистики, и кроме того, опубликованы учебные пособия” (11, с.14).

Когнитивная лингвистика концентрирует свой интерес на ментальных основах понимания и продуцирования речи с точки зрения репрезентации и участия в переработке информации (см. 7). Решается вопрос о том, “каковы репрезентации знаний и процедуры их обработки” (3, с. 304). По наблюдениям В.З.Демьянкова обычно считается, что репрезентации и соответствующие процедуры “организованы модульно и потому подчинены разным принципам организации” (3, с. 305). В отличие от остальных дисциплин когнитивного цикла, в когнитивной лингвистике рассматриваются только те когнитивные структуры и процессы, которые свойственны человеку как *homo loquens*: на переднем плане находятся системное описание и объяснение механизмов усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов. В этом аспекте приходится решать целый комплекс вопросов.

1. Относительно ментальных механизмов усвоения языка и принципов их структурирования: достаточно ли ограничиться единой репрезентацией или следует представлять эти механизмы в рамках различных репрезентаций? Как взаимодействуют эти механизмы? Каково их внутреннее устройство ?

2. С точки зрения продуцирования решаются следующие вопросы: а) основаны ли продуцирование и восприятие на одних и тех же единицах системы или у них разные механизмы; б) протекают ли во времени процессы, составляющие продуцирование речи, параллельно или последовательно; в) строим ли мы сначала общий каркас предложения и только потом заполняем его лексическим материалом или же обе процедуры выполняются одновременно, и тогда как это происходит; г) какие подструктуры (синтаксические, семантические, концептуальные и др.) фигурируют в продуцировании речи и как они устроены?

3. Восприятие в когнитивистском ключе исследуется несколько более активно, чем продуцирование речи. В связи с этим спрашивается: “Какова природа процедур, регулирующих и структурирующих языковое восприятие; какое знание активизируется посредством этих процедур; какова организация семантической памяти; какова роль этой памяти в восприятии и в понимании речи? Таков перечень проблем и вопросов, представленных в одной из обзорно-аналитических работ (3, с.305).

В ней же автор пишет: “В когнитивной лингвистике принимается, что ментальные процессы не только базируются на репрезентациях, но и соответствуют определенным процедурам – “когнитивным вычислениям”. Для остальных “когнитивных дисциплин” (особенно для когнитивной психологии) выводы когнитивной лингвистики ценны в той мере, в какой позволяют уяснить механизмы этих самых когнитивных вычислений в целом. На таком информационно-поисковом жаргоне центральная задача когнитивной лингвистики формулируется как описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего. Последний рассматривается как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных компонентов (модулей) и соотносящая языковую информацию на различных уровнях. Цель когнитивной лингвистики, соответственно, – в исследовании такой системы и установлении важнейших принципов ее, а не только в систематическом отражении явлений языка. Когнитивисту важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание “когнитивно” перерабатывается, т.е. какова “когнитивная действительность” (3, с.306).

Некоторые считают, что языковая система представляет собой самостоятельный модуль, внеположенный общим когнитивным механизмам. Однако чаще языковая деятельность рассматривается как один из модусов “когниции”, составляющий вершину айсберга, в основании которого – *“когнитивные способности, не являющиеся чисто лингвистическими, но дающие предпосылки для последних* (курсив наш. – А.К.). К таким способностям относятся: построение образов и логический вывод на их основе, получение новых знаний, исходя из имеющихся сведений, составление и реализация планов” (3, с.306).

Когнитивный подход к языковому содержанию почти полностью исключает референциальность языкового значения. “Если

ты когнитивист, то имеешь право говорить только о денотации языковых выражений. Однако без понятия “референции”, без опоры на аксиомы “внешнего мира” трудно установить несамопротиворечивость суждений в языковой форме” (3, с.307). Подобного рода проблемы когнитивистика предполагает решить в рамках междисциплинарных исследований усилиями психологов, лингвистов, антропологов, философов, компьютерологов и др., которые помогут ответить на вопросы о природе разума, об осмыслении опыта, об организации концептуальных систем. Большие надежды в этом смысле возлагаются на разработку науки о “работе мысли” человека, включающей теорию “вычислимости” смысла текста.

Вычислительно-кибернетический подход к исследованию (описанию) значений (смыслов) в рамках когнитивной лингвистики занимает в последнее время все большее место. Оценку такого рода семантических штудий выразил в одной из своих последних работ В.А.Звегинцев (23). В статье с характерным названием “К проблеме отчуждения знаний” автор дал критический анализ когнитивной информационной семантики с точки зрения семасиолога-лингвиста. Было показано, что знания по своей природе есть результат и инструмент творческого процесса, свойственного только человеку. Знания здесь переплетаются с интуитивными представлениями, предположениями, догадками, убеждениями, они составляют открытую, неконечную систему. Автор обратил внимание на то, что все виды эксплицируемых знаний берутся не из пустоты, они поставляются языком, который придает им дискретную форму.

Компьютерная лингвистика обходит многие трудности, возникающие в процессе отчуждения знаний, извлекаемых из языка при передаче их машине: неразличение языка и речи, социальности языка и индивидуальности его конкретного использования. Компьютерной лингвистике фактически приходится иметь дело не с языком, а с речевыми образованиями — высказываниями. В неявном виде это обстоятельство, конечно, учитывается, но “прикрывается стыдливым термином “текст” (23, с.187). Будучи сугубо индивидуальными и ситуативно обусловленными, высказывания, по сути дела, оперируют не значениями, а смыслами, вбирающими в себя (и опирающимися на) всю совокупность знаний, которые не фиксируются никакими языковыми единицами и которые вряд ли могут быть адекватно отражены какими-либо системами представления знаний (например, логическими, сетевыми или продукционными

ми). В этих системах знания подвергаются преобразованиям, становясь информацией, с которой в действительности и работают компьютерные системы, исключая возможность обращения к потенциальным силам человеческих знаний.

Всеобщая компьютеризация, ставшая знаменем нашего времени, вызывает множество разноречивых мнений, касающихся возможностей “вычислительного” подхода при исследовании разных лингвистических проблем, в том числе и семантических. В частности, Р.М.Фрумкина считает иллюзией представление о всемогуществе computer sciences (17, с.110). Для приверженцев компьютерного подхода характерны как минимум две особенности: а) онтологизация компьютерной метафоры и б) механистические представления о психических процессах. Говоря о “компьютерной метафоре” в целом и о ее месте в изучении языка и связанных с ним когнитивных процессах, Р.М.Фрумкина подчеркивает, что данная метафора “может быть полезным инструментом только в той мере, в которой ее сугубая метафоричность остается предметом научной рефлексии. Мы должны помнить, с какой целью эта метафора создана и в каких границах применима... Это справедливо для любой модели. Модель эффективна как инструмент описания именно в меру понимания ее отличия от оригинала” (17, с.111).

В той мере, в какой в основе любого компьютера лежит формально-логическая схема, искушение компьютерными аналогиями подкрепляет представления о том, что человек мыслит по законам формальной логики. По мере расширения возможностей компьютера и их внедрения в практику на уровне повседневности эти иллюзии все менее осознаются и все более углубляются. Это приводит к усилению механистичности в представлениях о структуре когнитивных процессов. Компьютер кажется могущественнее человека. Тем больше уверенность, что он может успешно моделировать человеческую деятельность – прежде всего, познавательную. При этом не осмысливаются ни источники этого могущества, ни источники ограничений. “Необходимым печальным следствием из этой мифологемы является онтологизация той “схемы мира”, с которой работает компьютер” (17, с.111).

После того как неявно укореняется миф о том, что машина может *создать* нечто, адекватное модели наших знаний, в том числе – нашего знания языка (о языке), укореняются представления, что человек (его психоментальная составляющая) в некотором роде

устроен наподобие компьютера. Например, употребляя выражение “словарь символов” применительно к человеку, мы забываем, что нам ничего не известно о том, что в действительности представляют собой сами эти символы. Говоря об операциях с символами, мы опускаем то обстоятельство, что мы не знаем, что это за операции. Скорее всего они не сводимы к тем, которые известны из формальных логик.

Одновременно неявно формируются и уже воспринимаются как само собой разумеющиеся представления о том, что наше “интрапсихическое” содержит в себе эти символы, а также “сети”, “узлы”, “фреймы”, “скрипты” и т.п. объекты совершенно так же, как подобные объекты содержатся в компьютерных моделях или даже в “памяти” компьютера. В результате компьютерная модель проецируется на реальный мир и начинает претендовать на его подмену. Р.М.Фрумкина справедливо считает, что “формальная логика имеет прескриптивный, а не дескриптивный характер, а поэтому поведение человека едва ли может быть описано в ее терминах. “Существенно также, что, в отличие от жестко запрограммированного компьютера, человек склонен решать сходные задачи разными способами, в силу чего неоправданными оказываются концепции, построенные по схеме “или-или” (18). Кроме того, “человеческий интеллект тем мощнее, чем больше его возможность оперировать крупными блоками, которые могут укрупняться и разукрупняться “по ходу дела”, т.е. применительно к контексту задачи” (17, с.112).

Каждая аппаратно реализованная функция также может соответствовать большому набору операций, но она жестко задана раз и навсегда. Уже поэтому никакая аппаратно реализованная функция не может быть моделью сложных психических операций. “Принципиальным свойством человеческой психики является ее пластичность: человек формирует нужные ему блоки в зависимости от контекста, т.е. не одним определенным способом, как это задано программой, а любыми способами, полезными в каждом отдельном случае” (17, с. 113).

Отдельную большую проблему когнитивной лингвистики представляет определение ее статуса среди других лингвистических дисциплин. Замечено, что представители когнитивной лингвистики активно выступают с пропагандой собственного течения как радикально отличающегося от всех прочих и, более того, как

призванного решить проблемы, неразрешимые в рамках “других лингвистик”. Как подчеркивает В.Б.Касевич, “в науковедческой теории, специально занимающейся становлением и развитием научных направлений... именно использование риторики, касающейся преемственности или отсутствия преемственности по отношению к предыдущим трудам, принимается, среди прочих, в качестве важного признака оформленности самостоятельного направления” (11, с.14-15 ; см. также 35, с.25). В связи с этим автор пытается разобраться в том, каким образом ученые, причисляющие себя к когнитивистам, обосновывают свою особость в противопоставлении другим течениям лингвистической мысли.

Когнитивное направление, по словам В.Б.Касевича, наибольшее развитие получило в США, поэтому неудивительно, что для его представителей доказательство собственной оригинальности оказывается тесным образом связанным с их противопоставлением и акцентированием их отличий от генеративистики. При этом “бросается в глаза (и это, конечно, замечают сами представители когнитивной лингвистики), что противопоставление генеративистам затрудняется уже тем, что Хомский не раз провозглашал генеративную лингвистику частью когнитивной психологии... Более того, так называемую “хомскианскую революцию” нередко называют иначе “второй когнитивной революцией” (11, с.15). Однако когнитивистам приходится дистанцироваться не только от генеративизма, поскольку активно развивается психолингвистика, в значительной степени также ориентирующаяся на когнитивную психологию.

Попытки когнитивистов разъяснить особенности данного направления не всегда оказываются успешными. Например, в работе (28) высказывается предположение, что когнитивная лингвистика является именно когнитивной а) в силу специфичности того, каким образом она использует данные других дисциплин и б) постольку, поскольку она стремится к изучению специфического содержания концептуального знания человека, а не только архитектуры этого знания (28, с.29). Пункт “а” определенно дифференцирует два направления (когнитивистику от трансформационно-порождающей грамматики), поскольку Хомский и его последователи неоднократно отвергали использование в лингвистике нелингвистических данных. Но указание на “специфичность” использования данных других дисциплин, видимо, намекает на отличие от других направлений, которые не пренебрегают данными, находящимися за пределами

лингвистических формализмов, однако природа этого отличия остается абсолютно не проясненной.

“Что же касается пункта “б”, где противопоставляются архитектура знания и его содержание, то и здесь только знакомство с конкретными работами, выполненными в русле когнитивной лингвистики, отчасти помогает понять, что имеется в виду; сам же по себе пункт “б” едва ли намного информативнее пункта “а” (11, с.16).

Несмотря на не всегда удачное “самопредставление” когнитивных лингвистов, в работах соответствующих авторов В.Б.Касевич обнаруживает целый ряд интересных подходов, интересных идей. Например, отрицание автономности языка. Утверждается, что не существует собственно языковых механизмов, языковые операции обслуживаются общекогнитивными структурами и механизмами. Проводится параллель с артикуляторными органами и органами слуха, которые “генетически предназначены для дыхания, жевания, глотания, ориентации в пространстве и целого ряда иных витальных функций, но в процессе эволюции “приспособились” для выполнения тонко дифференцированных движений, обеспечивающих порождение звуков речи, и акустических операций, способствующих восприятию речи” (11, с.17).

Указанная аналогия, по мысли автора, одновременно показывает неубедительность обсуждаемого тезиса. Даже в этом бесспорном случае можно видеть, как своего рода “семиотически-культурная” надстройка, складывающаяся в фило- и онтогенезе над генетически заданными структурами, приобретает существенную самостоятельность. Так, при определенных речевых расстройствах больной может полностью сохранять способность воспринимать и распознавать неречевые звуки, но при этом не различать те или иные фонемы. Аналогичным образом, по свидетельству А.Р.Лурии, больной может сохранять способность нарисовать, например, “крестик” и “кружок”, но оказывается не в состоянии написать буквы Х и О, которые фактически не отличаются от соответствующих рисунков (10).

Автор приводит и другие, более частные свидетельства относительной автономности языковых механизмов. В частности, в ряде экспериментов было показано, что при восприятии многозначного слова имеет место автоматическая активизация всех его словарных значений (примерно так же человек, обратившийся к словарию при чтении текста, получает в свое распоряжение весь набор

значений, ассоциированных с данной вокабулой – заглавным словом словарной статьи). Затем под влиянием контекста происходит выбор соответствующего значения и отсечение других вариантов как ситуативно несоответствующих (см.: 31; 36).

Второй тезис, который привлекает внимание В.Б.Касевича, – это резкое неприятие большинством лингвистов, приверженцев когнитивного направления, таких фундаментальных понятий генеративной лингвистики, как глубинная структура, трансформация и языковое правило. Р.Лангакр, один из основоположников когнитивного направления, считает, что к грамматике относятся только те структуры, которые засвидетельствованы в тексте (33). Из этого следует, что возведение поверхностной структуры типа *Иван умывается* к глубинной *Иван умывает Ивана* недействительно. В то же время если под глубинной структурой понимать (в соответствии со стандартной теорией Хомского) выводимость, например, трех значений сложной структуры *Дети радуются приглашению артиста* к трем сочетаниям простых структур, то данная трактовка вряд ли вызовет какие-либо серьезные возражения.

Сходная ситуация наблюдается и с понятием языкового правила, поскольку здесь тоже отмечается встречное движение когнитивной лингвистики и трансформационно-порождающей грамматики. Хомский уже давно высказывал предположение о том, что лингвистическое описание может обойтись без использования языковых правил, хотя отказ от использования понятия правила не стоит принимать слишком серьезно. Хомский сам приравнивает порождающие аспекты языка к “вычислительным” (27, с.8-12), но вычисление осуществляется по соответствующей программе, и вряд ли можно противопоставлять программу системе правил.

Третий тезис – специфичность семантики в ее когнитивной интерпретации. Ученые когнитивного направления настойчиво пытаются получить такое лингвистическое описание, которое было бы адекватно ментальным структурам носителей языка. В связи с этим рассматриваются: теория “естественных классов”, теория прототипов и разные варианты семантического описания с помощью структур когнитивных (“семантических” – А.Вежбицка) примитивов. В качестве примера приводится эксперимент, связанный с изучением того, что понимают носители английского языка под словом “water” (28).

Эксперимент проводился с участием испытуемых, имеющих образование не ниже среднего, поэтому предполагалось, что всем им известен химический состав воды H_2O . Испытуемые должны были оценить процентное содержание H_2O в разных жидкостях, среди которых назывались наряду с водой чай, бульон, болотная вода, слезы, водка и т.п. Испытуемым предлагалось ответить, что можно назвать водой, а что – нет. Оказалось, что простой корреляции между содержанием H_2O и отнесением жидкости к воде не существует. Так, содержание H_2O в дождевой воде и чае оценивалось примерно одинаково (90-91%), но дождевая вода была квалифицирована как вода, а чай – нет. В болотной воде испытуемые находили менее 70% H_2O , но все же относили ее к воде.

В определенном смысле экспериментаторы пытались доказать очевидное: трудно было ожидать, что жидкость, которая *называется*, например, чаем или водкой, попадет в разряд “вода”, а болотная *вода* окажется “неводой”: в конечном счете вода есть то, что *называют* “вода” (5). Но исследователи получили и некоторые более интересные результаты. Статистические данные опроса испытуемых свидетельствуют, что имеются кластеры, объединяющие в большей или меньшей степени разные жидкости по их близости к воде. Основанием образования кластеров оказались такие признаки, как “источник” (искусственного/естественного происхождения жидкость), “функция” (как используется жидкость человеком), “состав”. При этом только последний признак отражает содержание H_2O , остальные же относятся к своего рода диахронии и функции.

В связи с этим приводится пример, когда в воде, взятой из озера Онтарио, были проявлены фотографии с видом Онтарио, но этот фотореактив (по сути и по химическому составу) все же был назван “водой”, поскольку в озере, по определению, “полагается” быть воде. Соответствующая квалификация жидкости в рамках наивной когнитивной семантики определяется ее источником.

Четвертый тезис связан с когнитивистскими работами, вскрывающими весьма существенную роль метафоры в структурировании ментального лексикона (32); другие авторы убедительно показали, что метафорические переносы вовсе не ограничены сферой художественных приемов, они пронизывают весь словарь, организуя значимые пласты лексики, распространяясь на грамматику.

В итоге делаются выводы весьма интересные и разочаровывающие для сторонников когнитивной лингвистики (отстаивающих

“отдельность” и “парадигмальность”, в куновском смысле, этого направления). В частности, отмечается следующее. “В области семантики вклад когнитивистов определенно позитивен. Но достаточно ли этого... чтобы провозгласить появление “новой лингвистики”? Думается, уместнее утверждать, что разработанные подходы и результаты обогащают языкознание, но никак не создают ни нового объекта (точнее, предмета) исследования, ни даже нового метода. Прежде всего, конечно, можно говорить об обогащении психолингвистики – ведь психолингвистика, если рассматривать ее как теорию, а не просто как метод, призвана адекватно отражать ментальные отношения и операции, реально присущие носителю языка; без этого ее существование просто теряет смысл. Учитывая сказанное, правомерно полагать, что когнитивной лингвистики *не существует* – уже потому, что не существует некогнитивной (психо)лингвистики” (11, с.20).

Список литературы

1. Абрамян Р.Л. Гносеологические аспекты языкового значения. – Ереван, 1986. – 102 с.
2. Горелов И.Р. Вопросы теории речевой деятельности. – Таллинн, 1987. – 190 с.
3. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // *Язык и наука конца XX века*. – М., 1995. – С.239-320.
4. Залевская А.А. Понимание текста: Психолингвистич. подход. – Тверь, 1998. – 95 с.
5. Касевич В.Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса // *XVI Congr s International des Linguistes: S ances pl ni res: Textes*. – Mendon, 1997. – С. 1-7.
6. Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // *Общее языкознание и теория грамматики*. – СПб., 1998. – С. 14-21.
7. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика психология – когнитивная наука // *Вопр. языкознания*. – М., 1994. – № 4. – С. 34-47.
8. Кузнецов И.П. Семантические представления. – М., 1986. – 295 с.
9. Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М., 1989. – 288 с.
10. Лурия А.Р. Травматическая афазия. – М., 1947. – 315 с.
11. Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д.Кацнельсона. – СПб., 1998. – 144 с.

12. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современ. логико-филос. анализ языка. – М., 1983. – 286 с.
13. Панков И.П., Фитиалов С.Я. Некоторые аспекты моделирования речевой деятельности в системах искусственного интеллекта// Лингвистика и модели речевого поведения. – Л., 1984. – С. 71-76.
14. Петров В.В. Семантика научных терминов. – Новосибирск, 1982. – 127 с.
15. Сулейменова Э.Л. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алма-Ата, 1989. – 160 с.
16. Фаин В.С. Распознавание образов и машинное понимание естественного языка. – М., 1987. – 170 с.
17. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология ? // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 74-117.
18. Фрумкина Р.М. Современные концепции развития речи ребенка: Компьютерные технологии в процессе обучения // Гуманитарные науки и новые информационные технологии. – М., 1994. – С. 26-48.
19. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984. – 173 с.
20. Шенк Р. Обработка концептуальной информации: Пер. с англ. – М., 1980. – 361 с.
21. Экспериментальные методы в психолингвистике. – М., 1989. – 144 с.
22. Язык и когнитивная деятельность. – М., 1989. – 144 с.
23. Язык и логическая теория. – М., 1987. – 210 с.
24. Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – 432 с.
25. Bickes H. Theorie der kognitiver Semantic und Pragmatik. – Frankfurt a. M. etc., 1984. – 251 S.
26. Bogdan R. Mind, content and information //Syntese. – Dordrecht, 1987. – Vol. 70. N 1. – P. 205-229.
27. Chomsky N. Powers and prospects: Reflections on human nature and the social order. – L., 1996. – 289 p.
28. Gibbs R.W. What's cognitive about cognitive linguistics? Cognitive linguistics in the Redwoods: The explanations of a new paradigm in linguistics. – Berlin; N.Y., 1996. – P. 27-44.
29. Jackendoff R.S. Semantics and cognition. – Cambridge (Mass.); L., 1983. – Xiii, 283 p.
30. Johnson-Laird P.N. The mental representation of the meaning of words// Cognition. – Amsterdam, 1987. – Vol.25, N 1/2. – P. 189-213.
31. Kintsch W., Mross E.F. Context effects on word identification// J. of memory a. lang. -- N.Y., 1985. – Vol. 24. -- N3. – P. 189-213.
32. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago, 1980. – 318 p.
33. Langacker R. Foundation of cognitive grammar. – Stamford, 1987. – Vol. 1: Theoretical prerequisites. – 421 p.

34. Mental representations: The interface between language and reality. – Cambridge etc., 1998. – 229 p.
35. Murray S.O. Groups and the study of language in North America: A social history. – Amsterdam: Philadelphia, 1994. – 305 p.
36. Swinney D. Lexical access during sentence comprehension: (Re) consideration of context effects // J. of verbal learning and verbal behavior. – N.Y., 1979. – Vol. 18, N 4. – P. 39-52.
37. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. – Ann Arbor, 1985. – X. 386 p.

Е.О.Опарина

**ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОРЫ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX в.**

Метафора как объект научного исследования практически всегда, со времен античности и до наших дней, пользовалась вниманием гуманитарных дисциплин. За сотни лет гуманитарные науки накопили солидный запас знаний о метафоре и ее роли в языке и речи.

Тем не менее есть основания полагать, что именно в последние десятилетия XX в. изучение метафоры перешло на качественно новый уровень. Этот период отмечен не только резким увеличением количества работ по данной теме, но и переводом объекта в другую парадигму исследования, что открыло новые перспективы для рассмотрения метафоры как элемента языка и мышления. В предыдущие периоды метафора рассматривалась преимущественно как средство создания образности в языке и способ “украшения” речи, т.е. в рамках риторики, поэтики, стилистики и теории литературы. В 70-е годы началось активное изучение метафоры в парадигмах когнитивной лингвистики, психолингвистики, позже — лингвокультурологических штудий, которое показало: метафора является необходимым, “неизбежным” элементом языка, потому что она представляет собой такой способ осознания мира, без которого человек не может обойтись. То, что метафора связана с определенными когнитивными структурами и является необходимым языку средством, доказывается уже самим фактом распространенности метафорических номинаций в разных подсистемах языка и речевых жанрах — от языка науки до языка рекламы (5-6; 8; 41-42; 52).

Так, метафоры в языке науки, казалось бы, противоречат главным требованиям, предъявляемым к научной терминологии – “строгости” номинации, т.е. соответствия термина понятию, и его однозначности. Однако тщательное изучение роли метафоры в развитии языка науки выявило причину ее распространенности в терминологии: метафора способна выражать гипотезу, задавая особое направление осмыслению изучаемого объекта (23-24; 30; 35). Она ассоциативна и в то же время соотносит новое знание с уже имеющимся опытом, воплощенным в узальном значении языковой единицы.

В этой ситуации отображены два важных признака, характеризующих природу метафоры: во-первых, ее креативность, т.е. способность формировать новые понятия и языковые смыслы, исходя из имеющихся языковых смыслов, во-вторых, связь с опытом, как индивидуальным, так и опытом культурно-языковой общности, закодированным в лексических и фразеологических единицах языка с их эмотивными и культурными коннотациями.

Основы для изучения метафоры как когнитивного средства были заложены задолго до 70-90-х годов нашего столетия. В европейской традиции первым, кто в явной форме поставил вопрос об эвристических возможностях метафоры, был Аристотель. Рассматривая это языковое средство прежде всего как атрибут ораторского и поэтического искусств, Аристотель анализирует и логический механизм метафоры, обуславливающий ее способность выражать знания о мире. Для Аристотеля хорошей является логически ясная метафора, в которой перенос имени основан на структурно упорядоченной мысли, что объясняется стремлением античной науки искать в языковых формах отражение логических структур. Показателен разбор основанной на аналогии метафоры “сея богоданный свет”: объясняя, почему эта метафора является хорошей, Аристотель, аргументирует свое утверждение логичностью соотнесения понятийных комплексов: “для разбрасывания света солнцем названия нет; но оно так же относится к солнцу, как сеяние к семенам” (1, с.110). Таким образом, механизм “хорошей” метафоры состоит в правильном соотнесении понятийных комплексов; при этом подчеркивается, что для выражения искомого понятия в языке не существовало отдельного названия до метафорического (там же).

Утверждение эвристической значимости лежащего в основе метафоры приема уподобления неизвестного и непоименованного

известному из опыта и имеющему в языке имя стало исходной точкой в изучении метафоры как когнитивного средства в последние десятилетия. Однако это не означает, что все исследования движутся в одном русле. Ф.А.Анкерсмит и Дж.Дж.Муйж выделяют четыре основных направления в изучении метафоры, определившие подходы к ней в этот период времени (19). Ведущим направлением считается теория интеракции, наиболее известным представителем которой стал американский логик М.Блэк. В основе этого направления – подход к метафоре как результату ассоциативного взаимодействия двух образных или понятийных систем – обозначаемого и образного средства. Проекция одной из двух систем на другую дает новый взгляд на объект и делает обозначаемое метафоры новым вербализованным понятием. Эта теория восходит к взглядам К.Бюлера и А.А.Ричардса (23-24; 49).

Второй подход, во многом противоположный первому, может быть назван “асемантическим” (no-semantics approach), поскольку он отрицает не только когнитивные потенции метафоры, но и само понятие семантики метафоры, которая, с этой точки зрения, является или бессмыслицей, или подменой прямого значения в прагматических целях. Этот подход развивался Д.Дэвидсоном (29).

Сторонники третьего подхода, основывающегося на воззрениях Ф.Ницше, полагают, что метафора является исторически первым и основным типом языкового значения, поскольку сам язык с установленными значениями, с которыми должны были отныне считаться все члены сообщества, и был первой метафорой, из которой развились затем все другие типы языковых значений, в том числе и “индивидуальные” поэтические метафоры (31).

Четвертый подход, который можно назвать антропологическим, ищет истоки языковой метафоры не в правилах логики, но в особенностях человеческого сознания и мировосприятия, в закономерностях возникновения образов и понятий как в общечеловеческом плане, так и в отношении мировидения языкового коллектива. Философские основы такого подхода, который также активно развивается в 90-е годы, обнаруживаются в работах Дж. Вико, В. фон Гумбольдта, Э.Кассирера, Л.Витгенштейна, М.Хайдеггера. К данному направлению относятся работы П.Рикера и в значительной степени – Дж.Лакоффа и М.Джонсона (3; 36-37; 50).

Основное различие между первым и четвертым направлениями заключается в оценке характера связи метафоры с когнитивными

структурами и в толковании самого понятия “знание”. Если в интерактивной теории когнитивный потенциал метафоры понимается как возможность получать через посредство метафорических ассоциативных комплексов некое объективное знание, которое в случае необходимости может быть верифицировано, как это происходит при верификации содержания научных терминов и основанных на них гипотез в научных экспериментах, то при антропологическом подходе речь идет о выражении в метафоре определенного взгляда на мир. Мировосприятие и миропонимание, в свою очередь, формируются самим языком, в особенности же – спецификой представленной в его единицах категоризации действительности и образной системой (36; 51). При таком подходе сомнению подвергается способность человеческого сознания добывать объективное, “истинное” знание и фиксировать его в форме языковых единиц. Так, А.Данто (28) признает метафору когнитивным средством, но в том смысле, что она выражает суть своего обозначаемого так, как это представляется говорящему. Именно поэтому метафора представляет собой мощный инструмент воздействия на эмоции и сознание, способный фиксировать в языке и речи определенные образы предметов и явлений. При этом в метафоре в силу интенциональности ее семантики происходит резкая редукция обозначаемого до одного признака, по которому производится уподобление. Обычно этот признак связан не с научным знанием, а с “обиходными” или культурными фоновыми знаниями. Образы предметов и явлений, репрезентируемые языковой метафорой, настолько сильно расходятся с объективной истиной, что А.Данто считает необходимым исключить из класса метафор так называемые научные метафоры, способные разворачиваться в аналогии по множеству признаков и на этом основании верифицироваться.

Таким образом, креативность метафоры и ее когнитивный потенциал понимаются и оцениваются исследователями по-разному, и диапазон здесь очень широк: он включает полное доверие к метафоре как инструменту познания, в том числе и научного, отрицание ее как языкового знака, обладающего осмысленной семантикой, но и признание того, что она дает доступ к особому типу знания, не сводимого к логическому и верифицируемому.

М.Блэк, основоположник интерактивной теории, подчеркивал, что метафора является не утверждением факта, а средством

репрезентации положения вещей, поэтому к ней неприменимы категории “истинно – не истинно” (24). Блэк ввел понятие “когнитивная метафора” (*cognitive metaphor*), отнеся к этому разряду метафоры, роль которых не сводится к орнаментальной и экспрессивной. Опираясь на постулат А.А.Ричардса (49) о том, что значение слова может быть определено только в речемыслительном контексте, во взаимодействии его с другими словами, М.Блэк исследовал мыслительные процессы, лежащие в основе формирования метафорического значения. Механизм метафоры описан им как взаимодействие двух ассоциативных систем – обозначаемого метафоры и ее образного средства, в результате которого обозначаемое предстает под новым углом зрения, и этот новый фрагмент содержания получает через метафору имя в языке. Несомненными заслугами М.Блэка можно считать установку на анализ языковой метафоры в контексте мыслительной деятельности, признание несводимости ее содержания к имеющимся в языке буквальным средствам номинации, а также отношение к метафоре как к динамичному явлению, которое, формируясь в движении мысли, развивает концептуальный аппарат языка. Многие последующие исследования метафоры как когнитивного средства основаны на этих подходах М.Блэка, хотя авторы постоянно полемизировали с основоположником теории интеракции.

Уточняется и конкретизируется, какой именно тип метафоры обладает когнитивным потенциалом. Н.Д.Арутюновой выделен тип когнитивной метафоры, функционирующей в сфере признаковой лексики и являющейся способом создания вторичных языковых предикатов, которые обозначают признаки и процессы непредметного мира, как в словосочетаниях “острый ум”, “часы идут”, “судьба играет человеком”. Такая метафора, основывающаяся на аналогии, является орудием выделения и познания свойств абстрактных категорий. Этим она отличается от индикативной метафоры, называющей предметные реалии и представляющей собой технический прием извлечения имени из имеющегося лексикона (2). Таким образом, постулируется зависимость когнитивного потенциала метафоры от типа ее семантики – понятийной, интенциональной, или же предметной, экстенциональной.

Функция вербализации непредметного мира присуща метафоре как средству номинации и выполняется не только классами признаковой лексики, но и субстантивами, обозначающими

фрагменты “невидимого мира”, как в случаях с “зерном истины”, “сгустком воли/энергии”, англ. словосочетанием *way of life* “образ жизни”, букв. * путь жизни. Именно при обозначении непредметных сущностей способность метафоры формировать и вербализовать новые понятия, исходя из имеющегося запаса знаний, занимает положение вершинной функции. Поэтому метафору, обозначающую непредметные сущности в тех подсистемах языка, где установка на образность не является ведущей и самодовлеющей (это – обиходно-бытовая сфера речи, язык науки, политический дискурс, в отличие от поэтического языка), можно назвать концептуальной, т.е. создающей концепты – вербализованные понятия (7).

В когнитивно-логической парадигме, акцентировавшей внимание на способности метафоры давать доступ к объективному знанию, соответствующему критерию истинности, активно, особенно в 70-е годы, исследовалась ее роль в развитии научных теорий и в языке науки (23; 25; 30; 35). Блэк, постулируя тесную связь между метафорами и моделями, обосновывает эту связь изоморфизмом структур двух компонентов метафоры – ее обозначаемого и образного средства. Поиск параметров такого изоморфизма, разворачивающий метафору в аналогию, дает новое знание о неизвестном, конструируя его как бы по модели известного предмета или явления, имя которого используется в метафорической номинации (23-24). Важность прообразной, моделирующей роли метафоры, наводящей исследователей на новые аналогии, отмечается многими исследователями (5-6; 8; 25; 30; 35; 41). При этом отмечается ее особая ценность на начальных этапах исследования объекта/явления, когда гипотеза только формируется и научному сообществу необходимы как предположения о неких свойствах объекта, задаваемых метафорами, так и сам язык, которым можно данный объект описывать и обсуждать (6; 8; 25; 30). Р.Бойд предлагает оценивать роль каждой метафоры в научном познании по тому, к каким свойствам изучаемого объекта или вида она дает доступ. По мысли Р.Бойда, метафора должна, постепенно устраняя неоднозначность, приближать исследователей ко все более полному знанию истинной природы исследуемого явления (25). С.С.Гусев отмечает двойственность функционирования метафоры в сфере науки, претендующей на познание объективной картины мира. С одной стороны, метафора, безусловно, важна как когнитивный инструмент при разработке гипотез. С другой стороны, метафора при ее буквальном прочтении

является логической ошибкой. Осознание фиктивности лежащего в основе метафоры уподобления (принцип *als ob* И.Канта) особенно важно в научной сфере деятельности, поскольку игнорирование этого принципа способно привести к ошибкам в теории и практике (5).

Э.А.Лапиня обращает внимание на то, что термин-метафора, выполнив свою когнитивную роль на этапе становления научной гипотезы и формирования научного понятия (его концептуализации), в дальнейшем теряет двуплановость и, следовательно, статус метафоры. Если такой термин закрепляется в своей подсистеме, то уже в роли самостоятельной номинативной единицы — результата разведения переосмысленного значения и первоначального, послужившего основой для переосмысления (6).

В несколько ином виде предстает когнитивная функция метафоры в понимании Т.Куна. Кун исходит из того, что онтология объекта не является раз и навсегда заданной. Она, как и категории мышления, изменчива. Поэтому при научном познании может устанавливаться не одна, а множество связей между объектами и видами, и роль метафор состоит именно в том, что они наводят исследователей на поиск новых связей в периоды смены научных парадигм (35).

Обосновывая особую роль метафор, выражающих гипотезы, Э.Маккормак предложил разделить все метафоры на два класса, отнеся те, в которых преобладает предположение, к классу диафор, а те, в которых отображен повседневный опыт, — к эпифорам. Метафоры, выражающие гипотезы в науке, представляют собой диафоры, которые в дальнейшем подтверждаются или опровергаются. Однако, как подчеркивает Маккормак, в действительности в языке нет ни чистых диафор, ни чистых эпифор. Чисто эпифорические метафоры были бы начисто лишены двуплановости семантики, а чисто диафорические не были бы понятны, так как противоречили бы опыту человека и фонду его знаний (40).

Введение в исследование функций и восприятия метафоры категорий опыта и фонда знаний представляется важным не только для когнитивно-логического направления. В антропологическом направлении понятия фонда знаний, картины мира, языкового мифа, культурной обусловленности метафоры, постулирующие связь этого языкового средства с мировосприятием и разными видами деятельности человека, занимают центральное положение.

В целом период второй половины 80-х и 90-е годы характеризуется гораздо более осторожным подходом к когнитивному потенциалу метафоры и ее способности “наводить” на объективное знание, чем предыдущие полтора-два десятилетия. Подобное изменение связано с сегодняшним более скептическим отношением к возможности науки постигать объективную истину (19).

Вместе с тем в работах этого периода прослеживается стремление обосновать, что метафора является способом поиска и выражения особого типа знания, соизмеримого с личным и коллективным опытом, эмоциями, интуитивным и поэтическим познанием. Этот тип познания, выявляющий скрытые признаки и связи во внешнем и внутреннем мире, недоступные для научного или обыденного наблюдения, способен оказать глубокое влияние на наши представления. Кроме того, метафора должна быть включена в когнитивный дискурс потому, что она расширяет возможности языка описывать и характеризовать такого рода опыт (18; 21; 28; 31; 38-39; 45-46; 50).

Новый подход приводит к выводу о необходимости пересмотра самих понятий “истина” и “истинность высказывания”. Д.Купер утверждает, что новая концепция должна учитывать существование разных модусов истины (*modes of truth*), соотносимых с различными видами деятельности и способами представления действительности. Метафору следует считать особым модусом постижения действительности, проявления которого (как, например, в танце или музыке) “истинны” в рамках правил соотнесения знаков именно данного вида деятельности с действительностью. Метафора открывает новые способы выражения смысла, не сводимого к буквальным значениям и пропозициям, и этим готовит почву для создания новых образных систем и эмоционально-оценочных отношений к предметам и явлениям (27). С этими утверждениями согласен Дж.Дж.А.Муйж, отстаивающий “либеральный подход” к понятию истины. Такой подход он считает правомерным, поскольку мир не является сугубо объективной данностью, независимой от способа мировосприятия. Поэтому готовность приписать какому-либо высказыванию свойство истинности в значительной степени зависит от принятых точек зрения и миропонимания. Метафора принадлежит к тем системам, которые частично соответствуют действительности, частично же основываются на соглашении. То, что языковые метафоры содержат определенную часть “истины”, т.е. отображают действительность, а

не только выражают настроение говорящего, подтверждается возможностью экспликации их смысла. Например, в текстах, содержащих метафоры, часто присутствуют парафразы или формулы типа “так сказать”, “как будто бы”, вводящие или объясняющие образные выражения. Кроме того, метафоры, никак не соотнесенные с подобиями, существующими в действительности и подтверждаемыми нашим опытом, воспринимаются как бессмысленные (45).

Характеризуя роль поэтической метафоры как способа познания мира, С.Р.Левин предлагает разграничивать два способа выражения знания: “когниции” (cognitions) и “концепции” (conceptions). Первые стремятся приблизиться к объективной истине и базируются на реальных фактах, вторые С.Р.Левин характеризует как “проекции” поэтических метафор. Содержание “концепций” – это амальгама эмоций и личностного опыта, однако их нельзя считать ни сугубо субъективными, ни игрой, поскольку, услышав новую метафору, мы ищем вызвавшие ее появление ассоциации, и в результате может произойти трансформация наших представлений и привычных оценок (38).

Анализ когнитивной ценности метафоры приводит исследователей к проблеме взаимозависимости метафоры и принципов категоризации. Метафора влияет не только на поэтические образные системы, она затрагивает и более глубинные основы категоризации, на которых базируются повседневные представления и оценки (31; 33; 36; 50-51).

По мнению П.Рикера, механизм метафоры позволяет увидеть общую процедуру создания понятий, и в этом отношении можно говорить о фундаментальности метафорического мышления. Метафора первоначально создается силой воображения, в котором ведущую роль играет способность видеть или устанавливать подобия. Логическая структура подобия характеризуется напряжением между одинаковостью и различием (50; ср.20), но это – необходимый этап в создании всех новых единиц знания. При этом каждое новое, установленное силой воображения подобие нарушает предшествующую категоризацию и вызывает переструктурирование семантических полей (50).

То, что категоризация понятий задается естественным языком и, следовательно, является относительной, подчеркивается разными исследователями, как и то, что представленная в естественных языках категоризация базируется на наблюдаемых или приписываемых

предметам и явлениям сходствах (31; 36; 51). Поэтому данная И.Левенберг характеристика метафоры как “приглашения к особому видению мира” (proposal about how to see the world) актуальна не только для поэтического интуитивного познания мира (39).

Дж.Лакофф и М.Джонсон выделили в английском языке целые системы метафор, основывающихся на принятых в англоговорящей общности точках зрения на те или иные объекты обозначения, назвав такие метафоры концептуальными (conceptual metaphors, 37).

Термин “концептуальная метафора” в трактовке Дж.Лакоффа и М.Джонсона позволяет разграничить языковые средства выражения и лежащий в их основании когнитивный процесс, а именно понимание одного явления (или области деятельности) в терминах другого. Область, из которой соответствующие понятия “заимствуются”, обозначается как source domain, букв. “область-источник”, сфера. “заимствующая” понятия, – как target domain, букв. “область – цель”, а сам процесс концептуализации через метафору – как conceptual mapping, т.е. “концептуальное наложение”. Лакофф и Джонсон выделили несколько типов базирующихся на метафорах концептов: 1) структурные метафоры, описывающие одно явление через другое, как love is war “любовь – война” или life is journey “жизнь – путешествие”; 2) ориентационные метафоры, конструирующие концепты через пространственные понятия и отношения, как ‘верх – низ’, ‘перед – зад’, ‘центр – периферия’ и др.; 3) онтологические метафоры, представляющие абстрактные явления (эмоции, идеи) и действия, события как материальную субстанцию, как, например, “гнев – кипящая жидкость в сосуде” (34; 37).

Концептуальные метафоры определяют в языке способы номинации “однородных” понятий через серии метафор, базирующихся на общих или сходных ассоциациях, охватывая таким образом целые идеографические поля. В результате сферы человеческой деятельности оказываются представленными в языке под определенными, заданными концептуальными метафорами, углами зрения. Рядовые носители языка этого чаще всего не замечают, так как используемые в повседневной речи языковые выражения теряют образность. Например, в английском языке явления и состояния, оцениваемые положительно (здоровье, хороший социальный статус, бодрое настроение и т.д.), отображаются через понятие ‘верх’, а их антиподы – через понятие ‘низ’, как to be in high position “занимать высокое положение”, to be up

“быть в хорошем настроении”, “в хорошем материальном положении”, но downhearted “упавший духом”, the down trend of business “тенденция к ухудшению, спад деловой активности”, to fall ill “заболеть”. Существует также метафора “дискуссия — война”, которая порождает выражения to defend one's claims “защищать свои утверждения”, the strategy of argument “стратегия спора”, to win the argument “выиграть спор”. В других культурах, где главной целью дискуссии может считаться, например, достижение гармонии, равновесия точек зрения, а не победа над оппонентом, концептуальная метафора будет иной. Дж.Лакофф и М.Джонсон постулируют взаимовлияние концептуальных метафор и миропонимания: будучи обусловленными определенными точками зрения, метафоры, “которыми мы живем”, сами воздействуют на мировоззрение и поведение людей. Так, принятое в политическом дискурсе уподобление государства/нации семье используется представителями власти как инструмент риторики, с тем чтобы заставить определенные группы населения отказаться от вражды или групповых интересов (37).

Исследование метафорических номинаций в лексике языка обнаруживает системность в их распространении на те или иные идеографические сферы и, до определенной степени, предсказуемость метафоризации (10; 33-34). Г.Н.Скляревская, анализируя метафоры русского языка, отмечает регулярный характер переносов наименований от одной сферы к другой. Круг метафорических ассоциаций всегда детерминирован набором сем в семантической структуре исходного значения. В языковой метафоре, в отличие от поэтической, не актуализируются семы, воспринимаемые как парадоксальные. Так, метафора, произведенная от слов “камень” и “каменный”, не выходит за рамки денотатов, в которых актуализируются исходные ядерные семы ‘твердый’, ‘тяжелый’, ‘неподвижный’: “каменное лицо”, “каменная стойкость”, “каменная тоска”, но *каменное веселье. В результате действия метафоры в словаре языка появляются двоянные метафорические поля. Например, практически каждый компонент исходного поля ‘вода’ может подвергнуться метафоризации, образуя вторичное, метафорическое поле. Пересекающиеся метафорические поля функционируют в языке как микросистемы, пронизывающие всю лексическую систему (10).

З.Кевечес исследовал набор концептуальных метафор, участвующих в концептуализации понятия 'дружба' friendship в американском варианте современного английского языка, анализируя метафоры и их денотаты как элементы налагаемых друг на друга фреймов, зависимых от семантики соответствующих им родовых понятий-гиперонимов. Исследование показало, что не существует концептуальных метафор, применимых только к данному понятию. Диапазон задействованных в концептуализации 'дружбы' метафорических систем распространяется на все отвлеченные понятия, которые в родовидовой иерархии оказываются его гиперонимами. Результат позволяет сделать предположение об относительной предсказуемости появления метафор в тех или иных семантико-идеографических областях (33).

Сходные функции – концептуализации понятий и воздействия на способ мышления – метафора выполняет в специальных подсистемах языка, например в экономике и медицине (21; 46). Я.Пен, анализируя причины и возможные последствия использования метафор в языке экономической науки, отмечает, что в наше время в экономике наблюдается тенденция к освобождению от языковых единиц, нагруженных ассоциациями и эмотивностью, и к переходу на язык формул. Однако осуществить это полностью не удастся, и во многом – вследствие того, что экономисты должны не только описывать факты и выводить закономерности, но и убеждать друг друга и неспециалистов в правильности своих теорий. Поэтому необходимы риторические приемы, которые активно используются экономистами со времен А.Смита, в том числе и метафора. По метафорам можно проследить основные этапы развития этой науки, что подтверждает мысль Т.Куна о том, что метафора наводит исследователей на новую интерпретацию объекта в периоды научных революций (35). Так неоклассический анализ основывается на подходе к обществу как к саморегулирующейся упорядоченной системе, уподобляя его механизму или природному организму (the natural order “естественный порядок”, natural rate of growth “естественный темп роста”). Кейнсианское и посткейнсианские направления, сосредоточиваясь на кризисах и катаклизмах в экономике, используют образы стихии и хаоса, представляя тем самым общественную жизнь как нестабильное и непредсказуемое явление (flow “поток”, turmoil “водоворот”).

Марксистская концепция, рассматривающая историю и общественную жизнь как борьбу классов, распространяет метафору войны на сферу экономики (46). Работа Я.Пена показывает, что метафора, конструируя свою парадигму исследования, сама связана и во многом определена доминирующими в данный исторический период умонастроениями и течениями мысли. При этом метафоры, обладающие большой экспрессивной и риторической силой и создающие свой собственный контекст понимания объекта, чреваты опасностью отрыва от реальных фактов и ложной аргументации: они как бы “соблазняют” мысль исследователя (*expressively seductive metaphor* “соблазнительно экспрессивная метафора”, там же). Это предупреждение свидетельствует об актуальности высказанной в XVI в. итальянским мыслителем Дж.Вико точки зрения на метафору как на сильнейший инструмент создания идеологических мифов: каждая эпоха конструирует свой миф, и их различие есть различие используемых метафор (3). Характерна история “взаимообмена” тропами между сферами медицины и науки об обществе, имевшего место в прошлом столетии (21). Первоначально, в конце XVIII в., метафора человеческого тела появилась в рассуждениях о правильном устройстве общественной жизни – в физиологии искали основания для объяснения общественных процессов и исправления общественных нравов. Это отражало свойственное эпохе Просвещения убеждение, что законы общества должны основываться на законах природы (“природный человек” Ж.-Ж.Руссо). Появились метафоры *social body*, букв. *тело общества, *natural rights* *естественные права. Однако скоро такая взаимосвязь вызвала обратную реакцию: социологическая метафора проникла в медицину, и, более того, медицина стала испытывать сильное давление со стороны политики. Здоровье стали описывать как порядок и подчинение закону (*obedience to the law*), болезнь – как беспорядок, бунт (*riotous insurgency, disorder*). П.Ж.Кабанис, французский врач и философ (1757 – 1808), призывал медиков стать стражами общественного блага. Характерно, что после открытия клеточного строения организма сам термин “клетка” *cell* стал применяться для обозначения простейшего элемента и биологической, и общественной жизни (там же).

Роль метафоры с точки зрения ее воздействия на мировоззрение и участия в создании идеологических мифов выступает на первый план при изучении политического дискурса. Ф.Р.Анкерсмит,

признавая власть метафоры и, шире, власть слова в общественно-политической традиции Запада, отмечает, что в основе такого положения – отношение к языку, которое отлично от традиции Востока. В западной традиции язык стремится сделать себя “прозрачным” по отношению к обозначаемой им действительности: в нем преобладает репрезентирующая функция. При этом в западном обществе слово и действительность, в том числе и социально-политическая, осознаются как явления, дистанцированные друг от друга. Поэтому в принципе и возможна смена метафор, которые “дают”, каждая по-своему, смысл действиям и явлениям политической жизни. Противоположность такому положению Ф.Р.Анкерсмит видит в японской традиции, ярче всего воплощенной в жанре хайку. Соглашаясь с Р.Бартом в том, что в хайку происходит намеренное затемнение смысла, благодаря чему возможно бесконечное множество ассоциаций и интерпретаций, автор акцентирует противоположность такого типа языка правилам европейской риторики. Такой язык не может функционировать в качестве “дубликата” действительности, отображающего ее глубинные структуры, и воздействовать на нее (18).

А.Н.Баранов и Ю.Н.Караулов, исследуя политические метафоры современного русского языка, представленные в жанре политической дискуссии, акцентируют внимание на способах “оживления” стертых метафор. Предлагается разграничить два типа “стертости” метафоры: первый связан с индивидуальными, часто воспроизводимыми языковыми единицами, второй – с употребительностью метафорических моделей. Во втором случае модель актуализируется и порождает выражения, воспринимаемые как образные, если говорящий отходит от конвенциональных языковых средств. Это ощутимо при сравнении словосочетаний: “механизм голосования” и “ржавый механизм голосования”, “европейский дом” и “европейский теремок” (11).

В 90-е годы получили развитие исследования метафоры в комплексе проблем взаимосвязи языка и культуры. Это направление, в целом развивающееся в рамках антропоцентрической (в западной терминологии – антропологической) парадигмы в языкознании, связано с возрождением интереса к концепции В. фон Гумбольдта, согласно которой язык является не только продуктом, но и речетворческой деятельностью, создающей как сам язык, так и языковое сознание человека и языкового коллектива. В языке

запечатлено мировидение, но он также выполняет и активную роль по отношению к последнему, поскольку сохраняет в семантике своих единиц и транслирует из поколения в поколение определенный “взгляд” на мир, или картину мира, которая становится достоянием каждого говорящего на данном языке с детства (13; 47). Метафора представляет собой ценный источник для этого направления исследования языка, так как образные основания переосмысленных языковых единиц (аккумулируют) специфику мировидения народа.

Н.Куин задается вопросом: почему метафоры не возникают произвольно и в неограниченном количестве, если в принципе механизмы метафоры, состоящий в уподоблении двух разнородных объектов по какому-то одному признаку сходства (реальному или же приписываемому), допускает бесконечное множество метафорических образований? Тем не менее количество метафор, оказывающихся в обиходе лингвокультурной общности, является ограниченным. Одно из ограничений Н.Куин видит в культурной обусловленности метафоры, отмечая, что в языке живут и получают развитие образы, укорененные в культурной традиции и в сознании носителей языка (48). В связи с этим при решении вопросов о возникновении, функционировании и понимании метафор первостепенное значение приобретает обращение к культурной традиции и к общему фонду знаний говорящих на данном языке (39). В западных работах фонд знаний понимается преимущественно как знание устройства внеязыковой реальности, основанное на принятой в данном обществе категоризации мира (43; 51).

В российском языкознании метафора изучается как культурно маркированный пласт языковых единиц, соотносённый через образную мотивацию с установками и категориями культуры. Исследования проводятся и в диахроническом плане, как это делается в этнолингвистике, исследующей фольклорные тексты и ритуалы в связи с народным менталитетом (15-16), и на синхронном срезе, на материале современных текстов и дискурсов и современного национально-культурного самосознания (9; 47). Умение “вычитывать” культурную информацию из содержания метафоры и интерпретировать образы через категории (знаки) культуры требует особого рода компетенции, не сводимой к знанию языка — культурно-языковой компетенции (12-13). Этот вид компетенции позволяет соотносить знаки двух разных, но взаимодействующих знаковых систем — языка и культуры. Одна из основных задач в изучении

корреспонденций языка и культуры состоит в разработке семиотически ориентированного языка, который дал бы научные основания для экспликации категорий культуры в языковых знаках. Одним из центральных в этой проблематике является понятие культурной коннотации, постулирующее присутствие культурно мотивированного со-значения в образных знаках языка и возможность интерпретации культурной информации через обращение к симболярию культуры (архетипическим образам, прототипическим ситуациям, мифологемам, символам, стереотипам, эталонам и т.д.).

Одна из сторон проблемы – определение реестра симболярия культуры и его описание (там же). Анализ метафор показывает, что в их образных основаниях закодированы разные элементы симболярия. Так, архетипические образы входят в состав многих идиом и переосмысленных компонентов устойчивых словосочетаний как "глубинные метафоры" (16), например, "из другого теста", "мать-земля", "родина-мать", "темная личность". Эталоны, устанавливающие образец, по которым как бы "измеряется" характеризующее свойство, отображены во многих экспрессивных метафорах, в том числе и зооморфных: "баран" – об упрямом человеке, "ослиная тупость", "ковбойское нахальство", "ни капли таланта". Мифологемы, т.е. аллюзии к мотивам мифов, составляют культурную информацию в содержании метафор, функционирующих в роли связанных компонентов устойчивых словосочетаний. Например, образная мотивация связанных компонентов в словосочетаниях, обозначающих признаки и действие эмоций, восходит к анимистическим мифологическим представлениям: "страх, ужас, злость, тоска охватывают", "побороть, одолеть страх, ужас, тоску", "страх, ужас, тоска нападают". В этих фразеологизмах сильные негативные эмоции представлены как враждебные живые существа, возможно, даймоны, приходящие из чужого пространства и проявляющие агрессию по отношению к людям (26). Образные компоненты, обозначающие в устойчивых словосочетаниях параметры социальных явлений, выражают идеологемы. Причем идеологическая маркированность, как показывает И.И.Сандомирская на примере переосмысления слова "родной", возникает в слове именно при его метафоризации в составе фразеологизмов: ср., с одной стороны, "родной" как 'биологически "свой"', 'телесно, по рождению близкий' в "родной семье", "родных местах", "родном

доме” и, с другой стороны, создающие идеологические конструкты – тропеизированные значения в “родной истории”, “родном правительстве”, “родной партии” (9).

Изучение метафоры как культурно маркированного пласта языка снимает противопоставление “живых” и “стершихся”, поэтических и языковых образных единиц, как и метафор, актуализирующихся в разных синтаксических структурах, так как метафоры разных типов могут интерпретироваться через категории культуры и иметь в этом плане общие основания. Лингвокультурологическое направление исследования также ставит метафору в ряд с такими языковыми единицами, как идиоматика и паремиология, которые тоже являются нишами, аккумулирующими культурную информацию в языке (12-13; 47).

Список литературы

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. – М., 1957. – 183 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С.296-297.
3. Вико Дж. Основания новой теории науки об общей природе наций. – М., 1940. – XXVI, 620 с.
4. Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. – М., 1997. – 279 с.
5. Гусев С.С. Наука и метафора. – Л., 1984. – 152 с.
6. Лапина Э.А. Метафора в терминологии микроэлектроники: На материале англ. яз. // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С.134-145.
7. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Там же. – С.65-77.
8. Петров В.В. Научные термины: Природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. – Новосибирск, 1985. – С.196-220.
9. Сandomirская И.И. О своем: Фразеология и коллективная культурная идентичность // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С.121-130.
10. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб., 1993. – 151 с.
11. Словарь русских политических метафор / Сост. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. – М., 1994. – 330 с.
12. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С.13-24.
13. Телия В.Н. Русская фразеология: Семант., прагмат. и лингвокультурол. аспекты. – М., 1996. – 288 с.

14. Теория метафоры. – М., 1990. – 512 с.
15. Толстой Н.И. Славянские верования // Славянская мифология: Энцикл. словарь. – М., 1995. – С.15-26.
16. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исслед. в области мифопоэтического. – М., 1995. – 560 с.
17. Шибанова Е.О. Концептуальная метафора: Направления в исследовании. Обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. лит. Сер. 6. Языкознание: РЖ / РАН ИНИОН. – М., 1999. – № 1. – С.158-176.
18. Ankersmit F.R. Metaphor in political theory // Knowledge and language. – Dordrecht etc., 1993. – Vol. 3: Metaphor and knowledge. – P.155-202.
19. Ankersmit F.R., Mooij J.J.A. Introduction // Ibid. – P.1-17.
20. Apter M. Metaphor as synergy // Metaphor: Problems a. perspectives. – Brighton; Atlantic Highlands, 1982. – P.55-70.
21. Barbera M.L. Metaphor in the 19th-century medicine // Knowledge and language. – Dordrecht etc., 1993. – Vol. 3: Metaphor and knowledge. – P.143-153.
22. Beyond metaphor: The theory of tropes in anthropology. – Stanford (Cal.), 1991. – 214 p.
23. Black M. Models and metaphors: Studies in lang. a. philosophy. – Ithaca, 1962. – 267 p.
24. Black M. More about metaphor // Metaphor and thought. – Cambridge etc., 1979. – P.19-45.
25. Boyd R. Metaphor and theory change // Ibid. – P.356-408.
26. Bragina N. Restricted collocations: Cultural boundness // Euralex '96: Proceedings. – Göteborg, 1996. – Pt 1. – P.199-207.
27. Cooper D.E. Truth and metaphor // Knowledge and language. – Dordrecht etc., 1993. – Vol. 3: Metaphor and knowledge. – P.244-262.
28. Danto A. Metaphor and cognition // Ibid. – P.21-35.
29. Davidson D. What metaphors mean // Crit. inquiry. – Chicago, 1987. – Vol 5. – P.31-47.
30. Gentner D. Are scientific analogies metaphors? // Metaphor: Problems a. perspectives. – Brighton; Atlantic Highlands, 1982. – P.106-132.
31. Hesse M.B. Models, metaphors, and truth // Knowledge and language. – Dordrecht etc., 1993. – Vol 3: Metaphor and knowledge. – P.49-66.
32. Knowledge and language / Ed. by Ankersmit F.R., Mooij J.J.A. – Dordrecht etc., 1993. – Vol. 3: Metaphor and knowledge. – 214 p.
33. Kövecses Z. American friendship and the scope of metaphor // Cognitive linguistics. – Berlin; N.Y., 1995. – Vol. 6, N 4. – P.315-346.
34. Kövecses Z. Metaphors of anger, pride, and love. – Amsterdam; Philadelphia, 1986. – VII, 147 p.
35. Kuhn Th. S. Metaphor in science // Metaphor and thought. – Cambridge etc., 1979. – P.409-419.

36. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind.* – Chicago, 1987. – XVII, 614 p.
37. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by.* – Chicago, 1980. – XIII, 242 p.
38. Levin S.R. *Poetry, knowledge, and metaphor* // *Knowledge and language.* – Dordrecht etc., 1993. – Vol. 3: *Metaphor and knowledge.* – P.81-93.
39. Loewenberg I. *Identifying metaphors* // *Found. of lang.* – Dordrecht, 1975. – Vol. 12, N 3. – P.315-338.
40. MacCormac E.R. *Metaphor and myth in science and religion.* – Durham, 1976. – 167 p.
41. Martin I., Harre' R. *Metaphors in science* // *Metaphor: Problems a. perspectives.* – Brighton; Atlantic Highlands, 1982. – P.89-105.
42. *Metaphor and thought* // Ed. by Ortony A. – Cambridge etc., 1979. – X, 520 p.
43. *Metaphor in cognitive linguistics.* – Amsterdam; Philadelphia, 1999. – 232 p.
44. *Metaphor: Problems a. perspectives* // Ed. by Miall D.S. – Brighton; Atlantic Highlands, 1982. – XIX, 172 p.
45. Mooij J.J.A. *Metaphor and truth: A liberal approach* // *Knowledge and language.* – Dordrecht etc., 1993. – Vol. 3: *Metaphor and knowledge.* – P.67-80.
46. Pen J. *Economics and language* // *Ibid.* – P.137-142.
47. *Phraseology as a language of culture: Its role in the reproduction of cultural mentality* / Telia V. et al. // *Phraseology: Theory, analysis, a. application.* – Oxford, 1998. – P.55-75.
48. Quinn N. *The cultural basis of metaphor* // *Beyond metaphor: The theory of tropes in anthropology.* – Stanford (Cal.), 1991. – P.56-93.
49. Richards I.A. *The philosophy of rhetoric.* – N.Y., 1965. – 138 p.
50. Ricoeur P. *The metaphorical process as cognition, imagination, and feeling* // *On metaphor.* – Chicago; L., 1979. – P.141-157.
51. Rosch E. *Principles of categorization* // *Cognition and categorization.* – Hillsdale, 1978. – P.27-48.
52. *The ubiquity of metaphor: Metaphor in lang. a. thought* // Ed. by Paprotte' W., Dirven R. – Amsterdam; Philadelphia, 1985. – XIX, 630 p.

Л.Г.Лузина

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКИ

В настоящее время стилистика языка активно развивается в нескольких направлениях в соответствии с основными научными парадигмами современного языкознания. Выделяются коммуникативный, функциональный, когнитивный и когнитивно-дискурсивный подходы к исследованию и осмыслению категорий стиля и его характеристик. С позиций современного языкознания потребовалось обобщить большой теоретический материал по уже устоявшимся в стилистике направлениям исследований, и прежде всего по стилистике текста, теории функциональных стилей, стилистической экспрессологии, жанрово-стилистической типологии текстов и др. (1, 3, 5, 9).

В то же время широкое распространение когнитивной науки, возникновение и развитие когнитивной лингвистики послужило стимулом для “пересмотра” традиционных проблем стилистики на новой теоретической базе, позволяющей изучать глубинную структуру языковых явлений. Именно в рамках этого подхода появилась возможность рассматривать стилистические явления как объемные, синтезирующие “поверхностный” уровень языка и уровни абстрактных концептуальных областей, а в ряде случаев конкретные культурологические знания (2, 4, 12, 15).

Следует также отметить перспективность формирующейся в настоящее время когнитивно-дискурсивной парадигмы для стилистических исследований. Как отмечает Е.С.Кубрякова, новая парадигма лингвистического знания представляет собой особую

интеграцию двух ведущих парадигм современности – когнитивной и коммуникативной, их рациональный синтез (7). Имеющиеся исследования по дискурсу, выполненные в этом направлении, вполне очевидно указывают на некоторое сходство и общность исследовательских интересов, источников и составных частей анализа дискурса и современной стилистики (см. 1, 5, 10, 11). Обе дисциплины уделяют значительное внимание явлениям языковой вариативности. Анализ функционирования и вариативности языка в различных сферах (ситуациях) общения привел к изучению и выделению различных типов дискурса (интервью, судебное заседание и др.), с одной стороны, и функциональных стилей языка, с другой стороны. Основными категориями признаются стиль языка и стиль дискурса (тип дискурса/общения; формальность речи рассматривается как стилеобразующий фактор и как признак особого типа дискурса (3, 6, 21). Подобные примеры, разумеется, указывают на перспективное взаимообогащение стилистики и анализа дискурса. Однако следует подчеркнуть, что многие понятия и положения обеих дисциплин требуют более строгого определения и разграничения, так как одни и те же явления исследуются с разных позиций и ракурсов.

Устоявшимся направлением, активно развивающимся в настоящее время, является, несомненно, стилистика текста. Основные положения, к которым можно свести теоретическую базу стилистики текста, заключаются, по-видимому, в следующем: 1) текст есть результат, а не процесс речи и обычно зафиксирован в письменной форме; 2) текст – это интенциональное произведение автора, обращенное к адресату (читателю); 3) существуют различные типы и жанры текстов; 4) всем текстам свойственны фундаментальные характеристики – текстовые категории (см.: 5, с.185). Характерно также, что стиль рассматривается как текстовая стратегия, т.е. стилистическое единство текста вместе с относительной оформленностью, тематическим и структурным единством и смысловой завершенностью отличает текст от нетекста (9). В.И.Карасик считает, что тематическое, структурное и стилистическое единство является конститутивным признаком текста, причем ведущим в этом единстве признается стилистический признак (5, с.188). Именно с помощью этого признака любой текст встраивается в коммуникативный опыт человека и оценивается как текст или нетекст. По мнению В.И.Карасика, даже при тематическом рассогласовании некоторый фрагмент может представлять собой

стилистическое единство (там же). В целом стратегическое понимание стиля основывается на существовании жанрового прототипа, т.е. стереотипа порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся ситуациях, обстоятельствах.

В стилистике последних десятилетий плодотворно сосуществуют и активно используются функциональный, прагматический и когнитивный подходы. Такое разнообразие в теоретической базе стилистических исследований обусловлено сложностью самих объектов рассмотрения, требующих комплексного изучения. Среди указанных подходов к решению стилистических проблем особого внимания заслуживает когнитивный подход. В современном языкознании исследования когнитивных аспектов языка не только сохраняют передовые позиции, но расширяются на различные области науки о языке, демонстрируя перспективность этого подхода, в частности в стилистике.

Распространение идей когнитивной науки на изучение стилистических явлений некоторое время сдерживалось разделяемым некоторыми учеными мнением о том, что когнитивный подход не может учесть личностных (стилистических) и социальных измерений языка (8; 9). Однако к настоящему времени общепризнанным можно считать положение, согласно которому когнитивные исследования неизбежно связаны с пониманием того факта, что человек является одновременно и членом своего общества, и отдельной личностью.

Кроме того, когнитивная теория языка имеет функциональный характер, так как языковое поведение явно имеет целенаправленную природу и само по себе функционально. И наконец, прагматика языкового поведения человека обеспечивается существованием определенной когнитивной инфраструктуры, включающей знание языка, знание культуры и норм социального взаимодействия, т.е. всем тем, что относится к человеку как личности и члену определенного социума (7; 9). Следует отметить, что в самой когнитивной лингвистике отмечаются изменения в ориентации исследований, позволяющие более активно использовать когнитивный подход в стилистике. Как известно, в задачи когнитивной семантики в настоящее время обязательно входит исследование способов описания одной и той же ситуации с помощью разных языковых средств (7).

Обращение стилистики к когнитивной парадигме знания связано с тем, что когнитивный подход открывает новые пути

решения традиционных проблем стилистики. С когнитивных позиций языковые явления рассматриваются в неразрывном единстве всей когнитивной системы человека. В этой системе язык является той ее частью, которая призвана объективировать все процессы когнитивной системы человека.

Когнитивный подход уже продемонстрировал плодотворность своего применения в стилистике, наиболее показательным результатом чего можно считать когнитивную трактовку метафоры и метонимии – традиционных стилистических приемов (тропов). От рассмотрения этих приемов в риторико-стилистическом аспекте был сделан решающий поворот к пониманию тропов как неотъемлемой когнитивной части языка, служащей человеку для удовлетворения его коммуникативных потребностей и отражающей опыт его восприятия мира (19).

Когнитивное направление в стилистике в самом общем виде можно представить как объединяющее исследования двух типов: 1) исследования, разрабатывающие общие положения теории стилистики на базе когнитивной лингвистики; 2) исследования, предоставляющие когнитивное обоснование стилистическим приемам и построениям, выразительным средствам языка, традиционно относимым к сфере стилистики. Следует отметить, что для когнитивного обоснования основополагающих понятий стилистики большое значение имеет то обстоятельство, что эти понятия оказались вовлеченными в рассмотрение проблем, имеющих важное значение для когнитивной лингвистики (понимание и интерпретация текста, интенции и цели говорящих/пишущих, выбор языкового выражения, кодирование и декодирование стилистической информации и др.).

В этой связи вполне естественным и закономерным представляется внимание лингвистов к выбору языковых средств, с которыми в стилистике связывается как стилевая принадлежность текста, так и его выразительность, а также его коммуникативно-стилистические и эстетические функции. В когнитивной лингвистике выбор рассматривается как когнитивный процесс, в ходе которого полученные опытным путем знания структурируются в ментальные образы с помощью определенных концептуальных приемов (17, 18, 20). Традиционно в центре внимания лингвистов находились проблемы выбора языковых средств для выражения некоторого смысла. Однако сложность когнитивного процесса

выбора связана, очевидно, с тем, что работе по “оязыковлению” предшествует (или происходит одновременно с ней) выбор и структурирование информации для сообщения в тексте.

Выбор как когнитивный процесс занимает особое место в исследовании проблем текстовой референции (18). На основе положений когнитивной грамматики изучается специфический вид референции – иконографическая текстуальная референция. Особенность этого вида референции видится в том, что с ее помощью строится образ референта, который мог бы вызвать у адресата сильную эмоциональную реакцию. В зависимости от планируемой реакции различаются два вида референции: иконы (положительный образ) и карикатуры (отрицательный образ). Термин “референция” здесь используется в буквальном смысле как “направление, привлечение внимания” к источнику информации.

В когнитивном подходе в указанной проблеме текстовой референции ведущее положение отводится трем интерактивным процессам: знанию, выбору и основанию/обоснованию (8). Выбор приобретает особое значение, так как очевидно, что не вся релевантная информация включается в текст. В большинстве случаев и особенно в том, что относится к иконографической референции, выбор информации производится в определенных стратегических риторических целях. Выбор рассматривается также как интерактивный процесс, поскольку использование концептуальных приемов (инструментов) создания образа, например метафоры, зависит от природы используемой информации.

В целом выбор информации для выражения может представлять исследовательский интерес для специалистов, работающих в области стилистики, в связи со следующим: 1) выбором информации для осуществления референции к объекту; 2) выбором информации для ее упорядоченного представления при порождении текста. Результаты имеющихся исследований показывают, что обычно для выражения выбирается информация, которая будет эффективной для фокусирования внимания адресата на новом референте (в осуществлении референции) и которая является эффективным средством достижения коммуникативных целей (18, 20, 22).

Проблемы выбора информации для выражения языковыми средствами еще больше усложняются при рассмотрении сложной речевой деятельности, как, например, при описании, повествовании,

планировании совместных действий. В тексте (дискурсе) основная цель подразделяется на подцели, а информация распределяется по семантическому пространству текста (9). При этом выбор информации характеризуется одной чертой, общей для всех типов дискурса: говорящие проводят категоризацию информации, избранной для выражения, различая информацию основной структуры и информацию “побочной” структуры (21). Основная информация – это прямое развитие основной цели текста. Побочная информация включает дополнительные пояснения, ассоциации и др.

К настоящему времени появился целый ряд исследований (в основном диссертационных исследований), в которых разрабатываются проблемы когнитивного обоснования стилистических приемов и выразительных средств языка. Так, в работе К.В.Голубиной рассматривается проблема когнитивных оснований эпитета в художественном тексте (4). Применение когнитивного подхода связано с поиском наиболее адекватных способов описания онтологической природы стилистических явлений, лежащих в основе образования тропов, с решением задачи адекватной передачи информации в дискурсе. Последовательное применение положений когнитивной лингвистики позволило автору охарактеризовать основные принципы моделирования стилистической информации, передаваемой эпитетом в художественном тексте. Устанавливаются также основные закономерности построения эпитетов в тексте и выявляются базовые ментальные модели эпитета. Интересным в исследовательском плане является также рассмотрение эпитета в культурологическом аспекте. К.В.Голубина обосновывает необходимость выделения особой группы культурно-обусловленных эпитетов. Последние содержат в себе указание на национальную культуру носителей языка в виде лексической единицы на поверхностном уровне и в виде культурного концепта на “абстрактном” концептуальном уровне. Соответственно эпитеты первой группы изучаются по трем параметрам: по источнику фоновых знаний, по “реальности” обозначаемого объекта культуры, по ориентации эпитета (на денотат или на образ). Эпитеты второй группы включают такие национально-культурные концепты, как “дом и сад”, “монархия” и др.

В другом исследовании (Э.Б.Темяниковой) обосновывается концепция парадокса как особой языковой структуры репрезентации знаний (15). Исходя из того, что парадокс – это сложное логическое и

лингвистическое образование, автор работы считает необходимым разделять логический и языковой аспекты этого явления в процессе анализа. Выдвигается гипотеза о том, что существуют определенные когнитивные модели формирования парадоксов, соотносимые с логическими схемами, лежащими в их основе. В понимании когнитивной модели используется ее трактовка как “типového способа формирования парадоксальных высказываний, представляющих собой повторяющиеся конфигурации фреймовых структур, участвующих в создании парадоксов” (15, с.7). Используя метод когнитивного моделирования, автор выявляет пять когнитивных моделей построения парадоксальных высказываний.

В исследовании отмечается, что в основу любого парадокса положено противопоставление, которое получает эксплицитное выражение при выборе языковой техники формирования парадокса. Результаты анализа языкового материала показывают, что наиболее распространенным механизмом построения парадоксов является выведение языковых элементов, отражающих фокус фрейма, в рематическую позицию. К другим механизмам создания парадоксов относятся: антонимия, использование отрицательного элемента, синонимия, полисемия, использование фразеологических единиц и параллельные синтаксические конструкции. В тексте парадокс создает ярко выраженный эффект обманутого ожидания и обладает широким юмористическим потенциалом.

Существенным вкладом в дальнейшее развитие когнитивного подхода в стилистике можно считать исследования, представленные на заседаниях Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике¹. В исследовании Г.Г.Молчановой ставится общая задача выяснить закономерности конструирования блоков текста, несущих неявную глубинную смысловую информацию (13). Автор основывается на предположении о том, что имплицитный уровень текста должен проявляться с помощью когнитивных образований, сигналов выводного знания. В качестве исходной условной единицы анализа предлагается использовать концепт “имплицат”, в логическом плане состоящий из вербально выраженного антецедента и подразумеваемого консеквента. В семантическом плане имплицаты представляют собой неоднозначные

¹ Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 1998. – 298 с.

компоненты текста, порождающие “проблемную ситуацию” в языковой ткани текста, когнитивную напряженность при восприятии и способствующие передаче дополнительного прагматического смысла.

С позиций когнитивно-прагматического подхода Г.Г.Молчанова рассматривает отдельный тип имплицитов – антономазию. Этот прием подразумевает использование имени собственного (литературного персонажа или исторического лица) для вторичной номинации объекта или, наоборот, имени нарицательного для обозначения имени собственного. На этом примере автор показывает, как увеличивается емкость смыслового блока, как целые страницы описаний объединяются в одном концепте. В целом отмечается, что новые возможности, открываемые когнитивным и культурологическим подходами, позволяют исследовать текстовые категории (имплицитность и др.), принимая во внимание данные об операциях мыслительной деятельности, распознавании образов, памяти (сравнения, отождествления, умозаключения, формирования концептов).

Отличительной чертой когнитивных исследований по стилистике, по-видимому, можно считать стремление использовать единую когнитивную основу для рассмотрения семантики слова, построения смысла предложения, формирования и понимания текстов. В целом для стилистических исследований характерно рассмотрение не изолированного слова или слова в предложении, а в тексте, в ситуации общения. Привлекая обширный языковой материал, авторы исследований по когнитивной стилистике указывают на возможность сопоставления когнитивных моделей лексических единиц и когнитивных программ формирования текстов разных стилей и жанров. Выдвигая в центр внимания использование знаний в различных видах речевой деятельности, ученые считают текст точкой пересечения исследовательских интересов в этой области (7). Несомненная плодотворность применения когнитивного подхода к изучению текстов в то же время ясно обозначила невозможность описания этих структур без знания о когнитивном устройстве семантики слова.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Национальное сознание, язык, стиль // Лингвистика на исходе XX века: Тезисы докл. междунар. конф. – М., 1995. – Т.1 – С.32-33.

2. Беккер А.В. Когнитивно-прагматический аспект современной иноязычной номинации в английском тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 22 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 139 с.
4. Голубина К.В. Когнитивные основания эпитета в художественном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 25 с.
5. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: Социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград; Саратов, 1998. – С.185-197.
6. Кристал Д., Дейви Д. Стилистический анализ // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1980. – С.147-171.
7. Кубрякова Е.С. Понятия “дискурс” и “анализ дискурса” в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: Сб. науч.-аналит. обзоров. – М., 2000. – в печ.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М., 1996. – 289 с.
9. Лузина Л.Г. Распределение информации в тексте: Когнитивный и прагматический аспекты. – М., 1996. – 139 с.
10. Макаров М.Л. Социально-деиктическое измерение стиля // Языковое общение. Процессы и единицы. – Калинин, 1986. – С.76-81.
11. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь, 1998. – 199 с.
12. Маньковская З.В. Лингвостилистические особенности информационного развертывания научно-технического текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 22 с.
13. Молчанова Г.Г. Когнитивные проблемы категоризации: Свертка смысла и емкость текста // Материалы Первой междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 1998. – С.48-51.
14. Телия В.Н. Метафоризация как основной прием создания лексических и фразеологических средств языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1987. – С.212-271.
15. Темяникова Э.Б. Когнитивная структура парадокса: (На материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 27 с.
16. Язык, дискурс, личность. – Тверь, 1990. – 216 с.
17. Discourse and perspective in cognitive linguistics/ Ed. by W.-A.Liebert et al. – Amsterdam, 1995. – 217 p.
18. Hawkins B. Social dimension of cognitive linguistics // Discourse and perspective in cognitive linguistics. – Amsterdam, 1995. – P.21-36.
19. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago, 1982. – 246 p.

20. Levelt W. *Speaking*. – Cambridge, 1993. – 387 p.
21. Mann W., Thompson S.A. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization // *Text*. – Berlin, 1988. – Vol. 8, N 3. – P.243-281.
22. Nuyts J. *Aspects of cognitive-pragmatic theory of language: On cognition, functionalism, and grammar*. – Amsterdam, 1992. – 325 p.
23. Reinhart T. Principle of perception in temporal organization of narrative text // *Linguistics*. – The Hague; Paris, 1984. – Voi. 22, N 6. – P.779-809.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНЦЕ XX В.

Сборник обзоров

Художественный редактор Т.П.Солдатова

Технический редактор В.Б.Сумерова

Корректор В.И.Чеботарева

Лицензия: Серия ИД № 00748 от 18.01.2000 г.

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 5/1 – 2001 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ.л. 13,5 Уч.-изд.л. 12,7

Тираж 300 экз. Заказ № 5 .

ИНИОН РАН, 117418, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий

Тел. (095) 120-4514

Факс (095) 120-4514

E-mail: market @INION.ru

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН

119890. Москва, М. Знаменский пер., д. 11, стр. 3

тел.: 291-28-87

042(02)9